

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2022 – № 3 (13)

Ярославль
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – № 3 (13). – 155 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2022-3-13. – EDN GNDUJZ
2022, № 3 (13). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне; **Бойчук Елена Игоревна**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Борисова Елена Георгиевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, заведующий кафедрой теоретической лингвистики филологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахского государственного филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор РАО, академик РАЕН, профессор кафедры английской филологии, зав. НИЛ «Дискурсивная лингвистика» Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **Кондаков Игорь Валдимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ли Сяотао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Становая Лидия Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой, романской филологии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Чжэн Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Чэн Ицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Шапинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии».

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022

© Юго-Западный университет КНР, 2022

© Авторы статей, 2022

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2022. – № 3 (13). – 155 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2022-3-13. – EDN GNDUJZ
2022, № 3 (13). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor at the University of Moscow State University-PPI in Shenzhen; **Boichuk Elena Igorevna**, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Romance Languages, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Borisova Elena Georgievna**, Doctor of Philology, Professor of the Department of German Studies and Linguistics of the Institute of Foreign Languages of the Moscow City Pedagogical University, Head of the Department of Theoretical Linguistics of the Faculty of Philology of the State Academic University for the Humanities; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Zheltukhina Marina Rostislavovna**, Doctor of Philology, Professor of the Russian Academy of Education, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of English Philology, Head. Research Laboratory "Discursive Linguistics" of the Volgograd State Social and Pedagogical University; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Stanovaya Lidia Anatolyevna**, Doctor of Philology, Professor, Head. Department of Romance Philology of the Russian State Pedagogical University named after AI Herzen; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertising of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research».

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69
(publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2022

© Southwest University of the People's Republic of China, 2022

© Authors of articles, 2022

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Цзян И, Вэнь Лунцзе Шанхайская организация сотрудничества: построение регионализма на основе консенсуса (часть 2)..... 5

Ли Сяотао, Ло Вэйи Имидж Китая в школьных учебниках по всеобщей истории в СССР и РФ 27

Кушнарев Ф. Ю. Бренд страны, региона и города, как фактор «мягкой силы» России 44

ФИЛОЛОГИЯ

Казьмина О. А. Репрезентация иконического сюжета «Чудо Георгия о змие» в пьесе М. А. Булгакова «Бег» 69

Дубаков Л. В., Го Вэньцзин Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц 81

Гао Шаопин Переводческая практика и обучение переводу на основе национальной переводческой компетенции 95

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Ерохина Т. И. Японский дискурс творчества Ф. М. Достоевского: драма «Братья Карамазовы» 106

Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа волка в русской поэзии XIX – XX века 121

Иванов Н. Н. Культурный мифопоэтический код Востока в творчестве М. Пришвина: русский корень жизни Жень-шень 139

Условия публикации статьи в научном журнале «Мир русскоговорящих стран» и требования к оформлению рукописей 151

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Jiang Yi, Wen Longjie Shanghai Cooperation Organization: building regionalism through consensus (part 2) 6

Li Xiaotao, Luo Wei The image of China in the USSR and RF world history school textbooks 28

Kushnarev F. Yu. The brand of the country, region and city as a factor of Russia's "soft power" 45

PHILOLOGY

Kazmina O. A. Representing the iconic plot of St. George and the dragon in M. A. Bulgakov's play Flight 70

Dubakov L. V., Guo Wenzing Cultural image of the were-fox in Elena Shvarts' poetry 82

Gao Shaoping Translation practice and translation training based on national translation competence 96

CULTURAL SCIENCE

Erokhina T. I. The Japanese discourse of F. M. Dostoevsky's creativity: The Brothers Karamazov series 107

Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the wolf image in Russian poetry of XIX-XX centuries 122

Ivanov N. N. Cultural mythopoetic code of the East in M. Prishvin's work: the Russian root of life Ginseng 140

Conditions of publication of the article in the scientific journal «World of Russian-speaking countries» and requirements for manuscripts .. 153

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-5-26
EDN GKFHMH

**Шанхайская организация сотрудничества:
построение регионализма на основе консенсуса (часть 2)**

Цзян И¹✉, Вэнь Лунцзе²

¹Доктор юридических наук, профессор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Китайская Академия общественных наук, приглашенный профессор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, Пекин.

²Доктор философии, главный корреспондент Службы новостей Китая, научный сотрудник Исследовательского института развития Фуданьского университета, заместитель директора департамента комментариев и теории Китайской службы новостей, Пекин

¹jiangyi@cass.org.cn✉, <https://orcid.org/0000-0001-8297-3786>

²wenlongjie@chinanews.com.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5566-7967>

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу рассмотрения специфики регионального строительства на примере Шанхайской организации сотрудничества, регионализм которой имеет как сходство с другими аналогичными региональными организациями (такими как ОАГ, ОАЕ, Лига арабских государств, АСЕАН, ЕС), так и свои уникальные отличительные характеристики. В статье рассматриваются регионалистские атрибуты и региональный консенсус ШОС, обсуждается основа построения организации и причины ее успеха, а также анализируется взаимосвязь между коллективным «консенсусом» и «интересами» государств-членов ШОС, рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается региональное строительство и сотрудничество в различных областях, обобщаются особенности построения регионализма ШОС и стратегии будущего развития. Авторы рассматривают специфику регионализма ШОС с точки зрения нескольких показателей прямого проявления силы всеобъемлющей власти страны, размера ее влияния на другие страны и способности формировать региональный порядок. Особое внимание в статье уделяется отношениям между регионализмом и государственным национализмом как неизбежной проблемы в процессе организационного развития ШОС, анализу конку-

© Цзян И, Вэнь Лунцзе, 2022

ренции между крупными державами на территории деятельности ШОС, рассмотрению разнообразных политических игр интересов, связанных с функционированием ШОС. В статье делается вывод, что функция ШОС состоит в том, чтобы найти общий знаменатель в достижении консенсуса, усилить взаимозависимость в продвижении сотрудничества, минимизировать внутренние конфликты, продолжать углублять региональное управление и строительство регионального порядка. Общий и непрерывный прогресс региональных субъектов (государств-членов), региональных механизмов (ШОС) и регионального строительства (сотрудничества в различных областях) будет способствовать дальнейшему усилению влияния ШОС, а также послужит платформой для нового глобального управления.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества; регионализм; региональный порядок; региональное сотрудничество; политические игры; «Один пояс, один путь»; игра с нулевой суммой

Для цитирования: Цзян И, Вэнь Лунцзе Шанхайская организация сотрудничества: построение регионализма на основе консенсуса (часть 2) // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 5-26. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-5-26>. <https://elibrary.ru/gkfhmh>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

**Shanghai Cooperation Organization:
building regionalism through consensus (part 2)**

Jiang Yi^{1✉}, Wen Longjie²

¹Doctor of Law, Professor at the Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences (CASS), visiting professor at the Center for studying Russian-Speaking Countries, Southwest University, PRC Ministry of Education, Beijing.

²Doctor of philosophy, chief correspondent of China News Service, scientific employee at the Research Institute of Development, Fudan University, deputy director of the commentary and theory department, China News Service, Beijing

¹jiangyi@cass.org.cn[✉], <https://orcid.org/0000-0001-8297-3786>

²wenlongjie@chinanews.com.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5566-7967>

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of regional construction based on the example of the Shanghai Cooperation Organization whose regionalism has both similarities with other similar regional organizations (such as the OAS, the OAU, the Arab League, ASEAN, and the EU) and its unique distinctive characteristics. The article examines the regionalist attrib-

utes and the SCO regional consensus, discusses the basis for building the organization and the reasons for its success, and analyzes the relationship between the collective “consensus” and the “interests” of the SCO member states. The authors examine the challenges facing regional construction and cooperation in various fields, outline the peculiarities of building the SCO regionalism and strategies for its future development. The specificity of the SCO regionalism is considered with regard to several indicators of the direct manifestation of the country's pervasive power, the size of its influence on other countries, and its ability to shape the regional order. The article pays particular attention to the relationship between regionalism and state nationalism as an inevitable problem in the SCO organizational development, analyses the competition among major countries within the scope of the SCO, and examines various political games associated with the SCO functioning. The article concludes that the SCO's function is to find a common ground in reaching consensus, to strengthen interdependence in promoting cooperation, to minimize internal conflicts, and to further deepen regional administration and building regional order. The overall continuous progress of regional member states, regional mechanisms (SCO) and regional construction (cooperation in various fields) will contribute to further strengthening the influence of the SCO, and will serve as a platform for new global management.

Key words: Shanghai Cooperation Organization; regionalism; regional order; regional cooperation; political games; “One Belt, One Road”; zero sum game

For citation: Jiang Yi, Wen Longjie Shanghai Cooperation Organization: building regionalism through consensus (part 2). *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):5-26. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-5-26>. <https://elibrary.ru/gkfhmh>.

Введение

В первой части нашей статьи мы начали рассмотрение ключевых принципов регионализма ШОС и политических сценариев, с которыми ШОС сталкивается в региональном строительстве и сотрудничестве в различных областях, а также охарактеризовали регионалистский консенсус и пути его построения [Цзян И, 2022]. Далее мы рассмотрим разнообразные поли-

тические игры, с которыми сталкивается ШОС в процессе регионального строительства.

Регионализм и политические игры

Обнаруживая схожие черты с другими регионалистскими конструкциями, ШОС также имеет свои специфические характеристики (отметим, что специфика регионализма ШОС неоднократно становилась предметом исследования не только китайских, но и множества

российских политологов [Борисенко, 2016; Васильева, 2015; Воробьев, 2012; Лукин, 2005; Никитина, 2009; Сафранчук, 2015 и др.]). Эти черты могут быть обусловлены вызовами, с которыми сталкивается ШОС, а могут быть давней объективной реальностью, сопровождающей конструирование регионализма. Поэтому обсуждение этих характеристик имеет не только академическое, но и политическое значение, то есть поможет четко разобраться в будущем строительстве ШОС, какие факторы являются проблемами, которые могут быть решены, какие факторы являются проблемами, которые трудно устранить, но можно подстраховаться, а какие факторы – это неизбежно существующая объективная реальность.

Особая силовая структура

Международные отношения по-прежнему рассматривают власть в качестве основного составляющего элемента, и традиционное силовое регулирование, и сдерживающие факторы, и противовесы все еще существуют, как и построение регионализма во главе с правительством. Если рассматривать специфику регионализма ШОС с точки зрения нескольких показателей прямого проявления силы всеобъемлющей власти страны, размера ее влияния на другие страны и способности формировать региональный порядок и т. д., то нет никаких сомнений в том, что в рамках ШОС структура власти является очень

разной. Если взять в качестве примера только ВВП, то объем Китая в 115 трлн долларов США (2020 год) в 200 раз превышает объем ВВП Таджикистана в 77,3 млрд долларов США (2020 год). Судя по реальной ситуации, как крупнейшие мировые державы, Китай и Россия, очевидно, имеют гораздо большее влияние на международный ландшафт, международную политику, безопасность и экономику, чем другие страны. Даже способность Индии формировать определенные вопросы намного сильнее, чем у некоторых государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. По сравнению с Европейским союзом и АСЕАН, в рамках регионалистского строительства, такая разрозненная структура власти никогда раньше не наблюдалась.

Однако в современных международных отношениях абсолютная власть, которой обладают могущественные страны, не может пользоваться абсолютными преимуществами. Исторически могущественные страны использовали свои преимущества, чтобы просто подчинять, принуждать и сдерживать слабые страны. В значительной степени методы принуждения и сдерживания оказались неэффективными. Еще Самюэль Хантингтон – американский политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций – утверждал, что «... в условиях различной борьбы за власть ни одна страна не может установить порядок, полно-

стью соответствующий ее желани-ям» [范可, 2005, с. 84]. Переговоры и компромиссы, даже если они не совсем добровольны, как правило, являются основным инструментом взаимодействия в международных отношениях. Основная и существенная причина достижения такого прогресса заключается в том, что в мире, в котором все взаимосвязано, относительно слабые страны могут также усилить свою переговорную власть над крупными странами и получить относительную власть в определенной структуре в силу своих геополитических и экономических особенностей или их важности для безопасности и развития крупных стран. Если это связано с многосторонним механизмом, которому определенная крупная страна придает большое значение и на который опирается, то эта относительная сила еще более очевидна. Поэтому отношение ШОС к установлению нового типа международных и национальных отношений не только соответствует веяниям времени, но и основано на понимании нового типа структуры власти. Структура и принцип действия механизма ШОС – это не концентрический круг, в котором доминирует определенная страна, это не иерархическая система в виде пирамиды, и это не полностью относительно сбалансированная единица, и это не баланс между одним или несколькими кластерами, которые содержат друг друга. Эта новая структурная энергетическая

система обладает *двумя характеристиками*.

Первая особенность заключается в том, что юридическое равенство каждого государства-члена не предполагает равной роли и влияния, а также равного вклада в организацию. Если региональное строительство ставит своей целью эффективную реализацию, то крупные державы должны играть роль «локомотива», и должны быть в ситуации, когда крупные державы получают большее влияние, представляя большинство общественных благ для регионального строительства. Это более очевидно даже в ЕС, который не так уж и отличается: «ось» Германии и Франции всегда была основной силой для поддержания и развития европейской интеграции. В последние два десятилетия именно Китай и Россия сыграли важную ведущую роль в развитии ШОС во всех аспектах и в формировании регионального порядка. Среди них наиболее успешны совместные усилия стран по борьбе с «тремя силами зла» и поддержанию региональной безопасности: большие страны используют свои преимущества в различных аспектах для мобилизации и координации регионального сотрудничества в области безопасности, оказания необходимой помощи малым странам, а другие страны сотрудничают в политике, разведке, правоохранительных органах и в других аспектах. Именно усилия двух крупнейших держав, Китая и

России, и активное сотрудничество других центральноазиатских стран позволили центральноазиатскому региону долгое время эффективно сдерживать «три силы зла» и создавать наиболее важные продукты общественной безопасности для региона.

Вторая особенность заключается в том, что для реализации принципа равноправного участия и совместного строительства в ШОС создана институциональная схема коллективного принятия решений, то есть по ряду вопросов, таких как выражение коллективной воли, декларирование основных вопросов и принципов, организуя совместные действия, ШОС реализует принцип консенсуса, а коллективные решения менее обязательны для государств-членов. Преимущество этой системы коллективных консультаций в том, что она полностью отражает равенство сил между большими и малыми странами, и каждая страна имеет свое право вносить предложения и решения по построению регионализма. Его недостатками являются, естественно, более высокие затраты на координацию и более низкую оперативную эффективность, а также невозможность избежать возникновения «вето в один голос». Такая ситуация действительно существует в реальной работе Шанхайской организации сотрудничества, и она также привлекала внимание как политических, так и академических кругов. Вопрос о том, «как повы-

сить эффективность ШОС», стал важной темой в академических научных кругах.

Следует сказать, что дилемма между консенсусом и эффективностью является общей проблемой во всех процессах построения регионализма. АСЕАН, придерживающаяся аналогичного принципа консенсуса, подвергалась критике за неэффективность в решении региональных проблем. Несмотря на различия в институциональных механизмах ЕС, разделение властей является более сложным, а механизмы принятия решений более разнообразными. Время от времени возникают различные бюрократические структуры внутри союза, взаимные ограничения между государствами-членами и трудности в объединении. Поэтому не стоит слишком переживать по этому поводу. Как базовый принцип ШОС, консенсус является не только основой формирования консенсуса для продвижения регионализма, но и основным способом укрепления единства и достижения организационной стабильности за счет совместного участия, а также является практикой реализации концепции демократизации международного отношения в региональном управлении. Следует также отметить, что многие страны ШОС имеют явные государственно-националистические идеологические и политические предпочтения. Отношения между регионализмом и государственным национализмом – неизбежная про-

блема в процессе организационного развития. Развитие и функционирование ШОС будет иметь долгосрочное соперничество между регионализмом и государственным национализмом, а взаимные ограничения и ограничения двух идеологий и политик будут существовать долгое время. Нет готового ответа на вопрос, как найти относительный баланс между ними. В таких условиях любые усилия в погоне за эффективностью должны быть очень деликатны, и многие попытки в этой области могут вызывать сомнения в некоторых странах, а также существует опасность непредвиденных последствий. Например, какие вопросы могут быть освобождены от требования принципа консенсуса? Кто решает эти вопросы? Другой пример: имеет ли сам так называемый метод «меньшинство подчиняется большинству» окраску принуждения «меньшинства» и не противоречит ли он сам природе и принципам организации? Если это будет происходить часто, особенно когда большая страна становится «меньшинством», не приведет ли это к организационной фрагментации? Какие проблемы вызывают единство внутри организации? Как упоминалось ранее, построение и развитие ШОС в основном опираются на региональный консенсус, а не на обязательную правовую систему и систему правил. Только это способствует созданию у всех сторон более высокого чувства комфорта и

уважения, стремления к поиску и расширению общих интересов, а также нахождению коллективного общего знаменателя в разнообразных и многочисленных требованиях. Фактически, в предыдущей практике государства – члены ШОС также пытались найти возможности для сотрудничества в двустороннем и малом многостороннем масштабе, когда синхронизация всех членов не может быть достигнута.

Построение регионализма – это процесс динамического приспособления и взаимной адаптации. Европейский союз потратил более 40 лет на создание единого рынка для свободного движения товаров, капитала, услуг и людей не только в период разногласий, но и, когда глобализация сталкивается с вызовами и внутривнутриполитическими крахами. Для ШОС с огромными различиями в государствах-членах и отсутствием опыта регионального сотрудничества наладить работу данного процесса будет непросто с точки зрения времени и сложности. Таким образом, даже самый медленный консенсус более надежен для организационной стабильности, чем поспешная погоня за эффективностью.

ШОС

и политические игры интересов

Все многосторонние процессы вращаются вокруг темы переплетения и столкновения интересов, в том числе и ШОС. Построение регионализма на основе консенсуса

не означает отсутствия игры интересов, не говоря уже о том, что формирование консенсуса основано на гарантии интересов и соблюдении интересов. Что еще более важно, территория деятельности ШОС (Центральная Азия – Южная Азия) также насыщена конкуренцией между крупными державами и различными силами внутри и вне организации. Конкуренция между крупными державами внутри организации и конкуренция между крупными державами внутри и вне организации накладываются друг на друга, и их распространение влияет на политику других государств-членов. Это делает многочисленные политические игры в рамках ШОС более сложными и коварными.

С точки зрения участников, областей и характера игр интересов, с которыми сталкивается ШОС, игры интересов в ШОС можно условно разделить на две категории и четыре группы, а именно: игры внутри организационной структуры, игры между организацией и внешними силами, а также игры между несколькими крупными силами внутри и за пределами организации.

(1) Игра каждой страны в целях оптимизации собственных интересов Страны-члены ШОС достигли высокой степени консенсуса, и как реализовать общую концепцию и как превратить интересы всех сторон в реальные выгоды – это игровой процесс. Судя по прошлой истории, такие игры в основном со-

средоточены в сфере экономического сотрудничества. Хотя конкретные причины различны, общность основной логики отражается в двух аспектах: во-первых, все страны надеются добиться развития посредством сотрудничества, но развитие является не только динамичным процессом, но и содержит в себе значительный компонент самопознания. Иногда некоторые проблемы с экономическим сотрудничеством в ШОС заключаются не в том, что интересы не совсем совпадают, а в том, что пути, методы и сроки реализации собственных интересов различными странами противоречивы и несовместимы. Во-вторых, рациональность в самоописании и самопознании не обязательно вызывает положительный отклик у другой стороны. Усилия, прилагаемые крупными странами для расширения и углубления экономического сотрудничества, универсальность и общая ценность этого сотрудничества могут не только не быть быстро поняты другими странами, но и могут вызвать такую реакцию в некоторых странах региона: выигрывают ли сильные больше от этого сотрудничества? Должны ли слабые получать больше льгот и преимуществ? Из-за этих двух логик повестка дня ШОС по развитию экономического сотрудничества часто носит более обобщенный, чем практический характер: легко достичь консенсуса, когда речь идет об общих принципах, но он дает сбой, когда дело до-

ходит до конкретной реализации этих принципов. Более того, многие члены будут проводить прагматичную политику, основанную на оценке затрат и выгод, в соответствии с текущей ситуацией и оценкой затрат и выгод при осуществлении экономического сотрудничества. И опыт, в том числе история собственного развития ШОС, доказывает, что прагматическая политика часто характеризуется нестабильностью и переменчивостью.

У ШОС нет цели развития, ориентированной на интеграцию, а инициатива о зоне свободной торговли после многолетней напряженной работы только начала обсуждаться как долгосрочный план. Для организации, где подавляющее большинство стран являются членами Всемирной торговой организации (ВТО), такой уровень сотрудничества действительно является весьма «альтернативным». Одна из важных причин этого заключается в том, что, хотя суверенитет и безопасность должны быть общими для всех стран при осуществлении ими внешнеэкономического сотрудничества, на пространстве ШОС эта ситуация более заметна и очевидна. Открытость и либерализация, требуемые регионализмом, предполагают передачу суверенитета, по-прежнему очень деликатны и сложны для стран, которые считают суверенитет первым элементом. Если мы примем во внимание огромные разрывы в размерах экономики, всеобъемлющей нацио-

нальной мощи и направлении развития, у некоторых малых стран неизбежно возникнет менталитет беспокойства о «понесенных потерях». Отдельные примеры реального сотрудничества также показывают, что в некоторых странах националистические социальные настроения очень легко использовать в качестве инструмента политической борьбы или экономической конкуренции, создавая большие проблемы для экономического сотрудничества.

Вообще говоря, такого рода игра носит и позитивный, и негативный характер, и отношение всех сторон к сотрудничеству и осознание того, что сотрудничество неизбежно принесет больше пользы, являются общими. Поэтому, несмотря на то что игровой процесс длительный, пока все стороны прилагают непрерывные усилия, сотрудничество будет продолжаться и может развиваться постепенно. В этом смысле китайское правительство на протяжении многих лет подчеркивало и продвигало «политическую коммуникацию» [习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲 ... , 2013] и считает это «важной гарантией» [中国国家发展改革委 ... , 2015] углубленного экономического и торгового сотрудничества. Полный обмен контрмерами постепенно интегрирует региональное сотрудничество и соответствующие планы развития, региональные маршруты долгосрочного

сотрудничества и их соответствующие краткосрочные выгоды для достижения координации политики, когнитивной интеграции и стабильного и предсказуемого сотрудничества.

(2) Хотя китайско-российская игра основана на общих потребностях поддержания китайско-российских отношений, официальные лица двух стран всегда избегали упоминания этой деликатной темы, но Китай в качестве «нового элемента» вышел на традиционный российский «задний двор». Неоспоримый факт, что российская сторона не делала из этого секрета. Однако этот вид игры имеет как позитивные, так и негативные характеристики. С одной стороны, Центральная Азия, как ближайший сосед, является центром внимания и основной целью двух крупнейших держав, Китая и России, стремящихся к экстерриториальной власти, а также общей тенденцией стремления независимых центральноазиатских стран сотрудничать с двумя крупными державами, Китаем и Россией. Обе стороны осознают, что геополитическая среда и региональная структура Центральной Азии полностью изменились после холодной войны, и сосуществование Китая и России неизбежно. С другой стороны, обеим сторонам также ясно, что, если Китай и Россия будут вести жестокую конкуренцию в Центральной Азии, то они понесут только потери и ничего не выиграют. Более того,

даже России сложно справиться с вызовами в этом регионе в одиночку. Наоборот, взаимное признание, компромисс и координация между двумя странами в этом регионе в сочетании с активным сотрудничеством со странами региона не только помогут им укрепить здесь запас безопасности и политических прав и интересов, но и могут создать новые дополнительные права и интересы. На этом понимании основано совместно продвигаемое Китаем и Россией построение регионализма ШОС, и в процессе обе стороны добились информационной прозрачности и взаимной координации. Китай неоднократно подчеркивал, что Китай не намерен наносить ущерб интересам России и Центральной Азии и поддерживает разнообразное сотрудничество между Россией и странами Центральной Азии. Российская сторона также высказалась за развитие отношений между Китаем и странами Центральной Азии, поддержала многостороннее сотрудничество в различных сферах в рамках ШОС. На стратегическом уровне обе стороны также добились взаимного признания и сотрудничества. С 2015 г. члены ШОС приветствовали инициативу Китая по строительству Экономического пояса Шелкового пути [上海合作组织成员国元首乌法宣言 ... , 2015], а в 2018 г. выразили желание реализовать связь между инициативой «Один пояс, один путь» и Евразий-

ским союзом, в 2019 г. Китай выразил поддержку предложенной Россией инициативе «Большого евразийского партнерства» [中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明 ... , 2019]. С точки зрения конкретных проектов результаты китайско-российского сотрудничества также весьма очевидны: «Китайско-европейский железнодорожный экспресс» через Среднюю Азию и Россию уже много лет работает в крупномасштабном и нормализованном режиме, а китайско-казахстанский нефтепровод также стал для России каналом экспорта нефти в Китай.

Как и в любой политической игре, у обеих сторон есть свои интересы и соображения. В связи с этим «разница температур» между Китаем и Россией в основном отражается на экономическом сотрудничестве ШОС. Российская сторона явно ощущает больше выгод от сотрудничества в политике и безопасности и настаивает на этом как на главном направлении работы ШОС; китайская сторона считает, что сотрудничество в различных областях ШОС должно продвигаться одновременно, а региональное развитие может быть достигнуто только за счет экономического сотрудничества для достижения устойчивой региональной безопасности; российская сторона не выступает против экономического сотрудничества

в регионе, но считает, что время для определения интеграционных целей, формулирования интеграционных правил и реализации интеграционного процесса еще не настало. Упомянутая здесь «зрелость» явно относится к построению Евразийского союза, то есть до того, как будут установлены различные институциональные правила Евразийского союза и созреет их функционирование, об интеграции ШОС можно говорить только на ранней стадии. Главное здесь не время, а формулировка правил и стандартов, а также решение ключевого вопроса: будут ли другие страны ориентироваться на Евразийский союз или разные экономики совместно станут выстраивать новую интеграционную платформу.

Следует отметить, что в значительной степени расширение ШОС также является результатом стратегического компромисса между Китаем и Россией, то есть обе стороны осознают, что стремление к более тесному сотрудничеству с Индией поможет справиться с «Индо-Тихоокеанской стратегией», которую пытаются реализовать Соединенные Штаты. Активное продвижение Россией стратегии расширения членства также часть политической игры с Китаем: с одной стороны, за счет расширения членства расширяется пространство для деятельности «Большого евразийского партнерства» и обостряются проблемы в политической сфере и сфере безопасности ШОС. С другой

стороны, расширение членства позволит искать более выгодную для России позицию в трехстороннем взаимодействии Китая, России и Индии.

(3) Китайско-индийский конфликт и расширение ШОС в 2017 году, несомненно, являются крупным прогрессом в построении регионализма, но многие аналитики также обращали внимание на отношение Индии к ШОС, а также на стратегическое взаимное недоверие между Китаем и Индией и на конфронтацию Индии и Пакистана, тоже привнесшую в ШОС элементы политической игры.

В отличие от других государств-членов ШОС, Китай и Индия по-прежнему имеют серьезные противоречия в традиционной сфере безопасности (как и между Индией и Пакистаном). В последние годы, с развитием силы, две страны стали более требовательны к собственной безопасности и интересам, и это противоречие стало более заметным. Несмотря на многочисленные усилия Китая, политическая основа двусторонних отношений все еще слаба, а механизму сотрудничества для преодоления разногласий по-прежнему не хватает взаимного доверия. Вопросы, оставшиеся от истории Китая и Индии, трудно воспроизвести по модели «Шанхайской пятерки», и решить их в рамках Шанхайской организации сотрудничества невозможно. С точки зрения ШОС, у Индии есть очевидные факторы для игры с Кита-

ем, такие как недопущение того, чтобы Китай возглавил строительство регионального порядка, предотвращение маргинализации Индии в новой региональной модели, планирование крупных силовых операций Индии, включая получение новых возможностей для переговоров и общую политику в отношении Китая. Но это еще не вся политика Индии в отношении Шанхайской организации сотрудничества.

Вступление Индии в ШОС является отражением заметного положения Индии в новой международной «шахматной партии» и реализации ее мечты стать великой державой, а также характеристиками внешней стратегии Индии, основанной на многонаправленном хеджировании для получения прибыли, выгоды: участвуя в ШОС, она вмешивается в процесс регионального формирования, создавая новую платформу для реализации своей политики «Соединим Центральную Азию» (Connect Central Asia policy); будучи членом ШОС, она укрепляет свои позиции в игре с США и западными странами. Она также использует «Индо-тихоокеанскую концепцию» и четырехсторонний союз между Соединенными Штатами, Японией, Австралией и Индией (Quad) для защиты от регионализма Китая и России и создания противовеса Китаю. Очевидно, что основной мотив вступления Индии в ШОС носит явно конъюнктурный характер. В то

же время следует отметить, что признание Индией принципов и духа ШОС и принятие ею Устава ШОС не являются полностью ложными, но показывают, что эти цели, по крайней мере, не противоречат стратегическим намерениям Индии, и региональный консенсус ШОС имеет элементы, которые соответствуют его пожеланиям. Хотя базовая система, которую сформировала ШОС, представляет собой лишь мягкое ограничение, пока Индия не желает противостоять другим членам организации и надеется получить выгоды внутри организации, она в основном будет выполнять свои соответствующие обязанности и обязательства, в основном уважать коллективную волю и соблюдать соответствующие правила. В то же время, некоторые виды сотрудничества в рамках ШОС соответствуют интересам Индии, такие как региональная борьба с терроризмом и экономическое сотрудничество с другими государствами-членами, включая Китай.

Поэтому политика Индии в отношении самой ШОС также носит хеджирующий и двусторонний характер. С одной стороны, внимание Индии в ШОС больше сосредоточено на том, как добиться благоприятной ситуации и влияния на региональные дела в игре великих держав, а не на совместном углублении и расширении конструкции регионализма ШОС. В частности, его намерение конкурировать с Китаем, вероятно, увеличит стоимость

и сложность координации внутри организации. Например, Индия единственная в ШОС не высказалась в поддержку инициативы «Один пояс, один путь» и испытывает по отношению к ней большие сомнения. С другой стороны, у Индии также есть некоторые возможности для консенсуса и сотрудничества с ШОС и ее государствами-членами, и нет оснований полагать, что это пойдет вразрез с построением регионализма ШОС. Судя по трехлетней практике вступления в организацию, Индия не играла роль разрушителя, а придерживалась позиции сотрудничества.

На самом деле политика Индии в отношении Китая также четко демонстрирует двойственный характер конкуренции и сотрудничества, то есть, не скрывая своих опасений, сомнений и разногласий с Китаем, она также поддерживает сотрудничество в рамках механизма БРИКС и G20 и постоянно поощряет экономические и торговые обмены между двумя странами (Китай уже много лет является одним из самых важных торговых партнеров Индии); в спорных пограничных районах он продолжает провоцировать и создавать инциденты, но одновременно и поддерживает диалог и переговоры для урегулирования разногласий.

Из-за особенностей политики Индии во взаимоотношениях между Китаем и Индией существуют как положительные, так и отрицательные факторы. Проблемы по-

строения регионализма в этом отношении таковы: во-первых, следует приложить усилия, чтобы ограничить китайско-индийский конфликт двусторонними отношениями и отделить китайско-индийский конфликт от сотрудничества в рамках ШОС, хотя между ними будет некоторая связь – по крайней мере, с точки зрения индийской политики. Во-вторых, ШОС должна обладать достаточной мудростью и умением использовать хеджирующие черты индийской политики и снижать или избегать влияния негативных факторов индийской политики. ШОС готова взять на себя инициативу в формировании вопросов и сотрудничестве в конкретных областях, подчеркивая аспекты сотрудничества, преуменьшая противоречия и способствуя тому, чтобы Индия играла положительную роль в построении регионализма на основе консенсуса, руководствуясь общими интересами, а также коллективной волей.

(4) Вызовы со стороны Соединенных Штатов. Соединенные Штаты, несомненно, являются крупнейшим внешним фактором ШОС, и эта роль вращается вокруг игры великих держав и конкуренции за региональное господство и влияние. Бжезинский считает, что Центральная Азия «... имеет очень важное геополитическое значение для Соединенных Штатов: Соединенные Штаты находятся слишком далеко, чтобы быть доминирующей державой в этой части Евразии, но

слишком сильны, чтобы не участвовать в делах этого региона» [布热津斯基, 1998, с. 197]. Таким образом, идея регионального сотрудничества между Соединенными Штатами и ШОС заключается в осуществлении сбалансированного подхода, использовании политических, экономических инструментов и инструментов безопасности и предоставлении странам Центральной Азии большего выбора, чтобы они могли меньше полагаться на соседние крупные страны во всех аспектах, и, следовательно, способствовать получению этими странами более сильного чувства независимости, в конечном итоге уменьшая влияние Китая и России на эти страны и затрудняя контроль над процессом регионального строительства и направлением развития [杨育才、袁毅, 2020]. Несколько основных особенностей этой политики заключаются в следующем:

Одна из них – связать сдерживание развития ШОС со сдерживанием Китая и России. США всегда очень настороженно относились к ШОС, считая, что организация и пропагандируемый ею регионализм в основном являются результатом совместных усилий Китая и России по созданию в Центральной Азии «антизападного» лагеря и расширению влияния двух стран. Поэтому по мере того, как Соединенные Штаты возвращаются к стратегии соперничества великих держав, эта характеристика американской поли-

тики становится все более заметной и очевидной. В 2020 году Государственный департамент США опубликовал «Стратегию США в Центральной Азии (2019-2025 годы)», в которой первой из шести основных целей политики США в Центральной Азии является поддержка суверенитета и независимости стран Центральной Азии и их защита, от «злонамеренной» агрессии со стороны «злонамеренных субъектов» [United States Strategy for Central Asia, 2020]. Цель очень очевидна.

Вторая особенность – использовать страны Центральной Азии в качестве основного пункта прорыва против строительства региона, в котором доминируют Китай и Россия. После распада Советского Союза, хотя он и столкнулся с рядом перипетий, Соединенные Штаты всегда использовали любую возможность для углубления своих отношений со странами Центральной Азии. В области безопасности, политики, экономики, гуманитарных наук и защиты окружающей среды США постепенно продвигали сотрудничество с различными странами на многосторонней и двусторонней основе, и их цель – «сбалансировать влияние региональных соседей на Центральную Азию» [United States Strategy for Central Asia, 2020].

Третья особенность – связать Центральную Азию и Южную Азию для регионального формирования. Начиная с «Плана Большой Центральной Азии» (2005) и заканчивая «Планом Нового шелкового пути»

(2011) и «Стратегией США в Центральной Азии» (2020), в основном США следовали идее попытаться интегрировать Южную Азию и Центральную Азию в качестве нового сектора. Конечно, есть такие факторы, как противодействие терроризму и предотвращение распространения экстремистских сил, но есть и соображения по изменению геополитической и экономической структуры Центральной Азии, то есть отделению Центральной Азии от традиционной евразийской территории, на которой доминирует Россия, и противодействию китайской инициативе «Один пояс, один путь». Именно об этом говорится в «Стратегии Америки в Центральной Азии»: «Содействовать региональной независимости, чтобы избавиться от зависимости».

Четвертая особенность – сотрудничать с другими западными странами и совместно проникать в Центральную Азию. Европейский Союз, Япония и другие организации и страны активно развивают отношения со странами Центральной Азии. Хотя у каждой из них есть свои собственные интересы и потребности, у всех есть стратегические соображения по экспорту западных систем и концепций и недопущению доминирования Китая и России в региональных делах. «Демократическая трансформация», продвигаемая ЕС, и механизм C5+1 между Японией и Центральной Азией фактически сформировали стратегическое взаимодействие с Соединенными Шта-

тами для расширения влияния в Центральной Азии. В 2007 и 2019 годах ЕС последовательно выпустил два стратегических документа по Центральной Азии. Механизм диалога министров иностранных дел между Японией и Центральной Азией был запущен в 2004 г., и это была первая из крупных стран, которая создала такой механизм. Соединенные Штаты также поощряют экономическую помощь и строительство проектов через международные учреждения, такие как Всемирный банк и Международный валютный фонд, на которые они могут влиять.

Хотя Соединенные Штаты явно придерживаются позиции «игры с нулевой суммой» в отношении ШОС и демонстрируют сильную готовность конкурировать с Китаем и Россией, их фундамент в регионе ШОС непрочен, а их влияние и инструменты, которые могут быть эффективно использованы, ограничены, как и ограничена конкурентоспособность. С точки зрения сдерживания США Китая и России регион ШОС находится на фланге конкуренции. В целом фактор США является лишь элементом диверсифицированной конкуренции в регионе ШОС, не является ни главным препятствием, влияющим на направление развития ШОС, ни главным фактором, сдерживающим сотрудничество ШОС в различных областях, ни даже силой для манипулирования политическим процессом Шанхайской организации

сотрудничества в регионах. Поэтому в построении регионализма ШОС, обладающая сравнительным преимуществом, должна в первую очередь сохранять решимость и терпение, хорошо делать свое дело. Каждый шаг вперед в каждом сотрудничестве – это добавление очка к конкурентному преимуществу. Во-вторых, успех любого внешнего «офшорного баланса» связан с внутренними спорами. США и другие силы рассчитывают, что различные разногласия внутри ШОС будут и впредь подрывать консенсус и основу сотрудничества ШОС. Это также требует, чтобы семья ШОС сделала солидарность и сотрудничество темой своей работы и стремилась к наибольшему признанию и поддержке вопросов сотрудничества со стороны большинства членов по вопросам сотрудничества. В то же время необходимо уделять внимание текущим приоритетам сотрудничества и совпадению интересов между государствами-членами и динамично скорректировать отношения интересов между странами и между странами и ШОС. В-третьих, следует признать, что регионалистский принцип регионального приоритета в ШОС неочевиден. Внешнее сотрудничество основных государств-членов в основном осуществляется параллельно по нескольким направлениям, и трудно сказать, что ШОС является средоточием региональной интеграции России. С другой стороны, некоторые другие

страны региона пытаются получить больше переговорной силы в региональном строительстве и в играх с крупными странами региона за счет своей близости к странам за пределами региона и за счет введения внешних факторов. С этой точки зрения правильное регулирование отношений между регионализмом и межрегиональными многосторонними процессами и сосредоточение внимания на региональном строительстве является не только работой ШОС, но и предполагает координацию политики каждого государства-члена.

Заключение

С момента создания ШОС (20 лет назад) регионализм становился все более зрелым, постепенно совершенствовались региональные механизмы, продолжало развиваться региональное сотрудничество, оно добилось выдающихся успехов в построении нового типа государственных отношений и регионального порядка. Оглядываясь на прошедшие два десятилетия, мы можем обнаружить, что на фоне отличительных особенностей, основных условий, объективной среды, требований интересов, стратегической направленности и т. д. построение регионализма ШОС имеет сходство с другими аналогичными типами регионального сотрудничества, но при этом имеет свои собственные характеристики: непрерывный и постепенно обогащающийся региональный консен-

сус, позитивное взаимодействие между руководством и участниками специальной структуры власти, построение процесса многократной «обкатки» и непрерывного накопления результатов в игре множественных интересов. Такая парадигма обеспечивает новый шаблон для построения регионализма. Как сказал бывший президент Казахстана Нурсултан Назарбаев: «Развитие ШОС как важной международной организации, а также уровень и масштаб решаемых ею задач, можно сказать, превзошли масштабы обычных региональных объединений» [哈萨克斯坦总统撰文谈上合组织成立十周年, 2011].

Конечно, в процессе развития ШОС еще предстоит столкнуться со многими проблемами и вызовами в процессе развития. Даже с точки зрения организации, различия в интересах между государствами-членами, проблемы исторического наследия, проблемы с различным восприятием путей и направлений развития и т. д. будут сопровождать рост ШОС. По мере роста кооперативной организации всегда существуют внутренние игры, и отдельные периоды или отдельные проблемы могут быть более заметными. В этом плане мы не можем ни осуждать ШОС, ни опасаться, что она станет площадкой для торжественных церемоний, ни торопиться и надеяться, что через несколько лет она выйдет на «более высокий уровень». Например, часто

затрагиваются вопросы о функциях ШОС: подобно политическим потрясениям в странах Центральной Азии в 2005 г., может ли ШОС изменить ситуацию к лучшему? Может ли ШОС играть роль посредника в конфликтах между государствами-членами? Отправной точкой этих дискуссий является укрепление формирующей способности ШОС и стремление решать проблемы, которые могут повлиять на сотрудничество; менталитет отражает надежду на то, что строительство ШОС даст результаты в кратчайшие сроки и продолжит ускорять свое развитие.

Мы должны быть очень осторожны в вышеуказанных вопросах, особенно крупные державы в ШОС должны иметь достаточную сдержанность и ясное понимание ситуации. Во-первых, политическая нестабильность в некоторых странах возникла из-за дефицита внутреннего управления, а многочисленные политические, социальные и этнические переплетения слились воедино, а другие факторы были лишь вспомогательными. Противодействие ШОС «цветным революциям» направлено на вмешательство внешних сил во внутренние дела и внутренние дела других стран, а не на чью-либо сторону во внутриполитической борьбе отдельных стран. Если первопричины и основные противоречия проблем не будут выяснены, ШОС будет опрометчиво вмешиваться в такие проблемы, и очень вероятно, что потерпит неуда-

чу. Во-вторых, как мы неоднократно подчеркивали, национализм в регионе ШОС еще долгое время будет важнейшей политической и идеологической основой. Из-за этого любому внешнему вмешательству трудно оказать положительный эффект. Более того, учитывая, что фактор великих держав всегда вызывал большую озабоченность других государств-членов, даже если какое-то посредничество работает в краткосрочной перспективе, вовлеченным странам или людям легко понять это как результат воли великих держав, но это не способствует прочному единству и взаимному доверию. В-третьих, функция ШОС состоит в том, чтобы найти общий знаменатель в достижении консенсуса, усилить взаимозависимость в продвижении сотрудничества, минимизировать и «охладить» внутренние конфликты. Если даже небольшое внимание будет обращено на посредничество в спорах, это активизирует различные дискуссии и противоречия, отвлечет внимание от деятельности организации и еще больше затруднит процесс сотрудничества. Более того, введение таких функций в ШОС может создать новые проблемы для внешней политики некоторых стран, занимающихся подобными вопросами. В-четвертых, у любой многосторонней организации есть граница возможностей. «Что-то делать, а что-то не делать» должно быть законом, на который следует обращать внимание при построении регионализма, особенно в такой

сложной сфере, как Шанхайская организация сотрудничества.

Теория коммуникации Юргена Хабермаса напоминает нам, что процесс «коммуникации» действительно играет важную роль в международной политической практике, то есть отношения между государствами представляют собой не только изменение материальной мощи, расчет издержек и выгод, но и процесс и метод построения этих отношений. Позитивное взаимодействие гораздо более стабильно, чем одностороннее движение [袁正清, 2006; Хабермас, 1993; Habermas 1987]. Это также соответствует точке зрения Кеннета Нила Уолтца о «структурном реализме»: способ расположения единиц в системе оказывает влияние на систему. Система – зависимая переменная, и каждая единица, составляющая систему, – независимая переменная; в то же время каждая единица становится зависимой переменной из-за ее признания и пользы для системы [Waltz, 1959; Waltz, 2000]. Успешное развитие ШОС следует этой логике: она уделяет внимание процессу взаимодействия и статусу подразделений в системе, при этом страны активно действуют и содействуют строительству, больше внимания уделяют самодисциплине, всегда сосредотачиваются на совместных консультациях, совместном построении и обмене. Являясь основным духом регионализма, сотрудничество в рамках ШОС встало на благоприятный путь: активное достижение консен-

суса приведет к более сильному признанию ценностей, равноправные консультации будут способствовать более сильным ожиданиям сотрудничества. С этой точки зрения наиболее ценным достижением регионализма ШОС является не столько результат, сколько процесс.

После вступления в XXI век вызовы, с которыми сталкивается глобализация, становятся все более и более заметными, а феномен неупорядоченного и нерегулярного глобального управления становится все более очевидным. Многие страны, в том числе крупные державы, больше внимания уделяют региональному уровню, пытаются справиться с вызовами и найти выход на региональном уровне. Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (СРТПП), Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (РСЕР) и даже Экономическое партнерство Японии и ЕС (ЕРА), Соглашение между США, Мексикой и Канадой (USMCA) и т. д. – все это продукты данного явления. Это также показывает, что глобализация не остановилась, а только пошла на спад. Многостороннее сотрудничество не изменило своей тенденции, а лишь скорректировало свое направление. В этом контексте ШОС, у которой больше проблем и более широкие сферы сотрудничества, должна продолжать углублять региональное управление и строительство регионального порядка. Общий и непрерывный прогресс

региональных субъектов (государств-членов), региональных механизмов (ШОС) и регионального строительства (сотрудничества в различных областях) будет способствовать дальнейшему усилению влияния ШОС, а также послужит платформой для нового глобального управления.

Библиографический список

1. Борисенко О. А. ШОС в контексте глобального мировоззрения // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 11-1. С. 123-127.
2. Васильева Н. А. ШОС в новой геополитической архитектуре Большой Евразии / Н. А. Васильева, В. А. Шамахов // *Государственная служба*. 2015. № 6 (96). С. 37-42.
3. Воробьев В. ШОС как растущий властелин «хартленда» // *Россия в глобальной политике* 19.02. 2012. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastuschii-vlastelinkhartlenda-15471>. (Дата обращения: 24.05.2016).
4. Лукин А. Шанхайская организация сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития / А. Лукин, А. Мочульский // *Аналит. записки*. 2005. Вып. 2 (4). С. 98-101.
5. Никитина Ю. А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. Москва : Изд. группа «Navona», 2009. С. 160-164.
6. Сафранчук И. А. ШОС в системе региональных организаций в Евразии // *Ежегодник ИМИ*. Москва. 2015. № 2. С. 92-93.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // *Вестник Московского университета*. Сер. 7: Философия. 1993. № 4. С. 43-63.
8. Цзян И Шанхайская организация сотрудничества: построение регионализма на основе консенсуса (часть 1) / Цзян И, Вэнь Лунцзе // *Мир русскоговорящих стран*. 2022. № 2 (12). С. 5-21.
9. 范可 : 《亨廷顿的忧思》·载《读书》·2005年第5期,第84页.
10. 《习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲》·新华网·2013年9月8日 http://www.xinhuanet.com/politics/2013-09/08/c_117273079_2.htm.
11. 中国国家发展改革委、外交部、商务部联合发布的《推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动》·新华网·2015年3月28日 http://www.xinhuanet.com/world/2015-03/28/c_1114793986_2.htm.
12. 《上海合作组织成员国元首乌法宣言》·新华网·2015年7月11日 http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/11/c_1115889128.htm.
13. 《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明》中国政府网, 2019年6月6日 http://www.gov.cn/xinwen/2019-06/06/content_5397865.htm.
14. 兹比格纽·布热津斯基·中国国际问题研究所译:《大棋局——美国的首要地位及其地缘战略》·上海人民出版社1998年版,第197页.

15. 杨育才、袁毅：《美国中亚战略调整及地区政策走向》，载《俄罗斯东欧中亚研究》2020年第2期。
16. 《United States Strategy for Central Asia》，美国国务院官网·2020年2月5日，<https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity>.
17. 《哈萨克斯坦总统撰文谈上合组织成立十周年》，中国新闻网，2011年6月8日 http://www.chinanews.com/gn/2011/06-08/3098153_3.shtml.
18. 袁正清：《交往行为理论与国际政治研究——以德国国际关系研究视角为中心的一项考察》，载《世界经济与政治》2006年第9期。
19. Habermas J. The Theory of Communicative Action / McCarthy T. (ed.). Boston: Beacon Press, 1987b. V. 2.
20. Waltz K.N. Structural Realism after the Cold War // International Security. 2000. Summer. No 25:1, pp. 5-41.
21. Waltz K.N. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N.Y. : Columbia University Press, 1959, pp. 159-186.

Reference list

1. Borisenko O. A. ShOS v kontekste global'nogo mirovozzrenija = The SCO in the context of the global worldview // Fundamental'nye issledovanija. 2016. № 11-1. S. 123-127.
2. Vasil'eva N. A. ShOS v novej geopoliticheskoj arhitekture Bol'shoj Evrazii = The SCO in the new geopolitical architecture of Greater Eurasia / N. A. Vasil'eva, V. A. Shamahov // Gosudarstvennaja sluzhba. 2015. № 6 (96). S. 37-42.
3. Vorob'jov V. ShOS kak rastushhij vlastelin «hartljenda» = The SCO as a growing power of the “Heartland” // Rossiya v global'noj politike 19.02. 2012. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-kak-rastuschii-vlastelinkhartlenda-15471>. (Data obrashhenija: 24.05.2016).
4. Lukin A. Shanhajskaja organizacija sotrudnichestva: strukturnoe oformlenie i perspektivy razvitija = Shanghai Cooperation Organization: structural design and development prospects / A. Lukin, A. Mochul'skij // Analit. zapiski. 2005. Vyp. 2 (4). S. 98-101.
5. Nikitina Ju. A. ODKB i ShOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti. = CSTO and SCO: models of regionalism in the security sphere. Moskva : Izd. gruppy «Navona», 2009. S. 160-164.
6. Safranchuk I.A. ShOS v sisteme regional'nyh organizacij v Evrazii = SCO in the system of regional organizations in Eurasia // Ezhegodnik IMI. Moskva. 2015. № 2. S. 92-93.
7. Habermas Ju. Teorija kommunikativnogo dejstvija = The Theory of Communicative Action // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofija. 1993. № 4. S. 43-63.
8. Czjan I Shanhajskaja organizacija sotrudnichestva: postroenie regionalizma na osnove konsensusa (chast' 1) = Shanghai Cooperation Organization: building regionalism through consensus (Part 1) / Czjan I, Vjen' Luncze // Mir russkogovorjashhij stran. 2022. № 2 (12). S. 5-21.

9. 范可：《亨廷顿的忧思》，载《读书》，2005年第5期，第84页。
10. 《习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲》，新华网，2013年9月8日。
http://www.xinhuanet.com/politics/2013-09/08/c_117273079_2.htm.
11. 中国国家发展改革委、外交部、商务部联合发布的《推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动》，新华网，2015年3月28日。
http://www.xinhuanet.com/world/2015-03/28/c_1114793986_2.htm.
12. 《上海合作组织成员国元首乌法宣言》，新华网，2015年7月11日。
http://www.xinhuanet.com/world/2015-07/11/c_1115889128.htm.
13. 《中华人民共和国和俄罗斯联邦关于发展新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明》中国政府网，2019年6月6日 http://www.gov.cn/xinwen/2019-06/06/content_5397865.htm.
14. 兹比格纽·布热津斯基，中国国际问题研究所译：《大棋局——美国的首要地位及其地缘战略》，上海人民出版社1998年版，第197页。
15. 杨育才、袁毅：《美国中亚战略调整及地区政策走向》，载《俄罗斯东欧中亚研究》2020年第2期。
16. 《United States Strategy for Central Asia》，美国国务院官网，2020年2月5日，
<https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity>.
17. 《哈萨克斯坦总统撰文谈上合组织成立十周年》，中国新闻网，2011年6月8日 http://www.chinanews.com/gn/2011/06-08/3098153_3.shtml.
18. 袁正清：《交往行为理论与国际政治研究——以德国国际关系研究视角为中心的一项考察》，载《世界经济与政治》2006年第9期。
19. Habermas J. The Theory of Communicative Action / McCarthy T. (ed.). Boston: Beacon Press, 1987b. V. 2.
20. Waltz K. N. Structural Realism after the Cold War // International Security. 2000. Summer. No 25:1, pp. 5-41.
21. Waltz K. N. Man, the State and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 1959, pp. 159-186.

Статья поступила в редакцию 16.07.2022; одобрена после рецензирования 01.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 16.07.2022; approved after reviewing 01.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 37.014; 94
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-27-43
EDN FSRTGF

Имидж Китая в школьных учебниках по всеобщей истории в СССР и РФ

Ли Сяотао^{1✉}, Ло Вэйи²

¹Доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, г. Чунцин,

²Аспирантка кафедры русского языка и литературы института иностранных языков Юго-Западного университета КНР, г. Чунцин

¹xl928lxt@163.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8533-3431>

²luowoy716612@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-0974-3882>

Аннотация. Учебники по истории являются важным средством формирования исторической памяти и реализации воспитания национальной идентичности, когда исторические события данной страны излагаются наряду с историей других стран. Описания истории в учебниках по всемирной истории играют важную роль в формировании имиджа как своей собственной страны, так и других стран. В настоящее время Россия является важным соседом и стратегическим партнером Китая. Как бывший Советский Союз, так и сегодняшняя Россия неразрывно связаны с Китаем. Изучение изменения имиджа Китая в советских и российских учебниках по всемирной истории поможет понять, как Китай воспринимается в качестве партнера и как позиционируются отношения между двумя странами. В статье в качестве материала для изучения динамики имиджа Китая рассматриваются школьные учебники по всеобщей истории для 5-10 классов в СССР и РФ, изданные издательством «Просвещение». Авторы демонстрируют, что во многом представление о Китае у советских учащихся формировалось на основе идеологических установок партийного руководства СССР и уровня дипломатических отношений между СССР и КНР, а учебники, разработанные в РФ, больше уделяют внимания формированию позитивного имиджа Китая на основе описания древней и могущественной цивилизации древнего Китая и значительных успехов экономического и государственного развития нового Китая. Имидж Китая, представленный в школьных учебниках по всеобщей истории в Советском Союзе и современной России, тесно связан с событиями в жизни Китая в конкретный исторический период, а также подвержен влиянию многих факторов,

© Ли Сяотао, Ло Вэйи, 2022

таких как китайско-советские и китайско-российские отношения в разные периоды, изменение целеполагания советского и российского образования, смена концепций исторического образования в СССР и РФ, изменение международного статуса Китая и т. д.

Ключевые слова: имидж Китая; история Китая; советские учебники по всеобщей истории; российские учебники по всеобщей истории; Китай; СССР; РФ

Для цитирования: Ли Сяотао, Ло Вэйи Имидж Китая в школьных учебниках по всеобщей истории в СССР и РФ // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 27-43. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-27-43>. <https://elibrary.ru/fsrtgf>.

Original article

The image of China in the USSR and RF world history school textbooks

Li Xiaotao¹✉, Luo Weiyi²

¹Doctor of philology, professor, the Department of the Russian Language, Institute of Foreign Languages, Southwest University, Chongqing. PRC, Chongqing.

²Postgraduate student of the Russian language and literature department, Institute of Foreign Languages, Southwest University. PRC, Chongqing

¹lxt928lxt@163.com ✉, <https://orcid.org/0000-0002-8533-3431>

²luowoy716612@163.com, <https://orcid.org/0000-0003-0974-3882>

Abstract. History textbooks are an important means of shaping historical memory and implementing national identity education when a certain country's historical events are presented alongside the history of other countries. World history textbook descriptions play an important role in shaping the image of one's own country as well as that of other countries. Nowadays, Russia is China's important neighbor and strategic partner. Both the former Soviet Union and today's Russia are inseparably linked to China. Studying the changing image of China in Soviet and Russian textbooks on world history will help us understand how China is perceived as a partner and how the two countries' relations are positioned. The article examines school textbooks on world history for 5-10 grades in the USSR and the RF, published by Prosveshchenie, as the material for studying the dynamics of China's image. The authors indicate that to a large extent the Soviet students' view of China was formed on the basis of the Communist Party's ideological guidelines and the state of diplomatic relations between the USSR and the PRC, and the textbooks designed in the RF focus more on forming a positive image of China based on the description of the ancient powerful civilization and the significant success of the new China's economic and state development. China's image as presented in school textbooks on general history in the Soviet Union and modern Russia is closely

linked to events in Chinese life during a particular historical period, and is also influenced by many factors, such as Chinese-Soviet and Chinese-Russian relations at various periods, changes in the objectives of Soviet and Russian education, changes in the concepts of history education in the USSR and the RF, changes in China's international status, etc.

Key words: image of China; Chinese history; Soviet world history textbooks; Russian world history textbooks; China; the USSR; the RF

For citation: Li Xiaotao, Luo Wei The image of China in the USSR and RF world history school textbooks. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):27-43. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-27-43>. <https://elibrary.ru/fsrtgf>.

Введение

Формирование национального имиджа одной страны – это длительный, развивающийся и изменяющийся процесс, на который влияет множество факторов, таких как история и реальность, а именно историческое образование становится важным мостом между историей и реальностью. Являясь основным средством преподавания истории, учебники по истории не только воплощают в себе основные концепции исторического образования и цели подготовки кадров страны, но и отражают национальную идеологию, социальные и нравственные ценности и т. д. В учебниках по истории исторические события данной страны излагаются наряду с историей других стран. Содержание, подходы к изложению, методические концепции описания в учебниках по всемирной истории играют важную роль в формировании имиджа как своей собственной страны, так и других стран.

В настоящее время Россия является важным соседом Китая. Прошло 73 года с момента установления дипломатических отношений между двумя странами. Двусторонние отношения вышли на беспрецедентный уровень и теперь позиционируются в соответствии с формулой «добрые соседи, хорошие друзья и надежные партнеры». Как бывший Советский Союз, так и сегодняшняя Россия неразрывно связаны с Китаем. Все эти сложные взаимоотношения двух стран нашли свое отражение и в советских, а затем российских учебниках по истории.

Цель статьи – это рассмотреть динамику изменения имиджа Китая в учебниках на основе анализа описания истории Китая в советских и российских школьных учебниках по всемирной истории. Изучение описания истории Китая в советских и российских учебниках по всемирной истории и анализ изменений имиджа Китая в учебниках помогают нам понять, как историческое образование в Советском

Союзе и современной России направляет молодежь к осознанию, пониманию и восприятию Китая.

Отбор школьных учебников по всеобщей истории, изданных издательством «Просвещение» в СССР и РФ

Издательство «Просвещение» – советское, а позже российское специализированное издательство учебной и педагогической литературы. Почти все собранные для данной работы советские школьные учебники по всемирной истории были выпущены издательством «Просвещение» (включены также предшественники издательства «Просвещение» – издательство «Учпедгиз» и издательство Академии педагогических наук РСФСР). В настоящее время кроме издательства «Просвещение» существует и ряд других издательств, которые выпускают школьные учебники, соответствующие федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС), такие как «Дрофа», «Русское слово», «Академия», «Вита-пресс», «Владос», «Мнемозина», «Ассоциация XXI век», «Экзамен» и т. д., но издательство «Просвещение» по-прежнему пользуется значительным авторитетом в России.

Отбирая учебники для анализа, мы руководствовались важностью издательства «Просвещение» в Советском Союзе и современной России, в данной работе в качестве примеров взяты советские и российские школьные учебники по все-

мирной истории именно этого издательства. В представленном нами анализе отражено содержание истории Китая в учебниках, проведено сравнение изложения и описания китайской истории в советских и российских учебниках, проанализировано представление национального имиджа Китая в данных учебниках. Всего для данной работы было собрано 24 школьных учебника по всеобщей истории (12 советских учебников и 12 российских учебников). На основе сравнения и анализа 24 учебников отобраны 13 учебников по всеобщей истории (6 советских учебников и 7 российских учебников, подробнее см. библиографический список).

Ввиду различий в выделении исторических эпох между российской и китайской историографией, в статье в качестве временных точек выбраны три репрезентативных исторических события в китайской истории, основанные на изложении истории Китая в школьных учебниках по всемирной истории в Советском Союзе и современной России. *Во-первых, возникновение древнейшего рабовладельческого государства в Китае во II тысячелетии до н. э.; во-вторых, Опиумная война в 1840 году; в-третьих, основание Китайской Народной Республики в 1949 году.*

**Представление имиджа Китая
в школьных учебниках
по всеобщей истории в СССР и РФ**

*Динамика имиджа Китая
с II тысячелетия до н. э. до 1840 г.*

Страна с процветающей культурой и передовыми технологиями (в СССР и РФ). Как в советских, так и в российских учебниках по всемирной истории особое внимание уделяется древнекитайским научно-техническим изобретениям, а также литературе и искусству. В области научно-технических изобретений высокая оценка дается в основном китайскому иероглифу, четырем великим изобретениям, прибору, отмечавшему землетрясения, шелку и фарфору, а в области литературы и искусства подчеркивается развитие поэзии, живописи, рельефов и статуэток.

Развитие китайской культуры в средние века высоко оценивается как в советских, так и в российских учебниках: «В средние века талантливый китайский народ добился выдающихся успехов в науке, технике и искусстве. Китайская культура была в то время намного выше европейской» [Агибалова, 1962, с. 161-162]. «В Средние века культура Китая достигла высокого уровня развития. Она оказала большое влияние на культуру соседних Кореи, Индокитая, Японии» [Агибалова, 2014, с. 256-257].

Осуществляя собственное развитие, древний Китай также активно сотрудничал с другими странами

и вносил большой вклад в развитие мировой культуры. В советском учебнике для 5 класса на примере Великого Шелкового пути рассказывается о культурных обменах между Китаем и другими странами, подчеркивается влияние китайской культуры на мировую культуру.

Видно, что и в советских учебниках, и в российских учебниках китайская культура активно восхваляется, и Китай в этот период позиционируется как страна с процветающей культурой и передовыми технологиями.

Феодально-самодержавное государство, построенное на угнетении низов (в СССР). В советских учебниках по всемирной истории редко упоминаются конкретные династии, а советские учебники больше посвящены изменениям в общественной формации, чем смене династий. В учебниках неоднократно упоминаются рабовладельческий строй и феодальный строй в древнем Китае, описывается переход от рабовладельческого государства к феодальному в древнем Китае.

Официальной идеологией в Советском Союзе был марксизм. Соответственно, в советских учебниках был принят классово-исторический подход, в котором больше места уделялось описанию противоречий и конфликтов между классами, например, борьба крестьян и рабов с угнетателями: восстания «Краснобровых» и «Желтых повязок», а также крестьянская война при феодальном строе – восстание Хуан Чао. Приме-

чительно, что в учебниках лидер крестьянского восстания Хуан Чао изображается в положительном свете: «Это был человек смелый и решительный, он хорошо владел копьем и метко стрелял из лука» [Агибалова, 1962, с. 151], в то время как «ненавидимые феодалы и чиновники» [Агибалова, 1962, с. 151] предстают как образы преимущественно отрицательные.

В советском учебнике для 6 класса также сравнивается жизнь трудового народа с жизнью феодалов и чиновников: «Крестьяне и ремесленники ютились в домиках из глины. В тесной лачуге бедняка почти все помещение занимала лежанка. В холодное зимнее время на лежанке ели и работали. Окна домиков не имели стекол и заклеивались разрисованной бумагой. Феодалы, чиновники и купцы жили в просторных домах, окруженных садами и цветниками. Комнаты украшались вышивками на шелке, фарфоровыми вазами и блюдами, драгоценными изделиями из кости и камня. Мебель из дорогих пород дерева сияла лаком. Дома отапливались каменным углем» [Агибалова, 1962, с. 155]. Это показывает, что в этот период существует непреодолимая пропасть между жизнью трудящихся и его угнетателей, жизнь трудового народа невыносима при феодально-самодержавном строе, подчеркивается жестокая эксплуатация и угнетение крестьян феодальными правителями.

«Властное и угрожающее государство» (в СССР). Китай и Россия, которые когда-то были далеко друг от друга, стали близкими соседями во времена династии Цин, что стало началом официальных обменов между Китаем и Россией, но следовавшие за этим пограничные проблемы также привели к многочисленным вооруженным конфликтам между двумя странами. В советском учебнике по всеобщей истории для 9 класса первый пограничный договор, подписанный династией Цин и царской Россией, Нерчинский договор, считается навязанным российской стороне династией Цин и носящим грабительский характер, и описывается с использованием таких слов, как «захватнический», «отторгавший от нее» «возвращена» [Нарочницкий, 1991, с. 230], отражая враждебное отношение к династии Цин как к «агрессору».

Могущественная, тщеславная династия Цин изображается в советском учебнике для 9 класса как пример визита послов из других стран в Китай: «Цинская империя унаследовала от ранее правивших в Китае династий великодержавные претензии на верховенство над всеми другими, особенно соседними, государствами и народами. Подарки, привозимые иноземными послами, изображались как дань, подносимая от вассальных правителей. Китайскому народу внушалось представление, что Китай является центром всего мира, «Срединной империей», которой все

остальные государства и народы обязаны повиноваться» [Нарочницкий, 1991, с. 230]. В учебнике, изданном в Советском Союзе, неоднократно описывается вторжение династии Цин в соседние страны, чтобы подчеркнуть «гегемонию» Китая. Из описания в учебнике видно, что Россия в этот период была насторожена и враждебна по отношению к династии Цин, создавшей властную и угрожающую державу.

Единое государство (в РФ). В отличие от советских учебников, в российских учебниках больше внимания уделяется смене династий и меньше – изменениям социальной формы. Такие понятия, как рабовладельческое и феодальное общество, не упоминаются в учебниках РФ, а борьба между классами преуменьшается. Кроме того, в учебниках речь идет в основном об объединенных династиях, таких как династии Цинь и Тан: «Одно из китайских государств называлось Цинь. В 221 году до н. э. его правитель, разбив поодиночке соперников, объединил весь Китай под своей властью» [Вигасин, 2014, с. 109]. «В начале VII века в стране утвердилась династия Тан, управлявшая страной около 300 лет. Единое государство возглавлял император с неограниченной властью» [Агибалова, 2014, с. 252], что изображает единую страну.

Мощная держава (в РФ). Золотому веку династии Цин специально посвящен отдельный раздел в российском учебнике по всеобщей

истории для 6 класса. Описания трех великих императоров Цин – Канси, Юнчжэна и Цяньлуна относительно положительные и позитивные. Во время их правления национальная мощь Китая была относительно сильна: «При первом из них Китай превратился в мощную державу. При втором произошло усиление центральной власти и установилось прочное сотрудничество маньчжурских властей с представителями китайской элиты. При третьем маньчжуро-китайская империя достигла зенита своего могущества» [Юдовская, 2020, с. 215].

Стоит отметить, что подписание Нерчинского договора также освещается в российском учебнике для 6 класса, но, в отличие от советского учебника, тон повествования в учебнике РФ представляет уже не агрессивный настрой, а данный договор классифицируется как сугубо дипломатический вопрос, и основное содержание договора описывается объективно: «После установления безраздельного властвования династии Цин в Китае Канси занялся внешними проблемами. в 1689 г. состоялось подписание Нерчинского договора с Россией, на основании которого территории к северу от Амура были присоединены к Китаю. Договор также предусматривал установление регулярных торговых связей между двумя странами» [Юдовская, 2020, с. 216].

Это связано с тем, что 4 300 км граница между Китаем и Россией была полностью определена в

2004 году, то есть проблема китайско-российской границы была решена мирным путем. Естественно, представленное отношение в российских учебниках также переключается с реальностью.

***Изменение имиджа Китая
с 1840 по 1949 г.***

«Закрытая, отсталая и униженная страна» (в СССР и РФ). В начале династии Цин Китай все еще был могущественной страной, однако в конце XVIII века завоевательные возможности Цинской империи сильно ослабли. Что касается истории Китая в этот период, то «закрытие» Китая освещалось как в советских учебниках, так и в российских учебниках по всеобщей истории. Политика самоизоляции дала династии Цин короткий период спокойствия, но изолировала страны от внешнего мира. Отказ от достижений других стран в области науки и техники усугубил ослабление национальной мощи Китая, что привело к постепенному отставанию Китая от западного мира. И западные державы воспользовались этим и начали вторжение в Китай. В учебниках основное внимание уделяется двум «опиумным войнам», движению тайпинов и войне восьми союзных держав против Китая, и подавление восстания ихэтуаней войсками восьми великих держав, что показывает процесс превращения Китая из феодального общества в полукOLONиальное и полуфеодальное общество под колонизацией иностранных

держав, и изображает отсталый и униженный Китай.

Страна, находящаяся в состоянии постоянных реформ и революций (в СССР и РФ). После опиумной войны Китай был вынужден открыть свои двери и, таким образом, начались поиски путей модернизации Китая с непрерывными реформами и революциями. Как в советских, так и в российских учебниках по всемирной истории рассказывается о реформах и революциях, которые происходили в Китае со времен поздней династии Цин. Эти события делятся на три категории: во-первых, движение «самоспасения», осуществляемое цинским правительством для сохранения своего правления; во-вторых, народные восстания за свои права; в-третьих, благоволение и вражда между Коммунистической партией и Гоминьданом. Дадим характеристику этих материалов в учебниках по всеобщей истории разных годов.

Во-первых, в российских учебниках по всемирной истории в основном освещается движение «самоспасения» правительства династии Цин и связанное с ним событие – «100 дней» реформ. В ответ на продолжающуюся потерю суверенитета многим представителям национальной интеллигенции стала очевидна необходимость политических форм, проведение которых могло бы вернуть Китаю политическую самостоятельность. Лидером реформаторов становится крупный

ученый Кан Ювэй. Молодой император Гуансюй решил поддержать реформаторов и 11 июня 1898 г. приказал провести преобразования и принял ряд мер, направленных на модернизацию Китая, включая поощрение развития ремесел, наук и сельского хозяйства, строительство железных дорог, открытие университетов и пр. Однако реформы нарушили интересы помещиков и были остановлены. Последствия «Ста дней реформ» отмечены в российских учебниках по всемирной истории: «Первые попытки реформ в Китае под руководством Кан Ювэя были пресечены в результате государственного переворота» [Сороко-Цюпа О. С., Сороко-Цюпа А. О., 2018, с. 112].

Во-вторых, народные восстания как в советских, так и в российских учебниках по всеобщей истории, и связанные с ними события включают движение тайпинов, восстание ихэтуаней и революцию 1911-1912 гг. В учебниках подробно рассказывается о движении тайпинов, объективно утверждается его положительное влияние: «Хотя оно и закончилось поражением, феодальный строй испытал глубокое потрясение. Тайпинское восстание не прошло бесследно – оно стало славной страницей в истории освободительного движения народов Азии» [Нарочницкий, 1991, с. 235]. В учебниках СССР и РФ восстание ихэтуаней считается крестьянским движением против империализма под лозунгом «Поддержим Цинов,

смерть иностранцам!» [Юдовская, 2014, с. 256]. Однако это движение в конечном итоге было подавлено иностранными державами и правительством Цин. В учебниках описывается жестокое подавление боксерского восстания войсками восьми великих держав и правительством Цин, но последовавшая за этим жестокость вторжения в Китай иностранных держав лишь кратко упоминается в учебниках. Сунь Ятсен был важной фигурой в истории Китая в этот период. Революция 1911-1912 гг., которую он возглавлял, была великим буржуазным революционным движением в Китае. В учебниках утверждается, что хотя Синьхайская революция 1911-1912 гг. не полностью реализовала цели демократической революции, она свергла маньчжурскую династию и положила конец феодально-самодержавной монархии, существовавшей более двух тысяч лет, тем самым проложив путь к развитию борьбы китайского народа.

В-третьих, в учебниках СССР и РФ описываются сложные взаимоотношения между Коммунистической партией и Гоминьданом. В этот период между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая (КПК) существовали как противостояние, так и сотрудничество. Из-за различных политических требований Гоминьдана и КПК, трения и конфликты между двумя партиями были неизбежны. О противостояниях двух партий в учебниках в основном упоминается контрреволю-

ционный переворот «12 апреля», и разоблачается беспощадная расправа над коммунистами со стороны Гоминьдана: «В апреле Чан Кайши совершил контрреволюционный переворот в Шанхае. Правительство Чан Кайши стало на путь кровавого террора. В застенках гоминьдановской реакции было убито и замучено более 300 тыс. человек» [Кузьмичев, 1977, с. 91-92].

В учебниках также описаны два сотрудничества между Гоминьданом и Коммунистической партией. Первое сотрудничество произошло во время Национальной великой революции 1925-1927 гг., и учебники посвящены Северному походу НРА, в которой Гоминьдан и Коммунистическая партия совместно боролись против сил северных милитаристов – главной опоры иностранного империализма. Второе сотрудничество заключается в создании единого антияпонского национального фронта между Гоминьданом и Коммунистической партией для совместного сопротивления японским захватчикам. Подводя итог, можно сказать, что с 1860-х годов до середины XX века Китай пережил множество реформ и революций. Хотя были успехи и неудачи, Китай шел по пути борьбы за национальное освобождение и независимость и никогда не сдавался. Именно такой лейтмотив мы можем заметить в большинстве советских и российских учебников по всеобщей истории.

Важный союзник в антифашистской войне (в РФ). Несомненно, ки-

тайско-японская война была важным событием в истории Китая и освещается как в советских, так и в российских учебниках по всемирной истории, но стоит отметить, что представление китайско-японской войны в учебниках РФ имеет некоторые изменения по сравнению с учебниками СССР, а именно: в российских учебниках более четко представлен статус китайско-японской войны во всемирной истории и истории Второй мировой войны.

В учебнике для 9 класса в Советском Союзе есть лишь очень краткое описание Китайско-японской войны 1937 года: «В 1937 г. Япония начала широкое наступление, направленное на захват всего Китая» [Кузьмичев, 1977, с. 96]. Сопротивление Китая японским захватчикам кратко описано в главе «Вторая мировая война» советского учебника для 10 класса, но только в контексте тихоокеанских военных операций Второй мировой войны, что говорит о том, что китайско-японская война рассматривалась в советском учебнике для 10 класса как часть тихоокеанских военных операций, а не как самостоятельная война, тем более не как главный фронт Азии Второй мировой войны.

Что касается описания Второй мировой войны, то, хотя европоцентризм по-прежнему занимает основное место в учебниках РФ, взгляды российских ученых на войну Китая сопротивления японской агрессии начали постепенно

меняться. В российско-китайской международной конференции «Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне» участники согласились с тем, что участие Китая в борьбе против империалистической Японии не было «инцидентом» или «частным конфликтом». Многомиллионный китайско-японский фронт был главным во Второй мировой войне в Азии [Лузянин, 2015]. Подобная точка зрения в настоящее время присутствует в российских учебниках по всеобщей истории: «С лета 1937 г. началась Японо-китайская война (1937-1945) как часть Второй мировой войны» [Сороко-Цюпа О. С., Сороко-Цюпа А. О., 2018, с. 115].

Как видно, в отношении Войны сопротивления японской агрессии 1937 года в учебниках для 9 и 10 классов РФ появились формулировки, которых не было в учебниках СССР. Кроме того, в главе «Вторая мировая война» российского учебника для 10 класса еще раз подчеркивается, что японо-китайская война 1937-1945 гг. была составной частью Второй мировой войны [Сороко-Цюпа О. С., Сороко-Цюпа А. О., 2019, с. 129], и подтверждается огромная роль Китая в борьбе с японскими агрессорами.

Мы считаем, что описание японо-китайской войны в российских учебниках по всемирной истории является правдивым, объективным и справедливым отражением исто-

рии в российской историографии, которое показывает, что в последние годы российские ученые постепенно преодолевают европоцентристский взгляд на составление учебников по истории. Вклад Китая во Вторую мировую войну оценен российскими научными кругами, и Россия рассматривает Китай как великую державу наравне с ней и важного союзника, сражавшегося против фашистских агрессоров во Второй мировой войне.

Динамика изменения имиджа Китая с 1949 по 2018 г.

Братское социалистическое государство (в СССР). Образование Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. ознаменовало вступление Китая в период социалистического строительства и на путь социалистического развития. Это подробно задокументировано в советском учебнике по всеобщей истории для 10 класса, в котором также подчеркивается быстрое установление дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом после основания КНР: «1 октября 1949 г. была провозглашена Китайская Народная Республика (КНР). Советское правительство сразу же установило дипломатические отношения с новым Китаем» [Фудаев, 1982, с. 83].

Помощь Советского Союза Китаю в строительстве народного хозяйства, особенно во время первой пятилетки Китая, рассматривается в

учебнике СССР, подчеркивая братские китайско-советские отношения в этот период: «Советское правительство предоставило Китаю долгосрочный кредит в размере 300 млн. долларов, направило в КНР большое количество первоклассной техники, послало тысячи советских специалистов. Братское сотрудничество с СССР укрепило международные позиции КНР, ее независимость и суверенитет, рожденный революцией новый общественный строй» [Фудаев, 1982, с. 83].

«Официальные средства массовой информации в начале 1950-х годов массированно пропагандировали вечную и нерушимую советско-китайскую дружбу, Китай был объявлен наиболее важным из всех советских союзников» [Лукин, 2007, с. 216]. В 1950 году на улицах Китая и Советского Союза пели песню «Москва – Пекин» (музыка В. Мурадели, слова М. Вершинина): «Русский с китайцем – братья навек, крепнет единство народов и рас. Плечи расправил простой человек, с песней шагает простой человек... Москва – Пекин! Москва – Пекин! Идут, идут вперед народы». Очевидно, что образ Китая в этот период в советском учебнике по всеобщей истории перекликается с образом Китая в глазах лидеров и народа Советского Союза.

Вероломная и враждебная страна (в СССР). После середины 1950-х годов, хотя Китай официально продолжал провозглашаться лучшим другом Советского Союза,

а политика КПК по-прежнему восхвалялась как последовательная и верная, действительная атмосфера на высшем уровне начала ухудшаться. На XX съезде КПСС в феврале 1956 г. И. С. Хрущев выступил с секретным докладом «О культе личности и его последствиях», критикуя и полностью отрицая И. В. Сталина, что привело к серьезным идеологическим и политическим разногласиям между Китаем и Советским Союзом, нанесло существенный удар по двусторонним отношениям. В 1958 году руководство КПК, ядром которого был Мао Цзэдун, допустило серьезные ошибки в освоении пути социалистического строительства, которые подверглись неприкрытой критике в советском учебнике по всемирной истории. Китайско-советские отношения продолжали ухудшаться, и к 1960-м годам обе стороны начали придавать огласке конфликты. Описание истории Китая этого периода в советских учебниках почти негативное. Можно сказать, что наиболее важными ключевыми словами в учебнике СССР, касающимися образа Китая 1960-х и 1970-х годов, являются «большой скачок» и «культурная революция», и с ними связаны «маоисты». Единичные ключевые слова, полученные из этих трех ключевых слов: «мелкая буржуазия», «национализм», «авантюризм», «гегемонизм», «великодержавный шовинизм», «социально-политический кризис», «против Советского Союза» и др. [Фудаев,

1982]. «Большой скачок», «народные коммуны» и «культурная революция», начавшиеся в 1958 году, действительно были огромными ошибками в китайской истории и истории КПК. Однако в советском учебнике разрыв китайско-советских отношений сопоставляется с внутривосточными ошибками Китая, противопоставляя марксизм-ленинизм «маоизму», полному мелкобуржуазных и националистических черт, тем самым в учебнике образ Китая превратился из братской страны-единомышленника в вероломную, прозападную, враждебную страну.

Социалистическая страна в трудных поисках (в РФ). Как и в советских учебниках, в российских учебниках по всемирной истории образование Китайской Народной Республики представлено как важное событие в истории Китая. Однако в отличие от учебника СССР, в учебниках РФ влияние Советского Союза на новый Китай в первые годы основания Китайской Народной Республики преуменьшается. Другими словами, в российских учебниках больше внимания уделяется процессу социалистической трансформации и строительства социализма в Китае собственными силами. Установление дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом не освещается в российских учебниках, а помощь Советского Союза Китайской Народной Республике упоминается лишь в одном предложении в учеб-

нике для 9 класса РФ, и в учебнике РФ для 10 класса не упоминается.

В российских учебниках также внимание уделяется «большому скачку», «народным коммунам» и «культурной революции», подчеркивается руководящая роль Мао Цзэдуна в социалистическом строительстве Китая. Отметим, что по сравнению с учебниками СССР описания этих событий в учебниках РФ носят относительно эвфемистический характер, в основном отражая исторические факты, а не впадая в обвинительную тональность. Однако некоторые высказывания в учебниках РФ также выражают сожаление по поводу обходных путей, пройденных Китаем на пути к социализму: «Китай в те годы не мог решить даже проблему голода и неграмотности. Страна, в которой проживала четверть населения всего мира, производила 4 % промышленной продукции» [Сороко-Цюпа О. С., Сороко-Цюпа А. О., 2019, с. 272].

В целом в российских учебниках по всеобщей истории не рассматриваются вопросы установления дипломатических отношений между КНР и СССР, разрыва китайско-советских отношений, не говорится об идеологическом противостоянии между Китаем и Советским Союзом, а в основном излагаются исторические факты Китая и показывается извилистый процесс освоения Китаем пути к социализму.

Быстро развивающаяся держава, благодаря политике реформ и открытости (в РФ). Политике реформ и открытости Китая и его

экономическим успехам уделяется ключевое внимание в российских учебниках по всемирной истории. В учебниках отмечается важность Третьего пленума ЦК одиннадцатого созыва в декабре 1978 года, раскрывается содержание и суть теории Дэн Сяопина.

Под руководством Дэн Сяопина были проведены реформы в различных областях страны, которые подробно рассматриваются в учебниках, где подчеркивается важное влияние Дэн Сяопина и предложенной им политики реформ и открытости на экономическое развитие Китая в этот период. Достижения Китая благодаря реформе и открытости наглядно представлены в цифрах в учебниках РФ: «Темпы роста экономики Китая в 1980-2000 гг. составили в среднем 9,5 % в год, в 2007 г. – 14,2 %. Рост подстегивали два фактора. Замедление темпов роста экономики Китая (в 2011 г. – 9,5 %, в 2012 г. – 7,9 %, в 2013 г. – 7,8 %, в 2014 г. – 7,3 %) вызвало обеспокоенность в мире, поскольку китайская экономика стала локомотивом мирового развития. В 2018 г. в Китае отмечалось 40-летие реформ. Главным итогом реформ стало преодоление массовой нищеты. Из ее тисков было вырвано 740 млн человек. Это действительно историческое достижение современного Китая» [Сороко-Цюпа О. С., Сороко-Цюпа А. О., 2019, с. 275-276].

Благодаря великим достижениям реформ и открытости Китай под прекрасным руководством Коммунистической партии Китая быстро

поднялся и превратился в современную державу, которая будет продолжать развиваться на этой основе и добиваться еще больших успехов в будущем.

Заключение

Нетрудно заметить, что существуют различия в образах Китая в школьных советских и российских учебниках по всемирной истории. В советских и российских учебниках изложение истории Китая с II тысячелетия до н. э. до 1840 года позволит учащимся осознать Китай как государство с процветающей культурой и передовыми технологиями. В учебниках СССР изображается феодально-самодержавная страна, основанная на эксплуатации низших классов; в учебниках РФ представлено единое государство. В советских учебниках Китай в период правления династии Цин описывается как властная и угрожающая страна, а в российских учебниках изображается мощная и цветущая держава. В советских и российских учебниках с 1840 по 1949 год Китай изначально был изображен как униженная, закрытая и отсталая страна, которая боролась путем реформ и революций за национальную свободу и независимость. В учебниках РФ также особо подчеркивается большой вклад Китая в мировую войну против фашизма. В советских учебниках имидж Китая после 1949 года изменился: из братской страны-единомышленника Китая превратился в вероломную и враждебную страну. Изложение истории Китая в российских учебниках

ках до 1978 года показывает извилистый процесс собственного социалистического преобразования и строительства Китая, а после 1978 года изображает образ современного Китая, который быстро развивается.

Мы полагаем, что имидж Китая, представленный в школьных учебниках по всеобщей истории в Советском Союзе и современной России многогранен и постоянно меняется, что тесно связано с историче-

скими событиями в Китае в конкретный исторический период, но он также подвержен влиянию многих факторов, таких как китайско-советские и китайско-российские отношения в разные периоды, изменение целеполагания советского и российского образования, смена концепций исторического образования в СССР и РФ, изменение международного статуса Китая и т. д.

Библиографический список

1. Аверьянов А. П. Новая история, 1871-1917 : учебник для 9 класса / А. П. Аверьянов, Л. Е. Кертман [и др.]. Москва : Просвещение, 1987. 310 с.
2. Агибалова Е. В. Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс : учебник / Е. В. Агибалова, Г. М. Донской. Москва : Просвещение, 2014. 288 с.
3. Агибалова Е. В. История средних веков : учебник для 6 класса / Е. В. Агибалова, Г. М. Донской. Москва : Учпедгиз, 1962. 272 с.
4. Вигасин А. А. Всеобщая история. История Древнего мира. 5 класс : учебник / А. А. Вигасин, Г. И. Годер, И. С. Свенцицкая. Москва : Просвещение, 2014. 305 с.
5. Коровкин Ф. П. История древнего мира : учебник для 5 класса. Москва : Академия педагогических наук РСФСР, 1962. 240 с.
6. Кузьмичев П. М. Новейшая история (1917-1939 гг.) : учебник для 9 класса / П. М. Кузьмичев, В. А. Орлов [и др.]. Москва : Просвещение, 1977. 112 с.
7. Лузянин С. Г. О российско-китайской международной конференции «Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 147-149.
8. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XIX веках. Москва : Восток – Запад : АСТ, 2007. 598 с.
9. Нарочницкий А. Л. Новая история, 1640-1870 : учебник для 9 класса / А. Л. Нарочницкий, А. П. Аверьянов, Л. Е. Кертман. Москва : Просвещение, 1991. 288 с.
10. Сороко-Цюпа О. С. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс : учебник / О. С. Сороко-Цюпа, А. О. Сороко-Цюпа. Москва : Просвещение, 2018. 304 с.
11. Сороко-Цюпа О. С. Всеобщая история. Новейшая история. 10 класс : учебник / О. С. Сороко-Цюпа, А. О. Сороко-Цюпа. Москва : Просвещение, 2019. 351 с.
12. Фудаев В. К. Новейшая история (1939-1981) : учебник для 10 класса / В. К. Фудаев, П. М. Кузьмичев [и др.]. Москва : Просвещение, 1982. 302 с.
13. Юдовская А. Я. Всеобщая история. История Нового времени. 7 класс : учебник / А. Я. Юдовская, П. А. Баранов, Л. М. Ванюшкина. Москва : Просвещение, 2019. 239 с.

14. Юдовская А. Я. Всеобщая история. История Нового времени. 8 класс : учебник / А. Я. Юдовская, П. А. Баранов, Л. М. Ванюшкина. Москва : Просвещение, 2020. 304 с.
15. Юдовская А. Я. Всеобщая история. История Нового времени 1800-1900. 8 класс : учебник / А. Я. Юдовская, П. А. Баранов, Л. М. Ванюшкина. Москва : Просвещение, 2014. 335 с.
16. 管文虎. 国家形象论[M]. 成都: 电子科技大学出版社, 2000.
17. 孔朝辉.“兄弟”的隐喻——从《真理报》(1950-1959)的中国形象谈起[M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2012.
18. 李玮等. 俄罗斯人眼中的中国形象[M]. 北京: 北京大学出版社, 2016.
19. 李正国. 国家形象构建[M]. 北京: 中国传媒大学出版社, 2006.
20. М·В·诺维科夫、俞紫梅. 当代俄罗斯中学历史教科书的编写与中国抗战的叙述[J]. 历史教学问题. 2015(05): 124-127.
21. 孙芳、陈金鹏等. 俄罗斯的中国形象[M]. 北京: 人民出版社, 2010.
22. 王志强、陈富. 德国中学历史教科书中的中国形象——以巴登符腾堡州为例 [J]. 德国研究, 2017(04): 93-107+128.
23. [俄]谢·贡恰罗夫著, 兴吾译. 苏中关系——从联盟经过敌对到睦邻[J]. 当代世界社会主义问题. 1989(04): 24-29.
24. 周宁. 天朝遥远: 西方的中国形象研究(上、下册) [M]. 北京: 北京大学出版社, 2006.

Reference list

1. Aver'janov A. P. Novaja istorija, 1871-1917 = Modern history, 1871-1917 : uchebnik dlja 9 klassa / A. P. Aver'janov, L. E. Kertman [i dr.]. Moskva : Prosveshhenie, 1987. 310 s.
2. Agibalova E. V. Vseobshhaja istorija. Istorija Srednih vekov. 6 klass = World History. History of the Middle Ages. 6th form : uchebnik / E. V. Agibalova, G. M. Donskoj. Moskva : Prosveshhenie, 2014. 288 s.
3. Agibalova E. V. Istorija srednih vekov = History of the Middle Ages : uchebnik dlja 6 klassa / E. V. Agibalova, G. M. Donskoj. Moskva : Uchpedgiz, 1962. 272 s.
4. Vigasin A. A. Vseobshhaja istorija. Istorija Drevnego mira. 5 klass = World History. History of the Ancient World. 5th grade : uchebnik / A. A. Vigasin, G. I. Goder, I. S. Sv encickaja. Moskva : Prosveshhenie, 2014. 305 s.
5. Korovkin F. P. Istorija drevnego mira = History of the ancient world : uchebnik dlja 5 klassa. Moskva : Akademija pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1962. 240 s.
6. Kuz'michev P. M. Novejshaja istorija (1917-1939 gg.) = Contemporary history (1917-1939) : uchebnik dlja 9 klassa / P. M. Kuz'michev, V. A. Orlov [i dr.]. Moskva : Prosveshhenie, 1977. 112 s.
7. Luzjanin S. G. O rossijsko-kitajskoj mezhdunarodnoj konferencii «Rol' SSSR i Kitaja v dostizhenii Pobedy nad fashizmom i japonskim militarizmom vo Vtoroj mirovoj vojne» = On the russian-chinese international conference “The Role of the USSR and China in achieving Victory over fascism and Japanese militarism in World War II” // Problemy Dal'nego Vostoka. 2015. № 3. S. 147-149.

8. Lukin A. V. Medved' nabljudael za drakonom. Obraz Kitaja v Rossii v XVII-XX vekah. = The Bear watches the Dragon. The Image of China in Russia in the XVII-XX centuries. Moskva : Vostok – Zapad : AST, 2007. 598 s.
9. Narochnickij A. L. Novaja istorija, 1640-1870 = Modern History, 1640-1870 : uchebnik dlja 9 klassa / A. L. Narochnickij, A. P. Aver'janov, L. E. Kertman. Moskva : Prosveshhenie, 1991. 288 s.
10. Soroko-Cjupa O. S. Vseobshhaja istorija. Novejshaja istorija. 9 klass = World History. Contemporary History. 9th form : uchebnik / O. S. Soroko-Cjupa, A. O. Soroko-Cjupa. Moskva : Prosveshhenie, 2018. 304 s.
11. Soroko-Cjupa O. S. Vseobshhaja istorija. Novejshaja istorija. 10 klass = World History. Contemporary History. 10th form : uchebnik / O. S. Soroko-Cjupa, A. O. Soroko-Cjupa. Moskva : Prosveshhenie, 2019. 351 s.
12. Fudaev V. K. Novejshaja istorija (1939-1981) = Contemporary History (1939-1981): uchebnik dlja 10 klassa / V. K. Fudaev, P. M. Kuz'michev [i dr.]. Moskva : Prosveshhenie, 1982. 302 s.
13. Judovskaja A. Ja. Vseobshhaja istorija. Istorija Novogo vremeni. 7 klass = World History. History of Modern Times. 7th form : uchebnik / A. Ja. Judovskaja, P. A. Baranov, L. M. Vanjushkina. Moskva : Prosveshhenie, 2019. 239 s.
14. Judovskaja A. Ja. Vseobshhaja istorija. Istorija Novogo vremeni. 8 klass = World History. History of Modern Times. 8th form : uchebnik / A. Ja. Judovskaja, P. A. Baranov, L. M. Vanjushkina. Moskva : Prosveshhenie, 2020. 304 s.
15. Judovskaja A. Ja. Vseobshhaja istorija. Istorija Novogo vremeni 1800-1900. 8 klass = World History. History of Modern Times 1800-1900. 8th form : uchebnik / A. Ja. Judovskaja, P. A. Baranov, L. M. Vanjushkina. Moskva : Prosveshhenie, 2014. 335 s.
16. 管文虎. 国家形象论[M]. 成都: 电子科技大学出版社, 2000.
17. 孔朝辉. “兄弟”的隐喻——从《真理报》(1950-1959)的中国形象谈起[M]. 北京: 中国社会科学出版社, 2012.
18. 李玮等. 俄罗斯人眼中的中国形象[M]. 北京: 北京大学出版社, 2016.
19. 李正国. 国家形象构建[M]. 北京: 中国传媒大学出版社, 2006.
20. M·V·诺维科夫、俞紫梅. 当代俄罗斯中学历史教科书的编写与中国抗战的叙述[J]. 历史教学问题. 2015(05):124-127.
21. 孙芳、陈金鹏等. 俄罗斯的中国形象[M]. 北京: 人民出版社, 2010.
22. 王志强、陈富. 德国中学历史教科书中的中国形象——以巴登符腾堡州为例 [J]. 德国研究, 2017(04): 93-107+128.
23. [俄]谢·贡恰罗夫著, 兴吾译. 苏中关系——从联盟经过敌对到睦邻[J]. 当代世界社会主义问题. 1989(04): 24-29.
24. 周宁. 天朝遥远: 西方的中国形象研究(上、下册) [M]. 北京: 北京大学出版社, 2006.

Статья поступила в редакцию 02.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.
The article was submitted on 02.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 32.327; 37.014; 316.4
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-44-68
EDN FPRRHH

Бренд страны, региона и города, как фактор «мягкой силы» России

Филипп Юрьевич Кушнарев

Кандидат политических наук, доцент кафедры социальной политики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль
kushnarevcustoms@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5914-0222>

Аннотация. Автором предпринята попытка проанализировать каким образом бренд страны, бренд (образ) региона и г. Ярославль, влияет на выбор того или иного вуза в Ярославской области иностранных абитуриентов. Автором анализируется, как власти страны и Ярославской области через брендинг территории, улучшают репутацию и повышают имидж региона, насколько им удастся привлечь в вузы области иностранных абитуриентов. Установлено, что для большинства иностранных абитуриентов при выборе вуза, важнее образ страны в целом, чем образ региона или города в котором расположен вуз. Выявлено, чем выше материальное благополучие семьи абитуриента, тем больше для него имеет значение такие показатели страны как ВВП, ВВП, какое количество вузов страны находятся в престижных рейтингах вузов, насколько развита инфраструктура города. У иностранных студентов, имидж той или иной страны формируется в процессе повседневной жизнедеятельности, при посещении магазинов в своей стране, при покупке тех или иных иностранных товаров, а также под воздействием рекламы. Как правило, для обучения, иностранные абитуриенты выбирают город, в котором есть большое количество музеев и учебное заведение с богатой историей и развитыми традициями. Кроме того, от материального благополучия семьи иностранного абитуриента (студента, магистра) зависит его отношение к уровню и качеству жизни в конкретном городе, где расположен вуз, его история, традиции, количество работающих в нем известных людей. Главное – цена жизни в городе, в котором расположен вуз, льготы, стипендии и безопасность. По итогам исследования предлагаются мероприятия для повышения эффективности брендинга территории (улучшения репутации региона и городов Ярославля и Рыбинска).

Ключевые слова: мягкая сила; бренд; брендинг; вузы; сетевой имидж; рейтинг вуза

Для цитирования: Кушнарев Ф. Ю. Бренд страны, региона и города, как фактор «мягкой силы» России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 44-68. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-44-68>. <https://elibrary.ru/fprh>.

Original article

**The brand of the country, region and city
as a factor of Russia's "soft power"**

Filipp Y. Kushnarev

Candidate of political sciences, assistant professor, department of social policy
Yaroslavl state university named after P. G. Demidov, Yaroslavl
kushnarevcustoms@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5914-0222>

Abstract. The author attempts to analyze how the brand of the country, the brand (image) of the region and the city of Yaroslavl, affect foreign applicants' choice of a particular university in the Yaroslavl region. The author analyzes how the authorities of the country and the Yaroslavl region improve its reputation and promote the image through the branding of the territory and how successful they are in attracting foreign applicants to regional universities. It has been found that for the majority of foreign applicants, choosing a university, the image of the country as a whole is more important than the image of the region or the city where the university is located. It appears that the richer the applicant's family is, the more important for them are such factors as the country's GDP, GNP, prestigious ratings of universities in the country, a well-developed infrastructure of the city. Foreign students form an image of a particular country in the course of everyday life, visiting stores in their own country and buying certain foreign goods. As a rule, for studying, foreign applicants choose a city that has a large number of museums and an educational institution with a rich history and developed traditions. In addition, the material well-being of the family of a foreign applicant (student, master) determines his attitude to the level and quality of life in a particular city where the university is located, its history, traditions, the number of famous people working in it. The main thing is the price of living in the city where the university is located, benefits, scholarships and security. Based on the results of the study, measures are proposed to improve the effectiveness of territory branding (improving the reputation of the region and the cities of Yaroslavl and Rybinsk).

Key words: soft power; brand; branding; universities; network image; university rating

For citation: Kushnarev F. Yu. The brand of the country, region and city as a factor of Russia's "soft power". *World of Russian-speaking countries*.

2022; 3(13):44-68. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-44-68>. <https://elibrary.ru/fprh>.

Актуальность исследования

Последние годы растет привлекательность российского высшего образования среди иностранных абитуриентов. В 2020 году от иностранных абитуриентов поступило 59 720 заявок, в 2021 г. – 83 106, а в 2022 году – 83 200 заявок. В 2019 году в Российских вузах обучалось 298 тыс. иностранных студентов, в 2020 году – 315 тыс., а в 2021 году – 324 тыс. человек. В Россию для получения высшего образования традиционно приезжают абитуриенты из ближнего зарубежья. Так, в 2021 году, в РФ приехали абитуриенты из Казахстана (61 тыс. чел.), Узбекистана (48,7 тыс. чел.), Китая (32,6 тыс. чел.), Туркменистана (30,6 тыс. чел.), Таджикистана (23,1 тыс. чел.), Индии (16,7 тыс. чел.), Египта (12,4 тыс. чел.), Беларуси (10,2 тыс. чел.), Украины (9,1 тыс. чел.) и Киргизии (8,6 тыс. чел.). В 2022 году популярностью пользуются такие направления обучения как: лечебное дело, экономика, программная инженерия, международные отношения, стоматология. В связи с ростом популярности российского высшего образования, Правительством РФ в 2022 году выделено 23 тыс. мест для иностранных абитуриентов, а на 2023 год предусмотрено выделить уже 30 тыс. мест.

Высшее образование приносит высокие доходы в бюджет. Поэтому

страны стремятся создать положительный образ государства для привлечения как можно большего числа абитуриентов. Во всех странах целенаправленно проводятся социологические мониторинги для оценки удовлетворенностью обучения в вузах иностранных студентов. На данный момент социологи установили, что при выборе вуза абитуриенты учитывают стоимость жизни, инфраструктурную развитость города, в котором расположен вуз, уровень безопасности и коррупции, климат, рейтинги вузов и т. д. [Таланов, 2022].

Правительство РФ через открытие русских домов в разных странах и через популяризацию русского языка создает положительный образ РФ. Кроме того, в последние годы все чаще региональные власти в России стали задумываться о бренде территории, в первую очередь, для развития внутреннего и внешнего туризма и сокращения оттока молодых перспективных кадров из региона. Но брендинг территории позволяет повысить привлекательность города, области, страны не только с точки зрения населения, которое проживает на данной территории, но и с точки зрения иностранных абитуриентов.

Учитывая все вышеизложенное, нами была предпринята попытка изучить, как власти страны, Ярославской области и г. Ярославля,

через территориальный брендинг создают положительные ассоциации и привлекательные образы у различных групп иностранных абитуриентов. А также предложить инструменты для повышения привлекательности Ярославской области для иностранных абитуриентов.

Постановка проблемы

В условиях глобализации возрастает интерес ученых всего мира к изучению такой тенденции в образовании, как интернационализация. Страны конкурируют между собой для привлечения иностранных абитуриентов. В качестве инструментов для привлечения наиболее талантливых абитуриентов в свои вузы, предоставляют всевозможные льготы, скидки, улучшенное жилье, иногда стипендии и т. д.

Учитывая, что образование существенно увеличивает приток в страну наиболее талантливой молодежи, а также позволяет вузам зарабатывать деньги, Правительство многих стран уделило внимание повышению привлекательности своих стран. Во многих государствах активно работают над улучшением имиджа страны [Zorrillab, 2018; Schlesinger, 2021; Al Hazaa, 2021]. С целью популяризации страны создаются группы в социальных сетях, выходят видеоролики о стране, вузы улучшают свои сайты в Интернете, в большом количестве выставляют, как правило, бесплатно видеолекций своих ведущих профессоров и доцентов и т. д.

Социологи пришли к заключению, что размещение бесплатных лекций ведущих ученых учебного заведения на сайте вуза, повышает посещаемость этого сайта, и таким образом повышает престиж, узнаваемость вуза, и увеличивает конкурс среди абитуриентов в данный вуз [Waheed, 2020; Azham, 2020].

Иностранные исследователи систематически изучают, как сайты в той или иной стране, призванные популяризировать образование среди иностранных абитуриентов, стимулируют рост желающих поступать в вузы данной страны. Кроме того, ученые анализировали, как сайты вузов способствуют рекрутированию иностранных абитуриентов. Исследователи пришли к выводу, что первое впечатление от увиденного на сайте вуза имеет для иностранного абитуриента решающее значение при выборе места обучения [Del-Castillo-Feito, 2019; Chandra, 2019; Cunningham, 2019].

Кроме того, зарубежные исследователи систематически изучают какие причины (факторы) заставляют иностранных абитуриентов выбирать тот или иной вуз. В настоящее время исследователи пришли к выводу, что при выборе вуза абитуриенты учитывают следующие обстоятельства: дает ли полученное высшее образование возможность получить высокооплачиваемую должность на Родине и в других странах, соотношение цены обучения и качества обучения, язык на котором ведутся занятия, разви-

тость города в котором находится вуз [Fahrner, 2020; Manzoog, 2021; El-Kassem, 2020].

Традиционно, политологи при анализе мягкой силы изучают удовлетворенность обучением иностранных граждан. В частности, их интересуют, как влияют на общую удовлетворенность жизнью такие переменные как климат, толерантность в стране пребывания, качество проведения занятий, цены в магазинах, количество музеев и театров [Rajassekharan, 2020; Пох, 2019; Aledo-Ruiz, 2022].

Ученые из Африки в своих исследованиях уделяют внимание такому аспекту, как безопасность на улицах. Это связано с высоким уровнем преступности в большинстве стран Африканского континента. Ученые пришли к выводу, что иностранные абитуриенты при выборе страны для получения высшего образования хотят быть уверенны, что в стране пребывания, прежде всего, безопасно [Aversano, 2020; Dursun, 2021; Calitz, 2020].

Из-за появления и широкого распространения коронавирусной инфекции многие вузы оказались в сложной ситуации. Ужесточилась конкуренция за иностранных абитуриентов. По этой причине за последние два года мы наблюдаем рост исследований, направленных на анализ того, как COVID-19 повлиял на систему высшего образования и, что необходимо экстренно предпринять, чтобы привлечь иностранных абитуриентов, студентов,

магистров в свои вузы. Большинство социологов и политологов пришли к заключению, что абитуриенты в условиях неопределенности предпочитают оставаться на Родине и получать высшее образование в своей стране. Абитуриентов теперь заботит не только, чтобы в стране пребывания был низкий уровень преступности и коррупции, была развитая инфраструктура, но и, чтобы в стране систематически и целенаправленно осуществлялся весь комплекс противоэпидемиологических мероприятий [Bao, 2020; Liguori, 2020; Кушнарев, 2020].

Отечественные ученые также активно изучают, как с помощью развития инфраструктуры городов привлечь иностранных абитуриентов или выпускников вузов для продолжения их обучения в магистратуре и аспирантуре [Сутырин, 2020; Игнатенкова, 2021].

Выводы, полученные в ходе проведения социологических исследований зарубежными и отечественными учеными, учитывались нами при разработке программы социологического исследования.

Эмпирическая база исследования

В 2021 году были опрошены иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области:

– Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова (ЯрГУ);

– Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ);

– Ярославском государственном медицинском университете (ЯГМУ);
– Ярославском государственном техническом университете (ЯГТУ);
– Рыбинском государственном авиационном техническом университете имени П. А. Соловьёва (РГАТУ).

Выборка квотная. Переменные квотирования: пол, возраст, страна из которой прибыл иностранный студент, уровень материального благосостояния семьи иностранного студента. Объем выборочной совокупности, $n=400$ человек.

Проведена серия глубинных интервью с иностранными студентами, магистрами, которые относятся к высокоресурсным, среднересурсным и слаборесурсным группам, $n=30$.

Авторские гипотезы

1. Для иностранных абитуриентов при выборе вуза важнее образ страны в целом, чем образ региона и города, в котором расположен вуз.

2. Чем выше материальное благополучие семьи абитуриента, тем больше для него имеет значение такие показатели страны как ВВП, ВНП, количество вузов страны находящихся в престижных рейтингах вузов, насколько развита инфраструктура города.

3. У иностранных студентов имидж той или иной страны формируется в процессе повседневной жизнедеятельности при посещении магазинов в своей стране, при покупке тех или иных иностранных товаров, под воздействием рекламы

зарубежных автомашин, компьютерной техники, электроники, аксессуаров и т. п. Если часто идет реклама иностранных товаров, и у человека эти товары ассоциируются с качеством, то таким образом у него складывается впечатление, что в стране, из которой данные товары все хорошо (высокий уровень жизни, лучшие вузы и т. д.).

4. Иностранные абитуриенты при выборе вуза в другой стране ориентируются на художественные и документальные (научно-популярные) фильмы из данной страны. Если нравятся фильмы определенного производства из определенной страны, то человеку и данная страна становится привлекательной.

5. Как правило, для обучения иностранные абитуриенты выбирают город, в котором есть большое количество музеев и учебное заведение с богатой историей и развитыми традициями. Раз образование само по себе достаточно консервативно, то и вуз должен быть с историей.

6. Чем выше уровень материального благополучия семьи иностранного абитуриента (студента, магистра), тем важнее для него и уровень качества жизни в конкретном городе, где расположен вуз, а также история вуза и количество в нем работающих публичных, известных людей (Нобелевских лауреатов и т. д.).

7. Чем ниже уровень материального благополучия у иностранных абитуриентов (студентов), тем меньше его интересует при выборе

вуза его история и традиции. Главное – цена жизни в городе, в котором расположен вуз, льготы, стипендии и безопасность.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, является ли привлекательной страной РФ для получения высшего образования иностранными гражданами (см. табл. 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, привлекательна ли Россия, для получения высшего образования для иностранных абитуриентов?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Да	88	74	61	53	80	78
Нет	12	26	39	47	20	22

Как видно из ответов, большинство опрошенных, независимо от национальных, конфессиональных, гендерных и возрастных особенностей, считают Россию привлекательной для получения высшего образования. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы. Абсолютно все принявшие участие в опросе респонденты пояснили, что

знают о том, что в Российских вузах не работают (не преподают) Нобелевские лауреаты. Но, несмотря на это отметили, что периодически в СМИ у себя в стране и на сайтах в Интернете слышали о победах и достижениях российских ученых.

Далее мы изучали, что именно привлекло респондентов в РФ в первую очередь (см. табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «При выборе вуза в Ярославской области для получения высшего образования учитывали ли Вы привлекательность страны (России) для жизни? Если да, то, что привлекло Вас в стране в первую очередь?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Развитость инфраструктуры в стране	100	100	72	82	72	80

俄语国家评论

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Престиж российских вузов	100	100	51	55	64	73
Качество и уровень жизни в стране	100	100	70	84	79	86
Место в мире (развитая, развивающаяся и т. д.). Уровень ВВП и ВВП РФ	100	100	89	86	82	88
Насколько развит внешний туризм	77	84	70	81	82	88
Исторические памятники	73	92	62	84	64	72
Популярность российских музеев	72	91	61	82	62	70
Популярность российских театров	70	86	60	74	59	64
Другое	5	5	6	5	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов, респонденты при выборе вуза изучали страну. Иностранных абитуриентов (уже действующих студентов) интересовало, развита ли инфраструктура городов, входят ли и в каком количестве российские вузы в мировые рейтинги, а также какой именно уровень жизни в стране. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы. Так, большая часть опрошенных отметила, что о РФ знали от родителей, родственников и из школы. Кроме того, при изучении русского языка получали и представления о самой стране.

Установили, что чем выше материальное благополучие семьи абитуриента, тем больше для него имеет значение такие показатели страны как ВВП, ВВП, количество вузов страны находящихся в престижных рейтингах вузов и насколько развита инфраструктура города.

Далее мы изучали, интересовались ли иностранные граждане, до поступления в российский вуз, социально-экономическим положением Ярославской области, а также ее культурным наследием и т. д. (см. табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «При выборе вуза в Ярославской области для получения высшего образования учитывали ли привлекательность региона (области) для жизни? Если да, то, что привлекло Вас в регионе в первую очередь?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Условия для занятия спортом	93	93	66	76	23	40
Рыбинское водохранилище	91	98	65	72	71	83
Базы отдыха	87	95	56	73	45	64
Экологическая ситуация	77	72	68	83	45	60
Популярность музеев	72	91	61	82	62	70
Крупные библиотеки	67	66	79	84	78	87
Популярность театров	65	78	43	52	32	41
Наличие крупных торговых центров	61	69	55	79	65	90
Другое	5	5	5	5	6	5

Как видно из ответов, чем больше финансово обеспечена семья респондента, тем больше его интересует, есть ли в регионе условия для занятия спортом. Очень привлекательным для иностранных граждан является наличие в обла-

сти Рыбинского водохранилища и баз отдыха.

Далее мы анализировали, интересовало ли респондентов, при выборе направления обучения и выборе конкретного вуза, уровень и качество жизни в Ярославле (см. табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «При выборе вуза для получения высшего образования учитывали ли привлекательность г. Ярославля для жизни? Если да, то, что привлекло Вас в городе в первую очередь?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Спортивные комплексы	91	82	65	73	21	33

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Стадионы, площадки для занятий спортом	88	78	66	76	23	40
Вузы	86	84	95	89	93	87
Экологическая ситуация	77	75	68	83	45	60
Известные музеи	72	91	61	82	62	70
Библиотеки	67	66	79	84	78	87
Красивые, комфортные общежития	65	60	72	89	57	69
Торгово-развлекательные центры	61	69	55	79	65	90
Рестораны, кафе и т. п.	60	64	52	57	25	55
Магазины, рынки	58	79	54	65	67	88
Банки, банкоматы	57	76	43	64	35	39
Ночные клубы и т. п.	52	60	42	54	65	87
Количество скверов	52	76	44	59	40	79
Поликлиники	51	66	49	63	59	70
Больницы	50	65	47	62	58	69
Безопасность на улицах	41	43	20	17	5	5
Другое	6	5	5	6	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Отрадно, что большинство опрошенных указали, что интересовались количеством спортивных комплексов, стадионов, библиотек, музеев в г. Ярославле. Известно, что в России можно получить образование по тому или иному направлению в большом количестве вузов. Еще со времен СССР в каждом субъекте РФ есть возможности для получения технического, медицинского, экономического и т. д. образования. Также важным фактором при выборе города для иностранного гражданина является экологическая ситуация. Мы видим, что эко-

логическая ситуация волнует больше, чем количество торговых-развлекательных центров.

Учитывая, что в г. Рыбинске обучается большое количество иностранных граждан (в частности, в Рыбинской государственной авиационной технологической академии РГАТУ), особенно из Казахстана, мы в рамках своего исследования изучали, имело ли для них значение перед поступлением развитость г. Рыбинска (см. табл. 5). Выборочная совокупность иная, так как в таблице ответы только той части

студентов, которые учатся в Рыбинске (см. табл. 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «При выборе вуза для получения высшего образования учитывали ли привлекательность города Рыбинска для жизни? Если да, то, что привлекло Вас в городе в первую очередь?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Библиотеки	89	76	67	68	74	77
Безопасность на улицах	83	67	68	66	65	65
Вуз	68	73	62	78	81	90
Красивые, комфортные общежития	67	54	76	57	81	63
Известные музеи	67	56	67	70	71	88
Экологическая ситуация	43	40	46	37	48	35
Больницы	56	51	67	60	72	66
Поликлиники	55	61	60	77	63	82
Спортивные комплексы	55	60	69	54	71	66
Стадионы, площадки для занятий спортом	54	52	61	41	72	36
Рестораны, кафе и т. п.	53	45	56	37	46	44
Банки, банкоматы	52	50	61	58	66	58
Ночные клубы и т. п.	50	54	58	63	69	82
Торгово-развлекательные центры	46	37	60	81	73	92
Магазины, рынки	45	41	52	63	70	86
Количество скверов	43	36	49	41	56	50
Другое	5	5	5	6	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Из ответов респондентов мы видим, что в г. Рыбинске не все хорошо с экологической обстановкой. Респонденты могли пояснить свои ответы. Так, большинство иностранных граждан из Казахстана отметили, что город маленький,

бедный и грязный. В Казахстане города более инфраструктурно развиты и качество жизни более высокое. В РГАТУ есть общежитие, достаточно удобные комнаты, но это только для иностранных граждан. Также в г. Рыбинске находится мно-

го заводов и, когда в безветренную погоду все загрязнения из труб оседают на город, жителям становится трудно дышать. Неслучайно г. Рыбинск занимает первые места

по количеству онкологических заболеваний среди населения.

Далее мы изучали, с чем ассоциируется страна Россия (см. табл. 6).

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «С чем, по Вашему мнению, ассоциируется страна Россия, или какая из следующих характеристик для Вас связана с названием страны Россия?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Медведь	100	100	100	100	100	100
Бескрайние просторы	100	86	90	87	92	83
Безопасная	88	74	61	53	80	78
Привлекательная	85	78	54	48	79	77
Комфортные условия	84	71	56	50	77	74
Стабильность	83	75	55	47	71	69
Качественное образование	73	70	69	64	82	84
Перспективы	72	65	45	40	63	59
Развитие	71	64	44	39	62	58
Низкий уровень преступности	70	87	71	85	77	89
Высокий уровень жизни	61	54	57	52	81	78
Дорогая жизнь	59	52	64	68	75	78
Низкий уровень коррупции	36	27	38	29	44	25
Чистая экология	24	18	29	31	19	14
Другое	5	6	5	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов респондентов (абсолютно у всех иностранных студентов) Россия ассоциируется с медведем. Респонденты могли пояснить свои ответы, для этого были предусмотрены открытые вопросы. Так, большинство ответивших отметили, что медведь,

самый распространенный из сильных хищников в РФ. В странах респондентов Россию постоянно сравнивают с грозным медведем. При этом значительная часть иностранных студентов указали, что знают о том, что двуглавый орел является официальным символом

Мир русскоговорящих стран

РФ, а не медведь. И были очень удивлены, что медведь, с которым у них ассоциируется РФ, является официальным символом Ярославской области и г. Ярославля, а еще

также присутствует на гербе г. Рыбинска.

Далее мы анализировали, знают ли респонденты бренды и марки российских товаров и т. п. (см. табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «Напишите, пожалуйста, название какой фирмы (марки, бренда) Вам первым придет в голову, если назвать страну Россия?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Газпром	100	100	100	100	100	100
Уралвагонзавод	74	—	62	—	54	—
Red Fox	61	—	45	—	21	—
Лекарство «Авифавир» (препарат от COVID-19)	52	51	50	54	57	63
Самолет SSJ-100	39	18	29	12	13	8
Ростех	21	7	24	—	23	-
Askent	18	39	12	24	9	19
Bombbar	9	—	7	—	—	—
Sokolov	9	34	7	29	5	18
Elis	—	42	—	19	—	9
Karous	—	42	—	31	—	22
Лекарства: «Фортека», «Эфлейра», «Полиоксидоний», «Пирацетам», «Актовегин»	—	39	—	40	—	29
Irit	—	19	—	11	—	9
Hoff	—	17	—	9	—	—
Kitfort	—	16	—	10	—	—
«Махеевъ»	—	8	—	7	—	6
Другие	5	5	5	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, самым узнаваемым брендом является «Газпром». Выявлен гендерный дисбаланс, юноши лучше

осведомлены о брендах российской техники и вооружения, а девушки лучше знают российские марки и бренды производителей продуктов

питания, производителей бытовой техники для кухни, одежды, аксессуаров, ювелирных изделий и косметики. Больше половины опрошенных, независимо от гендерных особенностей, знают лекарство «Авифавир» (препарат от COVID-19).

Опрос показывает, что иностранные граждане не знают брендов торговых марок, производителей из Ярославской области. Абсолютное большинство респондентов знают всероссийские компании, и вообще до поступления в вузы Ярославской области основные города страны для них – это Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Томск и Омск. Студенты пояснили, что поступали, исходя из ресурсов семьи (денег, связей, знания языка и т. д.). Многие сразу отказались от идеи идти учиться в самые престижные вузы РФ. Полагаем, что у

иностранцев студентов имидж той или иной страны формируется в процессе повседневной жизнедеятельности, при посещении магазинов в своей стране, при покупке тех или иных иностранных товаров, а также под воздействием рекламы зарубежных автомашин, компьютерной техники, электроники, аксессуаров и т. п. Если часто идет реклама иностранных товаров и у человека эти товары ассоциируются с качеством, то таким образом у него складывается впечатление, что в стране, из которой данные товары все хорошо (высокий уровень жизни, лучшие вузы и т. д.).

Далее мы изучали, как часто респонденты слышали у себя на Родине о международных выставках, ярмарках и других подобных мероприятиях, проходящих в РФ (см. табл. 8).

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: «До поступления в вуз, приходилось ли Вам когда-либо слышать о международных выставках, ярмарках и других подобных мероприятиях, проходящих в РФ?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Да	17	15	5	—	—	—
Нет	78	85	95	100	100	100
Я посещал такое мероприятие	5	—	—	—	—	—

Как видно из ответов, только незначительная часть иностранных студентов, из высокоресурсных групп слышала о проводимых в РФ престижных выставках.

Далее мы изучали, как часто респонденты слышали у себя на Родине о международных выставках, ярмарках и других подобных мероприятиях, проходящих в городе Ярославле (см. табл. 9).

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «До поступления в вуз, приходилось ли Вам когда-либо слышать о международных выставках, ярмарках и других подобных мероприятиях, проходящих в городе Ярославле?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Да	17	8	—	—	—	—
Нет	83	92	100	100	100	100
Я посещал(а) такое мероприятие	—	—	—	—	—	—

И снова мы можем констатировать, что иностранные студенты, обучающиеся в настоящее время в РФ, до поступления в российские вузы о престижных международных выставках, ярмарках, проходя-

щих в Ярославле, в своем большинстве не слышали.

Далее мы анализировали, знают ли респонденты, о каких-либо победах российских школьников в международных предметных олимпиадах (см. табл. 10).

Таблица 10.

Распределение ответов на вопрос: «До поступления в вуз, приходилось ли Вам когда-либо слышать о победах в предметных олимпиадах школьников из РФ?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Да, слышал один раз	12	10	13	7	6	5
Да, слышал несколько раз (2-3 раза)	19	26	33	21	15	9
Да, слышал много раз (более трех раз)	69	64	37	37	36	31
Нет	—	—	17	35	43	55

Мы видим, что большинство иностранных студентов слышали и неоднократно о том, что российские школьники становились лауреатами и призерами различных

международных предметных олимпиад.

Далее мы выясняли причины выбора России в качестве страны для получения высшего образования (см. табл. 11).

Таблица 11.

Распределение ответов на вопрос: «Откуда Вы узнали о вузе, в который Вы поступили?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты, обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Посоветовали родители	89	79	70	72	32	30
В Интернете/ на веб-сайте вуза	78	75	85	87	90	91
В школе	74	77	82	84	96	94
От тех, кто в нем учится или учился	31	29	14	16	—	—
У знакомых или друзей	30	28	61	60	82	86
По телевидению	—	—	16	15	27	29
По радио	—	—	17	18	21	23
В газете, журнале	—	—	14	16	19	21
Другое	5	6	5	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов значительной части респондентов поехать учиться в РФ, посоветовали родители. Респонденты могли пояснить свои ответы. Так, значительная часть иностранных студентов из среднересурсных и низкоресурсных групп отметили, что у их родителей (родственников) нет возможности оплачивать учебу в Европейских

вузах, а также нет хороших знаний в английском, французском языках.

Во многих рейтинговых системах учитывается то, как часто в поисковой системе набирают название того или иного вуза. По этой причине в рамках нашего исследования мы анализировали, сложно ли было ориентироваться респондентам на веб-сайте вуза, в который они поступили (см. табл. 12).

Таблица 12.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько сложно ориентироваться на веб-сайте вуза, в который Вы поступили?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Очень просто	44	31	35	24	20	12
Скорее просто	12	6	20	26	19	24
Просто	38	54	28	24	30	25
Скорее сложно	6	9	10	14	16	21
Очень сложно	—	—	7	12	15	18

Как видно из ответов, значительной части иностранных студентов из высокоресурсных групп и большей части иностранных студентов из среднересурсных и низкоресурсных групп, было легко

ориентироваться на сайте выбранного ими для поступления вуза.

Далее мы изучали удовлетворенность проживанием в общежитии (см. табл. 13).

Таблица 13.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы довольны уровнем комфорта проживания (комнатой, кухней, туалетом, душем и т. д.) в общежитии?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Очень доволен/льна	50	40	51	45	57	55
Скорее доволен/льна	23	30	18	19	25	29
Доволен/льна	15	19	26	30	18	16
Скорее недоволен/льна	5	6	5	6	—	—
Недоволен/льна	7	5	—	—	—	—
Совсем недоволен/льна	—	—	—	—	—	—

Как видно из ответов опрошенных, больше половины указали, что довольны уровнем комфорта. В частности, большинство принявших участие в опросе пояснили,

что в их вузе самые лучшие комнаты в общежитии, предусмотрены как раз для иностранных граждан. Поэтому неудивительно, что боль-

шинство студентов довольны условиями проживания в общежитии.

Далее мы изучали, как респонденты оценивают город, в котором расположен вуз (см. табл. 14).

Таблица 14.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы, в общем, оцениваете город, в котором расположен вуз, в котором учитесь?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Город мне нравится	47	54	66	63	64	60
Город мне скорее нравится	41	30	29	26	29	27
Город мне скорее не нравится	5	6	5	6	7	8
Город мне не нравится	7	5	—	—	—	—
Трудно сказать	—	5	—	5	—	5

Как видно из ответов, большинству респондентов город проживания нравится. Часть девушек отметила, что не всегда чувствует себя в безопасности, особенно вечером в пятницу и субботу, когда на улицах бывает много лиц в состоянии алкогольного опьянения. И снова респонденты пояснили, что несмотря

на большое количество оригинальных музеев, наличие театра, беспокойство вызывает экологическая ситуация и грязные реки – Волга, Черемуха, Которосль.

Далее мы изучали насколько, по мнению респондентов, двор и микрорайон в целом комфортен для проживания (см. табл. 15).

Таблица 15.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько, по Вашему мнению, Ваш двор, микрорайон в целом комфортен для Вас?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Максимально комфортный: есть все необходимое для проживания, удобная инфраструктура и проч.	61	43	44	31	24	20

Мир русскоговорящих стран

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из высокоресурсных групп		Из среднересурсных групп		Из низкоресурсных групп	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Чувствую себя здесь вполне комфортно, но есть определенные решаемые проблемы	21	26	13	27	35	33
Чувствую дискомфорт, так как имеется множество серьезных проблем, препятствующих комфортному проживанию	13	26	37	36	36	42
Затрудняюсь ответить	5	5	6	6	5	5

Мы видим, что большинство опрошенных довольны районом своего проживания. Что не удивительно, поскольку администрации вузов стремятся иметь не просто традиционные общежития, а боль-

шие и комфортные общежития квартирного и гостиничного типа.

Далее мы изучали, что, по мнению опрошенных, надо делать властям города и области для привлечения иностранных абитуриентов в вузы области (см. табл. 16).

Таблица 16.

Распределение ответов на вопрос: «Что необходимо сделать, властям города и области для привлечения иностранных абитуриентов в вузы области?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из Ярославля		Из моногорода		Малые, средние, большие, крупные сельские поселения	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Строить красивые общежития	100	100	68	83	78	94
Лучше очищать воду	100	100	78	90	68	92
Улучшить экологическую ситуацию	93	95	79	88	23	14
Больше специально оборудованных спортивных площадок, с инструктором и охраной	91	92	68	77	34	42

俄语国家评论

Ответы респондентов	Иностранные студенты, магистранты обучающиеся в вузах Ярославской области					
	Из Ярославля		Из моногорода		Малые, средние, большие, крупные сельские поселения	
	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки
Развивать каршеринг	88	76	45	34	26	18
Больше открывать музеев	87	88	69	84	82	81
Улучшить сайт администрации области и городов Ярославля и Рыбинска. Сайт должен быть информативным, красочным и т. п.	79	52	42	58	58	63
Усилить охрану публичных мест (в парках, скверах и т. д.)	77	89	65	90	45	92
Вывески на иностранных языках	75	73	67	64	44	32
Вести передачу на радио об области (городе, вузах) на разных языках. Желательно в странах, из которых планируют привлечь абитуриентов	70	72	79	89	57	46
Другое	5	6	6	7	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из таблицы, иностранным студентам хочется более комфортные условия для проживания в общежитии, а также, чтобы хорошо очищали воду, навели порядок с экологией, особенно этим обеспокоены иностранные студенты из Рыбинска (РГАТУ). Девушки в своих ответах пояснили, что неоднократно сталкивались с ситуациями, когда в общежитие приходили посторонние, неоднократно имели место случаи приставания со стороны юношей, часто часть студентов, как правило, из числа неуспевающих, злоупо-

требляет спиртным и мешает делать домашние задания.

В рамках исследования мы провели серию глубинных интервью с иностранными студентами, магистрантами, которые относятся к высоко-ресурсным, среднересурсным и слаборесурсным группам, n=30.

Далее приводим некоторые типичные высказывания респондентов.

Акбар, 22 год, студент из Казахстана.

«У нас в стране все мужчины должны быть сильными. Президент

Казахстана многое делает для развития спорта. Не секрет, что многие победы Российских спортсменов – это победы казахов, которые приняли гражданство РФ. Я всегда хотел быть инженером. Учил математику, физику. Было много репетиторов. Поэтому выбирал вузы, в которых есть сильные инженерные традиции (школы). Выбрал для поступления РГГУ, на карте, это так красиво: Рыбинск, рядом «Рыбинское море». На практике оказалось, что Рыбинское водохранилище очень далеко и рядом с ним вообще, кроме баз отдыха, ничего нет. Общежитие у нас пятиэтажное, очень большая территория, особенно у главного и первого корпусов, но совершенно не развитая зона культуры, досуга и спорта. Приходится тратить деньги, чтобы посещать фитнес-зал. Город маленький, бедный, асфальт летом почти не поливают, у мусорных баков все время разбросанный мусор. Говорят это из-за птиц. Автобусы и троллейбусы старые, запахи в городе в безветренную погоду ужасные».

Алишер, 22 года, студент из Узбекистана.

«Я так доволен, что смог поступить в российский вуз. У нас в стране очень ценится медицинское образование. Когда я выбирал в интернете учебное заведение среди медицинских вузов, в который я поступлю, то осознанно выбрал не самый престижный. То есть я сразу отказался от идеи учиться в Москве, Санкт-Петербурге, Твери. Я выбрал Ярославский медицин-

ский, так как он провинциальный. Если Тверской, как мне показалось, очень пафосный, так как он создан на базе Ленинградского, то Ярославский ЯГМУ – скромный. И я оказался прав. Город для меня тоже имел значение. В мегаполисах, конечно, хорошо, есть возможность подрабатывать, но очень шумно, большой рост маятниковой преступности, межнациональные конфликты. В Ярославле я посмотрел – мало межнациональных конфликтов и сильная диаспора».

Касим, 22 года, студент из Туркменистана.

«В моей стране престижно только техническое образование, но я с детства хотел стать врачом. Медицинское образование, конечно, тоже ценится, но у меня нет столько знаний по биологии. Кроме того, отец хотел, чтобы я был инженером. В итоге я поступил в технический вуз. Мне казалось, это мы плохо живем, но оказывается в России тоже много бедных, города грязные, автобусы грязные, нет кондиционера, летом в них жарко, а зимой холодно. Остановки безобразные. Я думал, приеду в РФ, и мне на Родине будут завидовать. В моей голове был совсем иной образ и совсем иные ассоциации».

Мы видим из типичных ответов, что респонденты, независимо от национальности, поступают рационально. С одной стороны, учитывают ресурсы семьи (связи, деньги и т. п.), а с другой – уровень знаний, а с третьей – мнение родителей.

Заключение

В рамках исследования нашли подтверждение все гипотезы.

Для повышения эффективности брендинга территории (улучшения репутации региона и городов Ярославль и Рыбинск) необходимо улучшение качества жизни в городе и в области в целом, в частности:

- совершенствовать озеленение общественных мест, больше сажать деревьев и цветов, очистить водоемы и реки от грязи, для чего необходима федеральная поддержка;

- на станциях централизованной очистки усилить очистку водопроводной воды;

- учитывая то обстоятельство, что у вузов, особенно г. Ярославля не хватает площадей (общежитий), важно разработать дополнительную программу по строительству студенческих общежитий. Студентам для

занятия необходимо, чтобы в комнате они жили по двое, не по 5-6 человек;

- в студенческих городках обеспечить высокую безопасность проживания;

- совершенствовать сайты вузов Ярославской области. Важно серьезно заниматься контентом и навигацией, профессорско-преподавательскому составу необходимо вести блоги, размещать свои публикации и лекции на сайте;

- совершенствовать сайты города Рыбинска, Ярославля, областного Правительства;

- записывать лекции на таджикском, узбекском, китайском и других языках и выставлять их записи на сайте вузов;

- размещать вывески в кафе и других публичных местах и кампусах на языках иностранных граждан, которые преимущественно обучаются в Ярославской области.

Библиографический список

1. Игнатенкова И. А. Реализация стратегических национальных интересов России посредством политики «мягкой силы» на примере развития экспорта образования // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 6-3 (76). С. 234-237.

2. Кушнарв Ф. Ю. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / Ф. Ю. Кушнарв, Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева [и др.] // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 10. С. 12-22.

3. Сутырин В. В. За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. 2020. № 9. С. 44-57.

4. Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 22-47.

5. Zorrillab P., Forcada J. A review of higher education image and reputation literature: Knowledge gaps and a research agenda // European Research on Management and Business Economics. Volume 24, Issue 1, January-April 2018, Pages 8-16.

6. Schlesinger W., Cervera-Taulet A., Wymer W. The influence of university brand image, satisfaction, and university identification on alumni WOM intentions // J. Market. High Educ. 2021. pp. 1-19.

7. Al Hazaa K., Abdel-Salam A.S.G., Mollazehi M., Ismail R., BenSaid A., Johnson C., Al-Tameemi R.A.N., Hasan M.A., Romanowski M.H. Factors affecting university image among undergraduate students: The case study of Qatar University // *Cogent Educ.*, 2021 № 8 (1). pp. 1-26.
8. Waheed, A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27(3). pp. 1307-1315.
9. Azham, N.A.A., and T.A.H.D.T. Ahmad. Brand reputation management and brand experience towards reputation of Malaysian polytechnics. *Jurnal Intelek*. 2020. № 15 (1). pp. 98-106.
10. Del-Castillo-Feito, C., A. Blanco-González, and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. *European Research on Management and Business Economics*. 2019. № 25 (2). pp. 87-92.
11. Chandra, T., L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. *Benchmarking: An International Journal*. 2019. № 26 (5). pp. 1533-1549.
12. Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // *J. Technol. Tran.*, 2019. № 44 (5), pp. 1451-1475.
13. Fahrner M., Schüttoff U. Analyzing the context-specific relevance of competencies—sport management alumni perspectives // *Eur. Sport Manag. Q.*, 2020. № 20 (3). pp. 344-363.
14. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the ‘university image model’ for higher education institutions’ sustainability // *J. Market. High Educ.*, 2021. № 31 (2). pp. 220-239.
15. El-Kassem R.C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // *Int. J. Manag.*, 2020. № 11 (8). pp. 721-730.
16. Rajassekharan D., Ameen A., Midhunchakkaravarthy D. Analysis of alumni satisfaction towards university using partial least square structural equation model (PLS-SEM) // *J. Crit. Rev.*, 2020. № 7. pp. 2992-2998.
17. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // *Coll. Univ.*, 2019 № 94 (4). pp. 2-9.
18. Aledo-Ruiz, M. D., Martínez-Caro, E., & Santos-Jaén, J. M. The influence of corporate social responsibility on students' emotional appeal in the HEIs: The mediating effect of reputation and corporate image. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022. № 29(3). pp. 578-592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592>ALEDO-RUIZ ET AL.
19. Aversano, N., Di Carlo, F., Sannino, G., Tartaglia Polcini, P., & Lombardi, R. Corporate social responsibility, stakeholder engagement, and universities: New evidence from the Italian scenario. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27. pp. 1892-1899.
20. Dursun, O., & Altin Gumussoy, C. The effects of quality of services and emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. *Quality Assurance in Education*, 2021. № 29, pp. 166-182.

21. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students' choice of university in South Africa // J. Stud. Int. Educ., 2020. № 24 (2). pp. 269-285.
22. Bao W. COVID -19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University // Human Behav. Emerg. Technol., 2020. № 2 (2). pp. 113-115.
23. Liguori E., Winkler C. From offline to online: challenges and opportunities for entrepreneurship education following the COVID-19 pandemic // Entrepreneurship Educ. Pedag., 2020. № 3 (4). pp. 346-351.

Reference list

1. Ignatenkova I. A. Realizacija strategicheskikh nacional'nyh interesov Rossii posredstvom politiki «mjagkoj sily» na primere razvitija jeksporta obrazovanija = Realization of Russia's strategic national interests through “soft power” policy on the example of education export development // Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie. 2021. № 6-3 (76). S. 234-237.
2. Kushnarev F. Ju. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = The impact of COVID-19 on the higher education system / F. Ju. Kushnarev, D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva [i dr.] // Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly. 2020. № 10. S. 12-22.
3. Sutyryn V. V. Za predelami «mjagkoj sily»: gumanitarnoe vlijanie i sotrudnichestvo vo vneshnej politike = Beyond “soft power”: Humanitarian influence and foreign policy cooperation // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2020. № 9. S. 44-57.
4. Talanov S. L. Mesto obrazovanija v politike «mjagkoj sily» Rossii: strategicheskie napravlenija i instrumenty = The place of education in Russia's “soft power” policy: strategies and tools // Mir ruskogovorjashhikh stran. 2022. № 2 (12). S. 22-47.
5. Zorrillab P., Forcada J. A review of higher education image and reputation literature: Knowledge gaps and a research agenda // European Research on Management and Business Economics. Volume 24, Issue 1, January-April 2018, Pages 8-16.
6. Schlesinger W., Cervera-Taulet A., Wymer W. The influence of university brand image, satisfaction, and university identification on alumni WOM intentions // J. Market. High Educ. 2021. pp. 1-19.
7. Al Hazaa K., Abdel-Salam A.S.G., Mollazehi M., Ismail R., BenSaid A., Johnson C., Al-Tameemi R.A.N., Hasan M.A., Romanowski M.H. Factors affecting university image among undergraduate students: The case study of Qatar University // Cogent Educ., 2021 № 8 (1). pp. 1-26.
8. Waheed, A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. Corporate Social Responsibility and Environmental Management, 2020. № 27(3). pp. 1307-1315.
9. Azham, N.A.A., and T.A.H.D.T. Ahmad. Brand reputation management and brand experience towards reputation of Malaysian polytechnics. Jurnal Intelek. 2020. № 15 (1). pp. 98-106.
10. Del-Castillo-Feito, C., A. Blanco-González, and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. European Research on Management and Business Economics. 2019. № 25 (2). pp. 87-92.
11. Chandra, T., L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. Benchmarking: An International Journal. 2019. № 26 (5). pp. 1533-1549.

12. Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // *J. Technol. Tran.*, 2019. № 44 (5), pp. 1451-1475.
13. Fahrner M., Schüttoff U. Analyzing the context-specific relevance of competencies—sport management alumni perspectives // *Eur. Sport Manag. Q.*, 2020. № 20 (3). pp. 344-363.
14. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the ‘university image model’ for higher education institutions’ sustainability // *J. Market. High Educ.*, 2021. № 31 (2). pp. 220-239.
15. El-Kassem R.C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // *Int. J. Manag.*, 2020. № 11 (8). pp. 721-730.
16. Rajassekharan D., Ameen A., Midhunchakkaravarthy D. Analysis of alumni satisfaction towards university using partial least square structural equation model (PLS-SEM) // *J. Crit. Rev.*, 2020. № 7. pp. 2992-2998.
17. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // *Coll. Univ.*, 2019 № 94 (4). pp. 2-9.
18. Aledo-Ruiz M. D., Martínez-Caro, E. & Santos-Jaén J. M. The influence of corporate socialresponsibility on students' emotional appeal in the HEIs: The mediating effect of reputation and corporate image. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022. № 29(3). pp. 578-592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
19. Aversano N., Di Carlo F., Sannino G., Tartaglia Polcini P., & Lombardi R. Corporate social responsibility, stakeholder engagement, and universities: New evidence from the Italian scenario. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27. pp. 1892-1899.
20. Dursun O., & Altin Gumussoy C. The effects of quality of services and emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. *Quality Assurance in Education*, 2021. № 29, pp. 166-182.
21. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students’ choice of university in South Africa // *J. Stud. Int. Educ.*, 2020. № 24 (2). pp. 269-285.
22. Bao W. COVID -19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University // *Human Behav. Emerg. Technol.*, 2020. № 2 (2). pp. 113-115.
23. Liguori E., Winkler C. From offline to online: challenges and opportunities for entrepreneurship education following the COVID-19 pandemic // *Entrepreneurship Educ. Pedag.*, 2020. № 3 (4). pp. 346-351.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.
The article was submitted on 10.07.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 821.161.1.09+929
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-69-80
EDN FOQOMZ

**Репрезентация иконического сюжета «Чудо Георгия о змие»
в пьесе М. А. Булгакова «Бег»**

Ольга Александровна Казьмина

Кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков
Юго-Западного университета КНР, КНР, г. Чунцин
ljolya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7095-4182>

Аннотация. В статье представлена попытка анализа роли присутствующего в пьесе М. А. Булгакова «Бег» образа православной иконы «Чудо Георгия о змие». Включение иконы в пространство художественного произведения обращает к проблеме корреляции между словом и образом и помогает расширить границы текста. Икона, изображенная на железнодорожной станции в ставке белогвардейского генерала Романа Хлудова, тесно связана с темой христианской веры и грядущих гонений на нее, а также с темой, уходящей в прошлое, проигранной царской России.

Важный акцент делается на рассмотрении некоторых связанных с иконическим сюжетом мотивов пьесы, в том числе подтекстовых: борьба добра и зла, темного и светлого, змеборство и др. Делается вывод, что иконический образ Святого Георгия коррелирует с образом белого генерала Хлудова: они являются зеркальными двойниками. Георгий Победоносец изображен с крыльями, Хлудов же является персонифицированной надеждой на спасение и имеет метафорические крылья, под защиту которых бегут герои пьесы. Схожая бледность иконического юноши с белогвардейским генералом вводит в пьесу тему лика и маски, что приводит к выводу о том, что генерал Хлудов надевает маску, становится актером, исполняющим назначенные роли: заступник, генерал, вешатель и др.

Проведенный в данном ключе анализ объясняет и характер белого генерала, и отдельные его поступки. Связь с иконическим сюжетом событий пьесы усиливает их масштабность и катастрофичность.

© Казьмина О. А., 2022

Ключевые слова: М. А. Булгаков; «Бег»; «Чудо Георгия о змие»; Георгий Победоносец; иконическое; Хлудов; маска; змеборство; цветосемантика

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Казьмина О. А. Репрезентация иконического сюжета «Чудо Георгия о змие» в пьесе М. А. Булгакова «Бег» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 69-80. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-69-80>. <https://elibrary.ru/FOQOMZ>.

PHILOLOGY

Original article

**Representing the iconic plot of St. George and the dragon in
M. A. Bulgakov's play Flight**

Olga A. Kazmina

Doctor of philology, associate professor at the Institute of Foreign Languages, Southwest University, China. PRC, Chongqing
ljolya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7095-4182>

Abstract. The article is an attempt to analyze the role of the Orthodox icon “St. George and the Dragon” in M. A. Bulgakov's play “Flight”. Incorporating the icon into the space of the literary work addresses the problem of correlation between the word and the image and helps to expand the text boundaries. The icon depicted at the railway station in the headquarters of the White Army general Roman Khludov is closely related to the theme of Christian faith and its future persecution, as well as to the theme, going back in time, of the lost tsarist Russia.

Special attention is paid to certain motifs related to the iconic plot of the play, including subtextual ones: the struggle between good and evil, dark and light, dragon-slaying, etc. The author concludes that the iconic image of St. George correlates with the image of the white general Khludov: they are mirror twins. St. George the Victorious is depicted with wings, while Khludov is a personified hope for salvation and has metaphorical wings to protect the characters of the play. The likeness of the pale iconic young man to the White Army general introduces the theme of the face and the mask into the play, which leads to the conclusion that General Khludov puts on a mask and becomes an actor performing the assigned roles: defender, general, hangman, etc. This analysis explains both the character of the white army general and

some of his actions. The connection with the iconic plot of events in the play emphasizes their scale and catastrophic nature.

Key words: M. A. Bulgakov; “Flight”; “St. George and the Dragon”; St. George the Victorious; iconic; Khludov; mask; dragon-slaying; color semantics

This article was written as part of the work of Center for Studying Russian-Speaking Countries at Southwest University, the Ministry of Education of the PRC

For citation: Kazmina O. A. Representing the iconic plot of St. George and the dragon in M. A. Bulgakov's play Flight. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):69-80. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-69-80>. <https://elibrary.ru/FOQOMZ>.

Введение

Важное место в художественном мире Михаила Булгакова занимают христианские мотивы, характерные практически для всех значимых произведений автора. Данная проблема в разное время становилась предметом исследований многих булгаковедов [Александрова, 2008; Белобровцева, 2007; Гаспаров, 1994; Дашевская, 1991; Зеркалов, 2003; Иваньшина, 2010; Колесникова, 2001; Кораблев, 1988; Лепяхин, 2002; Урюпин, 2012; Химич, 1995; Яблоков, 2001].

Описанию икон – «живописному Евангелию» – в булгаковских произведениях не отводится большой роли. Присутствие православной иконы в художественном тексте позволяет расширить его границы, поскольку икона понимается как некий переход, окно в другое пространство. Говоря о творчестве М. А. Булгакова едва ли можно сделать выводы о его иконописном аспекте, поскольку во всем наследии писателя иконы присутствуют лишь в нескольких эпизодах. Перед иконой Богоматери Елена

Тальберг вымалчивает спасение своего брата Алексея Турбина («Белая гвардия»). [Булгаков, 1989a]. Во время погони за иностранным консультантом и его шайкой – виновниками гибели Михаила Берлиоза, – поэт Иван Бездомный оказывается в доме 13, в квартире 47, откуда забирает маленькую бумажную икону и свечку и далее перемещается с ними по Москве («Мастер и Маргарита») [Булгаков, 1990]. В пьесе «Бег» иконы упоминаются при описании внутренности монастырской церкви в северной Таврии, а также в белогвардейской ставке, где висит икона Святого Георгия Победоносца [Булгаков, 1989]. Наличие икон в булгаковской поэтике выполняет ряд функций, о которых необходимо сказать.

Включение живописаний святых в художественный текст обращает к проблеме корреляции между вербальным и иконическим / словом и образом. Поэтому важно провести исследование иконических изображений в словесном произведении и попытаться объяснить их подтек-

стовые значения.

В данной статье мы обратимся к пьесе «Бег» и проанализируем присутствие в ней православного иконоческого сюжета «Чудо Георгия о змие» в его связях с событиями и героями произведения, в частности, с образом главного персонажа генерала Романа Хлудова.

**«Юноша этот –
Георгий Победоносец»**

Святой Георгий-змееборец известен с раннехристианских времен и узнаваем во множестве культур, особенно в православной, кроме иконописи встречается в житиях, духовных стихах, легендах и особенно в сказках [Пропп, 1973]. Большое почитание Святой Георгий получил в русской культуре, где является и покровителем воинов, и одним из главных символов государства, изображается на гербе со времен возникновения Великого княжества Московского. Икона Святого Георгия Победоносца помещалась в щите на груди двуглавого орла, тем самым символизируя государственность и защиту всего русского народа. В XVI веке Святой Георгий появился и на русских монетах, и слово «копейка» происходит от копья, оружия, которое держит в руках Георгий на этом изображении. Мы упоминаем эти известные сведения, поскольку в пьесе «Бег» имеет значение как присутствие геральдического символа Российской Империи, за которую воюют белогвардейцы, так и сам культ святого Георгия в право-

славии. Тем самым, икона в хлудовской ставке связана с темой христианской веры, на которую уже начнутся гонения большевиков (об этом в сне Первом, действие которого происходит в монастырской церкви), и с темой уходящей в прошлое царской России, окончательно проигранной красным в Крыму осенью 20-го года.

Икона появляется в тексте однажды: в пространной ремарке ко сну Второму, где среди прочих описаний, о которых будет далее сказано в статье, читаем: **«...на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада (Здесь и далее в тексте выделено нами. – О. К.)»** [Булгаков, 1989, с. 423].

М. А. Булгаков, возможно в силу особенностей драматургического произведения, не вводит в текст детального описания иконы, поэтому мы не можем говорить об экфрасисе в «Беге». Но при этом упоминание иконы подразумевает расширение границ текста.

В иконическом изображении обращает на себя внимание противопоставление *темного облупленного фона и белого юноши*. Антитеза *«темный-светлый»* обнаруживает в пьесе подтекстную тему борьбы света и тьмы, добра и зла.

Важно и указание на то, что фон иконы именно «облупленный», он соотносится с «полиявшимися кры-

льями серафимов» [Булгаков, 1989, с. 413] в монастырской церкви в Северной Таврии – месте приютившем бегущих из Петербурга в Крым Голубкова, Серафиму, спасающегося от буденного генерала Чарноты, переодетого в рожающую мадам Барабанчикову и других героев пьесы, оказавшихся в потоке бега. Схожая блеклость и обесцвеченность икон в монастырской церкви и на железнодорожной станции, вероятно, свидетельствует об общем запустении и бесхозяйственности, начинающих в новое время. Эта мысль была близка М. А. Булгакову, поскольку не раз затрагивалась в различных произведениях автора. Кроме этого, нарочитая блеклость также символизирует постепенное отмирание, забвение святынь прошлого и начало явно безрадужного настоящего. Общая серость и тусклость оттенков коррелирует с природными красками в плохую осеннюю погоду: «За окном **безотраднѣй** октябрьскій вечер с дождем и снегом» [Булгаков, 1989, с. 413]. Этот период времени Хлудов впоследствии охарактеризует как «мгла и шуршание» [Булгаков, 1989, с. 440]. Тему смены времен и противопоставления нового старому поддерживает также и деталь: надпись над выходом на главный перрон, сделанная по старой орфографии «Отдѣленіе опѣративное» [Булгаков, 1989, с. 423].

В анализируемой нами ремарке ко сну Второму дается детальное опи-

сание белогвардейской ставки на железнодорожной станции в Крыму, а также внешности и характерных манер генерала Хлудова. Отметим, что здесь читатель впервые встречается с белым генералом, до этого, в сне Первом, были только упоминания о нем. Изображение в одной ремарке Хлудова и Святого Георгия Победоносца создает параллель белогвардейский генерал / «змееборец», следовательно, вся армия, руководимая им, является светлым началом, борющимся со злом.

Кроме того, Хлудов, представленный драматургом вместе с Георгием Победоносцем, может считаться и его зеркальным двойником, что типично для творчества М. А. Булгакова, где тема бинарности, зеркальности и двойничества является общим местом, подробно изученным и описанным во множестве работ.

«Георгий-то Победоносец смеется»

Образ Романа Валерьяновича Хлудова вызывает исследовательский интерес среди литературоведов, которые, несмотря на различные подходы к изучению данного героя, сходятся во мнении относительно его «пороговости», двойственности. Не раз у булгаковедов звучала мысль о том, что Хлудов как бы находится между бытием и небытием, об этом, в частности, свидетельствует его душевная болезнь, выраженная в способности «общаться» с убиенным Крапилиным. Что позволило некоторым

ученым сделать предположение, что фигура Хлудова предшествует Понтию Пилату, изображенному М. А. Булгаковым позже в романе «Мастер и Маргарита» [Химич, 1995; Яблоков, 2001; Яновская, 2007; Казьмина, 2009]. Если придерживаться данной точки зрения, то можно сказать, что Хлудов является и двойником-антагонистом Георгия Победоносца.

Еще до непосредственного появления героя, в сне Первом о нем говорится как о некоем покровителе, способном защитить всех, кто нуждается в его помощи. «*Чарнота*. Слух такой, ваше преосвященство, что вся армия в Крым идет. **К Хлудову под крыло**» [Булгаков, 1989, с. 419]; «*Серафима*. Из Петербурга бежим. Все бежим, да бежим! Куда? **К Хлудову под крыло!** Все снится: Хлудов...» [Булгаков, 1989, с. 430]. Но при встрече с этим героем читатели видят совершенно беспомощного, загнанного в угол, одинокого и больного человека: «Он болен чем-то, этот человек весь болен, с ног до головы. <...> Он возбуждает страх» [Булгаков, 1989, с. 423].

Здесь же впервые описывается внешность генерала: «Человек этот (*Хлудов*. – *О. К.*) лицом бел, как кость» [Булгаков, 1989, с. 423]. Характерная для генерала белизна является признаком очевидного нездоровья, что подтверждается ниже: «Он болен – Роман Валерьянович» [Булгаков, 1989, с. 423]. Следует особенно указать на резкий

смысловой и стилистический контраст его имени и фамилии, о чем пишет исследователь Е. А. Яблоков: «Не исключено, что Булгаков вполне осознанно произвел фамилию персонажа от диалектного слова “хлуда”, одно из значений которого – хворь, болезнь <...> При этом имя и отчество героя – Роман Валерьянович – “программируют” латинские (“римские”) коннотации; отчество Хлудова несет значение “здоровый”» [Яблоков, 1997, с. 179].

Изображенный на иконе святой характеризуется как «белый юноша». Но это вовсе не означает, что его лицо белое. Посмотрим на живописания темных или почерневших ликов на полинявших, облупленных, затертых иконах в произведениях М. А. Булгакова: «смуглое лицо Богоматери» [Булгаков, 1989а, с. 411], «зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами» [Булгаков, 1989а, с. 411], «темное лицо, врезанное в венец» [Булгаков, 1989а, с. 411], «старый коричневый святитель Никола» [Булгаков, 1989а, с. 180], «шоколадный лик святого» [Булгаков, 1989, с. 413]. Вероятно, драматург и в случае описания Георгия Победоносца не имеет ввиду белизну его лика. Также всадник не может отличаться и белизной цвета одежды, поскольку на всех известных вариантах иконы с сюжетом «Чудо Святого Георгия о змие» белым изображен конь, а Георгий Победоносец имеет цветные убрания. На это указано и в работе В. Я. Проппа, занимавшегося исследованием

изображения данного сюжета. Ученый обращался к русским, грузинским, итальянским иконам и фрескам XII–XV вв., изучил и описал их в своей статье «Змеборство Георгия в свете фольклора», где подчеркивал яркость одежды всадника и ослепительную белизну, белоснежность коня [Пропп, 1973].

На наш взгляд, в «Беге» белизна Победоносца – это важный символ. Цветосемантика не только позволяет провести параллель между святым Георгием Победоносцем и белогвардейским генералом Хлудовым, а также вводит тему лика и маски. Белизна на иконическом изображении указывает, безусловно, на святость и совершенство Победоносца, напоминает о силе Божией, побеждающей зло. Белизна же Хлудова свидетельствует о надетой на героя маске, чему в тексте можно найти ряд подтверждений.

В его описании присутствует важная ремарка: «брит, как актер», что намекает на притворство героя и позволяет расценивать должность Хлудова – командующий фронтом – как роль, выбранную не по собственной воле, а по принуждению, чему находим подтверждение в тексте («Главнокомандующему. – О. К.) Ненавижу за то, что вы со своими французами вовлекли меня во все это. Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать» [Булгаков, 1989, с. 440]. Эта цитата подчеркивает несамостоятельность выбора Хлу-

довым своей судьбы, точнее образ жизни, ему претит играть полученную роль военного. О чуждости военного дела свидетельствует и деталь отсутствия у генерала Хлудова какого-либо оружия, что получает смысловую нагрузку при сравнении с описанием святого Георгия Победоносца, изображенного с копьем, – оружием, при помощи которого он побеждает змея.

Одежда Хлудова также выглядит как актерский костюм: на нем *солдатская шинель*, на погонах *небрежно* нашит *генеральский зигзаг*, а защитная фуражка *грязная, с тусклой кокардой*. Подобное изображение расходится с представлениями о подобающем внешнем виде генерала, у читателей (и зрителей) складывается ощущение, что перед ними или ненастоящий военный, или человек, который устал от порученных ему обязанностей и больше не хочет их исполнять. Данное предположение доказывает также и тот известный факт, что одежда обладает способностью к мистификации, и как бы замещает реального человека мнимым [Иваницкий, 2000, с. 46].

Вместе с тем внешний вид Хлудова, и особенно *тусклая* кокарда на фуражке белого генерала, может предвещать как скорый проигрыш в войне – звезда больше не блестит и не светит, – так и предстоящее окончание хлудовской военной карьеры и уход, говоря его же словами, в «небытие». Дальнейшие события, происходящие в пьесе, де-

монстрируют справедливость наших предположений. Незадолго до посадки на константинопольский корабль он уже одет в доху штатскую шапку, на что дважды обращается внимание. Сначала Африкан замечает: «В какой одежде!» [Булгаков, 1989, с. 439], а затем Главнокомандующий: «Почему вы в штатском?» [Булгаков, 1989, с. 439]. Оказавшись в эмиграции, Хлудов перестает быть генералом, его разжаловали в солдаты; в Константинопольских снах он одет в синий пиджак и белые брюки [Булгаков, 1989, с. 456].

Еще одной нитью, связующей образы Хлудова и Георгия Победоносца, может являться плащ всадника на иконическом изображении, очевидно, символизирующий покров и защиту и не раз упоминаемые в начале пьесы хлудовские «крылья», на которые герои возлагали большие надежды как на источник спасения. Но на самом деле, метафорические крылья проявляются в пародийном сравнении Хлудовым самого себя и своих штабных с попугаями, прозябающими на табурете и, при наличии крыльев, не пользующимися даром летать. И наперекор ожиданиям бегущих «к Хлудову под крыло», они оказываются «дьявольскими лапами», а защитный покров и вовсе реализуется в образе черных мешков. «*Серафима*. Вот и удостоились лицезреть. Дорога и, куда ни хватит глаз человеческий, все **мешки да мешки!**» [Булгаков, 1989, с. 430].

«*Крапилин*. ...Но мимо тебя не проскочишь, нет. Сейчас ты человека – **цап! В мешок!**...» [Булгаков, 1989, с. 431].

Мешки в контексте «Бега» являются ловушкой, и, как следствие, символизируют гроб или могилу, а самому Хлудову отведена роль не спасителя, а вешателя. Данный сюжет раскрывает глубину трагедии образа Хлудова, который, будучи генералом, обязан защищать, в этом заключается его предназначение как военного, но он вынужден совершать поступки, продиктованные ему функцией «вешателя», «палача». Причем, он сам в разговоре с Главнокомандующим замечает, что другого человека, способного справиться с данной ролью, нет: «Кто бы вешал, вешал бы кто?» [Булгаков, 1989, с. 429].

Сравнение хлудовской белизны, а также наличие «крыльев», позволяют также провести параллель между ним и ангелом смерти, известным в различных мифологиях аллегорическим образом в виде скелета с косой. Смерть как мифологический персонаж закрепились в фольклоре и литературе в виде женского образа [Еремина, 1991, с. 132]. Между тем, в образе генерала Хлудова также присутствуют «женские» черты, в ремарке указано: подпоясан «по-бабьи». И здесь же говорится о том, что белый генерал «Курнос как Павел» [Булгаков, 1989, с. 423], а курносая – устоявшийся эвфемизм смерти [Кабачкова 2004]. Очевидно, он принад-

лежит к такому типу булгаковских персонажей, которых Е. А. Иваньшина относит к тем, кто выполняет пограничную функцию, может общаться с мертвыми, образует комплекс жрецов или комплекс Бабы Яги [Иваньшина, 2017]. Это подтверждается и сумасшествием героя, то есть пребыванием между реальным и ирреальным.

В анализируемой ремарке Хлудов тоже находится как бы на границе: между новым и старым, кроме того, он отделен от всего штаба перегородкой. И его личное пространство коррелирует с местоположением иконы, перед которой горит разноцветная лампадка. Живой огонь, как известно, – важная в булгаковском художественном мире символическая деталь [Чудакова, 1988].

Так, пространство белогвардейской ставки, маркированное наличием иконы, представляется спасительным. И Хлудов, несмотря на все детали, свидетельствующие о его болезни, в соответствующий сюжетный момент предстает персонафицированной надеждой на спасение: «...страх и надежду можно разобрать в этих глазах (*итабных офицеров*. – О. К.), когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса. Там <...> сидит Роман Валерьянович Хлудов» [Булгаков, 1989, с. 423]. Что поддерживается и семантикой отчества героя – Валерьянович – то есть «успокаивающий», «приводящий в равновесие».

В лихолетье Россия теряет и земное, и небесное заступничество. Вопреки всем ожиданиям, чуда победы белогвардейцев над красноармейцами не случается. В чем Хлудов обвиняет Бога и лично Георгия Победоносца («...Видно, бог от нас отступился. Георгий-то Победоносец смеется» [Булгаков, 1989, с. 429]), а генерал Чарнота – Хлудова («Российская бывшая империя мерещится, которую ты проиграл на Перекопе» [Булгаков, 1989, с. 469]).

Заключение

Таким образом, в «Беге» М. А. Булгаков проводит и явные, и имплицитные параллели между Георгием Победоносцем, змеборцем, покровителем воинов и белогвардейским генералом Романом Хлудовым. Последний оказывается зеркальным отражением святого воина, надев маску, он играет разные роли: заступника, генерала, вешателя. После их исполнения временное состояние хлудовского генеральства меняется.

Таким образом можно сделать вывод, что присутствие иконы с изображением Георгия Победоносца в художественном мире пьесы «Бег» является неслучайным: изображенный сюжет оказывается параллельным ее основным событиям, дополняя их семантическими коннотациями и усиливая их масштабность и катастрофичность.

Библиографический список

1. Александрова М. В. Христианские мотивы в фантастической повести М. А. Булгакова «Дьяволиада» // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 533–537.
2. Белобровцева И. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий / И. Белобровцева, С. Кульюс. Москва : Книжный клуб «36.6», 2007. 496 с.
3. Булгаков М. А. Собрание сочинений : В 5-ти т. Т. 1. Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах. Москва : Художественная литература, 1989. 623 с.
4. Булгаков М. А. Собрание сочинений : В 5-ти т. Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма. Москва : Художественная литература, 1990. 703 с.
5. Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. Театральное наследие. Ленинград : Искусство, 1989. 591 с.
6. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. Москва : Наука ; Восточная литература, 1994. 304 с.
7. Дашевская О. А. Библиейское начало в драматургии М. Булгакова («Бег», «Адам и Ева») // Творчество М. Булгакова : сб. ст. Томск : Изд-во Томского университета, 1991. С. 115–130.
8. Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Ленинград : Наука, 1991. 207 с.
9. Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. Москва : Текст, 2003. 189 с.
10. Иваницкий А. И. Гоголь. Морфология земли и власти. Москва : Изд-во РГГУ, 2000. 188 с.
11. Иваньшина Е. А. Метаморфозы культурной памяти в творчестве Михаила Булгакова : монография. Воронеж : Научная книга, 2010. 428 с.
12. Иваньшина Е. А. О комплексе Бабы Яги в сюжете М. А. Булгакова // Славянский мир: духовные традиции и словесность : сб. материалов Международной научно-методической конференции. Тамбов : Изд-во ТГУ, Вып. 8. 2017. С. 191–199.
13. Кабакова Г. И. Нос // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3. Москва : Международные отношения, 2004. С. 435–436.
14. Казьмина О. А. «Я болен, только не знаю, чем» (образ Хлудова в пьесе М. А. Булгакова «Бег») // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. №97. С. 201–205.
15. Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века. Томск, 2001. 163 с.
16. Кораблев А. Время и вечность в пьесах Булгакова // М. А. Булгаков драматург и художественная культура его времени : сб. ст. Москва : Союз театр. деятелей РСФСР, 1988. С. 39–56.
17. Лепяхин В. В. Иконное и иконичное. По роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // Икона в русской художественной литературе. Икона и иконопочитание, иконопись и иконописцы. Москва : Отчий дом, 2002. С. 682–695.
18. Пропп В. Я. Змееборство Георгия в свете фольклора // Фольклор и этнография русского севера. Ленинград : Наука, 1973. С. 190–208.
19. Урюпин И. С. Религиозно-философский контекст московского текста М. А. Булгакова: образ храма Христа Спасителя в творчестве писателя // Москва и

«московский текст» в русской литературе. Москва в судьбе и творчестве русских писателей : сборник научных статей. Москва : МГПУ, 2012. С. 92–105.

20. Чудакова М. О. Некоторые проблемы источниковедения и рецепции пьес Булгакова о гражданской войне // М. А. Булгаков: драматург и художественная культура его времени. Москва : СТД РСФСР, 1988. С. 57–95.

21. Химич В. В. «Странный реализм» М. Булгакова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. 232 с.

22. Яблоков Е. А. Мотивы прозы Михаила Булгакова. Москва : Изд-во РГГУ, 1997. 199 с.

23. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 424 с.

24. Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. Москва : Текст, 2007. 413 с.

Reference list

1. Aleksandrova M. V. Hristianskie motivy v fantasticheskoj povesti M. A. Bulgakova «D'javoliada» = Christian motifs in M.A. Bulgakov's fantasy story “Diaboliad” // Problemy istoricheskoj pojetiki. 2008. № 8. S. 533–537.

2. Belobrovceva I. Roman M. Bulgakova «Master i Margarita». Kommentarij = M. Bulgakov's novel “The Master and Margarita”. Commentary / I. Belobrovceva, S. Kul'jus. Moskva : Knizhnyj klub «36.6», 2007. 496 s.

3. Bulgakov M. A. Sobranie sochinenij: V 5-ti t. T. 1. Zapiski junogo vracha; Belaja gvardija; Rasskazy; Zapiski na manzhetah = Collected works: In 5 vols. V. 1. A Young Doctor's Notebook; The White Guard; Stories; Notes on the Cuffs. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1989. 623 s.

4. Bulgakov M. A. Sobranie sochinenij: V 5-ti t. T. 5. Master i Margarita. Pis'ma = Collected works: In 5 vols. V. 5. The Master and Margarita. Letters. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. 703 s.

5. Bulgakov M. A. P'esy 1920-h godov. Teatral'noe nasledie = Plays of the 1920s. Theatrical legacy. Leningrad : Iskusstvo, 1989. 591 s.

6. Gasparov B. M. Literaturnye leitmotivy: Oчерki russkoj literatury XX vek = Literary leitmotifs: Essays on XX century Russian literature. Moskva : Nauka ; Vostochnaja literatura, 1994. 304 s.

7. Dashevskaja O. A. Biblejskoe nachalo v dramaturgii M. Bulgakova («Beg», «Adam i Eva») = Biblical roots in M. Bulgakov's drama (“Flight”, “Adam and Eve”) // Tvorchestvo M. Bulgakova : sb. st. Tomsk : Izd-vo Tomskogo universiteta, 1991. S. 115–130.

8. Eremina V. I. Ritual i fol'klor = Ritual and folklore. Leningrad : Nauka, 1991. 207 s.

9. Zerkalov A. Evangelie Mihaila Bulgakova = The Gospel of Mikhail Bulgakov. Moskva : Tekst, 2003. 189 s. .

10. Ivanickij A. I. Gogol'. Morfologija zemli i vlasti = Gogol. Morphology of land and power. Moskva : Izd-vo RGGU, 2000. 188 s.

11. Ivan'shina E. A. Metamorfozy kul'turnoj pamjati v tvorchestve Mihaila Bulgakova = Metamorphosis of cultural memory in Mikhail Bulgakov's work : monografija. Voronezh : Nauchnaja kniga, 2010. 428 s.

12. Ivan'shina E. A. O komplekse Baby Jagi v sjuzhete M. A. Bulgakova = About Baba Yaga complex in M. A. Bulgakov's plot // Slavjanskij mir: duhovnye tradicii i slovesnost' : sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Tambov : Izd-vo TGU, Vyp. 8. 2017. S. 191–199.
13. Kabakova G. I. Nos = The Nose // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheski slovar': v 5 t. T. 3. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 2004. S. 435–436.
14. Kaz'mina O. A. «Ja bolen, tol'ko ne znaju, chem» (obraz Hludova v p'ese M. A. Bulgakova «Beg») = “I'm sick, only I do not know what with” (the image of Khludov in M. Bulgakov's play “Flight”) // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 2009. №97. S. 201–205.
15. Kolesnikova Zh. R. Roman M. A. Bulgakova «Master i Margarita» i russkaja religioznaja filosofija nachala XX veka = M. A. Bulgakov's novel “The Master and Margarita” and the Russian religious philosophy of the early XX century. Tomsk, 2001. 163 s
16. Korablev A. Vremja i vechnost' v p'esah Bulgakova = Time and eternity in Bulgakov's plays // M. A. Bulgakov dramaturg i hudozhestvennaja kul'tura ego vremeni : sb. st. Moskva : Sojuz teatr. dejatelej RSFSR, 1988. S. 39–56.
17. Lepahin V. V. Ikonnoe i ikonichnoe. Po romanu Mihaila Bulgakova «Master i Margarita» = Iconic and iconicity. Based on Mikhail Bulgakov's novel “The Master and Margarita” // Ikona v russkoj hudozhestvennoj literature. Ikona i ikonopochitanie, ikonopis' i ikonopiscy. Moskva : Otchij dom, 2002. S. 682–695.
18. Propp V. Ja. Zmeeborstvo Georgija v svete fol'klora = George's dragon-slaying in folklore // Fol'klor i jetnografija russkogo severa. Leningrad : Nauka, 1973. S. 190–208.
19. Urjupin I. S. Religiozno-filosofskij kontekst moskovskogo teksta M. A. Bulgakova: obraz hrama Hrista Spasitelja v tvorchestve pisatelja = Religious and philosophical context of M.A. Bulgakov's Moscow text: the image of Christ the Savior Cathedral in the writer's work // Moskva i «moskovskij tekst» v russkoj literature. Moskva v sud'be i tvorchestve russkikh pisatelej : sbornik nauchnyh statej. Moskva : MGPU, 2012. S. 92–105.
20. Chudakova M. O. Nekotorye problemy istochnikovedenija i recepcii p'es Bulgakova o grazhdanskoj vojne = Some problems of source studies and reception of Bulgakov's plays about the Civil War // M. A. Bulgakov: dramaturg i hudozhestvennaja kul'tura ego vremeni. Moskva : CTD RSFSR, 1988. S. 57–95.
21. Himich V. V. «Strannyj realizm» M. Bulgakova = M. Bulgakov's strange realism. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1995. 232 s.
22. Jablov E. A. Motivy prozy Mihaila Bulgakova = Motives of Mikhail Bulgakov's prose. Moskva : RGGU, 1997. 199 s.
23. Jablov E. A. Hudozhestvennyj mir Mihaila Bulgakova = The literary world of Mikhail Bulgakov. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 424 s.
24. Janovskaja L. Zapiski o Mihaile Bulgakove. = Notes on Mikhail Bulgakov. Moskva : Tekst, 2007. 413 s.

Статья поступила в редакцию 06.07.2022; одобрена после рецензирования 03.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 06.07.2022; approved after reviewing 03.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 82-141
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-81-94
EDN DTPZYH

Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц

Леонид Викторович Дубаков^{1✉}, Го Вэньцин²

¹Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай.

²Аспирантка филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай

¹dubakov_leonid@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²Lesliegreycn@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-6206-6118>

Аннотация. В статье анализируется один из ключевых, сквозных образов поэзии Е. А. Шварц – образ лисы-оборотня. Впервые она обратилась к нему в середине 80-х годов, а последнее стихотворение, где появляется этот персонаж, датируется началом нулевых. Лиса-оборотень у Шварц – многосоставный образ, в котором присутствуют черты разных культур – русской, западной, но, прежде всего, – китайской, где она именуется хули-цин. Генезис героини цикла «Стихотворения Арно Царта» восходит, в частности, к лисицам Пу Сунлина. Как и китайские хули-цин, героиня Шварц сочетает в себе противоположности, она образованна и умна, существует за счет жизненной энергии людей, но способна любить и дружить, путешествует по миру и выбирает для обитания глухие места. Лиса-оборотень Елены Шварц проецирует свою инверсивную способность на других персонажей стихотворений и на окружающую их реальность, в результате чего те также приобретают возможность трансформации. Поэтесса не только помещает лису-оборотня в иной культурный и географический контекст, но и вкладывает в ее образ новые смыслы. Лиса-оборотень оказывается у Шварц символом поэта и музы одновременно: она пишет стихи в цикле «Сочинения Арно Царта» и она же именуется музой в эпитафии к поэме «Грубыми средствами не достичь блаженства». Кроме того, между автором и хули-цин обозначаются любовно-супружеские отношения. В лисе-оборотне Елены Шварц также можно разглядеть автобиографические черты. Шварцевская хули-цин оказывается у поэтессы духовным странником, через мудрость, страдания, потери и смерть обретающим небесный мир.

© Дубаков Л. В., Го Вэньцин, 2022

Ключевые слова: лиса-оборотень; хули-цзин; культурный образ; сквозной образ; Елена Шварц; оборотничество; инверсивность; трансформация

Для цитирования: Дубаков Л. В., Го Вэньцзин Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 81-94. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-81-94>. <https://elibrary.ru/dtpzyh>.

Original article

Cultural image of the were-fox in Elena Shvarts' poetry

Leonid V. Dubakov¹✉, Guo Wenjing²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the Department of philology, MSU-PPI University in Shenzhen, Shenzhen, China.

²Postgraduate student at the Department of philology, MSU-PPI University in Shenzhen, Shenzhen, China

¹dubakov_leonid@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²Lesliegreycn@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0001-6206-6118>

Abstract. The article analyzes one of the key, recurring images in the poetry of E.A. Shvarts – the image of the were-fox. She first turned to it in the mid-1980s, and the last poem with this character appears in the early 2000s. Shvarts' were-fox is a complex image that contains features of different cultures – Russian, Western, and above all Chinese, where it is called huli-jing. The genesis of the heroine in the cycle “Arno Tsart's Works” goes back to Pu Sunlin's foxes in particular. Like the Chinese huli-jing, Shvarts' heroine combines the opposites: she is educated and intelligent, living off people's energy, but capable of love and friendship; she travels the world and chooses to live in remote places. Elena Shvarts' were-fox projects its inverting ability onto the other characters of the poems and the surrounding reality, as a result of which they also acquire the ability to transform. The poetess not only places the were-fox in a different cultural and geographical context, but also applies new meanings to its image. In Shvarts' poems, the were-fox is a symbol of both the poet and the muse: she writes poetry in the cycle “Arno Tsart's Works” and is also referred to as the muse in the epigraph to the poem “Brutal means cannot achieve bliss”. In addition, there is a romantic and marital relationship between the author and the huli-jing. One can also recognize autobiographical traits in the were-fox of Elena Shvarts. Shvarts' huli-jing turns out to be a spiritual wanderer who finds the heavenly world through wisdom, suffering, loss and death.

Key words: were-fox; huli-jing; cultural image; recurring image; Elena Shvarts; shape-shifting; inversion; transformation

For citation: Dubakov L. V., Guo Wenzing Cultural image of the were-fox in Elena Shvarts' poetry. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):81-94. (In Russ). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-81-94>. <https://elibrary.ru/dtpzyh>.

Введение

Образ китайской лисы-оборотня в творчестве Елены Шварц – это сквозной образ. Он встречается в нескольких стихотворениях, написанных в разные годы. Поэтесса обращается к хули-цзин (лиса-оборотень по-китайски) в стихотворениях, которые были созданы еще в середине 80-х годов прошлого века, и завершает ее историю в середине 2000-х годов. Характер ее лисы, как представляется, не подвергается принципиальным изменениям, но при этом шварцевская хули-цзин постепенно вмещает в себя все больше смыслов, теснее сближается с автором и становится трагическим персонажем.

Китайская традиция в образе шварцевской лисы-оборотня и варианты ее трансформации

Образ Ляо-шу-фэнь, героини стихотворных циклов «Повесть о Лисе», «Стихи Лисы» и «Второе путешествие Лисы на Северо-Запад», составляющих большой цикл «Стихотворения Арно Царта» (1984), создается на перекрестье различных культур – русской, западной и китайской. В образе Ляо-шу-фэнь видно влияние русского фольклора, средневековой европейской культуры и культуры немецкого романтизма. О многочисленных отсылках шварцевской Лисы к

зарубежной и русской литературе в статье «Хьюмби-поэт, или Цветные ангелы Елены Шварц» пишет Е. О. Айзенштейн [Айзенштейн, 2015].

Однако важнейшей частью ее образа становятся прямые отсылки именно к культуре китайской: «В этой книге литературный Китай актуализирован с помощью анималистического образа лисы, являющегося «маркером» восточной культуры» [Воронцова, 2013, с. 10]. В «Повести о Лисе» Ляо-шу-фэнь – лиса-оборотень, хули-цзин, скрывающаяся под обликом петербургской дворничихи. Она прячет свои зооморфные черты, но они открываются в момент венчания: «У невесты ушки и хвост! – / Правда! Торчком встали ушки, / Вся она вдруг покраснела, / Легкою шерстью покрылась, / Стала лесною лисицей, / Зубы ощерив, рыча» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. В этом эпизоде Ляо-шу-фэнь как оборотень оказывается в состоянии полуинверсии. Однако глагол «покраснела» может быть прочитан как следствие стыда, «уши торчком» – как форма ушей, «хвост» – как вариант женской прически. Иными словами, Елена Шварц создает мерцающий образ, дающий возможность двойного понимания Ляо-шу-фэнь. То же – в финале

«Повести о Лисе», где героиня «Вдруг махнула хвостом / И бурым комочком / Петлять принялась / В переулках» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. «Хвост» здесь может быть прочитан как шуточный атрибут кокетливой женщины или вертихвостки. Вместе с тем Елена Шварц оставляет для читателя и возможность прямого истолкования: лиса-оборотень покинула студента Арно Царта. То же – в стихотворении «Письмо от Лисы через 10 лет», где у героини «облысела шубка» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Эта «шубка» одновременно вызывает мысль о мехе болеющего животного, и прочитывается как уменьшительно-ласкательная форма для обозначения состарившейся женской зимней верхней одежды. В «Стихах Лисы» от героини может пахнуть «мокрой псиной» [Шварц, Сочинения Арно Царта], что то ли обозначает реакцию человеческого тела на стресс, то ли говорит о ее лисьей природе – через родство с собакой. Там же она «откинет шерсть / В неведомое» [Шварц, Сочинения Арно Царта], то ли снимая случайно приставшую к одежде шерстинку, то ли трансформируясь обратно в человека.

Во «Втором путешествии Лисы на Северо-Запад» лисьи признаки у Ляо-шу-фэнь проявляются более отчетливо. Для Циня Лиса – «золотая вечная подруга» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Эпитет «золотая» здесь может быть понят и как указание на близость их отноше-

ний, на то, насколько Циню дорога Ляо-шу-фэнь, и как буквальное обозначение цвета ее шерсти. Но там же Цинь указывает на возраст Лисы, которой при всем ее очаровании около шестисот лет, а сама Лиса просовывает под дверь «кончик хвоста красноватый» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Ранее сама Лиса сообщает, что ей трудно притворяться «юной девой» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. «Главный критерий сверхъестественных сил лисы – ее возраст. <...> Об этом прямо сказано в рассказе из сборника «Сюань чжун цзи» (玄中記 «Записки из мрака»): “<...> Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой”» [Алимов, 2008, с. 49]. Лиса способна продлить жизнь розе «из папского сада» [Шварц, Сочинения Арно Царта], которая в ее гербарии как будто не отцвела. Ляо-шу-фэнь, таким образом, может преодолевать не только пространственные границы, но и временные.

Цинь и Лиса гуляют по городу, и Лиса выглядит как «веселая бабенка / В ватнике и сапогах» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Они идут и «мурлычат» – глагол, говорящий о любовной беседе и при этом относящийся к звукам, которые издают животные. Одновременно его можно понять как звуковой образ китайской речи для русского уха. Здесь же присутствует и ирония, связанная с особенностью восприятия китайского языка. Милиционе-

ру кажется, что Цинь и Лиса пьяные и ругаются матом.

Во «Втором путешествии Лисы на Северо-Запад» присутствует двойная трансформация. Лиса, обернувшаяся «бабенкой», превращается в даму «с веером фламинговым» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Переход животного в человека или наоборот дополняется у Шварц социальным оборотничеством. Лиса притворяется дворничихой – так же, как аристократический Петербург притворился пролетарским Ленинградом. В. И. Шубинский в статье о поэзии Е. Шварц написал об этом следующее: «это город-людоед, город-демон, он расположен в “зоне шаманизма”, здесь есть свой ужас и надрыв, и он-то, переваренный в горниле изящной словесности, и порождает пресловутый “петербургский текст” <...> Но петербургский ужас и надрыв обязательно оборачиваются чем-то очень конкретным, бытовым и забавным» [Шубинский, 2001]. Ляо-шу-фэнь в этой главе говорит, что они с Цинем не люди. Но ее пояснение – об интеллектуальной несамостоятельности людей – можно истолковать, как указание на духовную особость ее и Циня, а не природную. Тем более что Цинь – человек (о чем забывает Ляо-шу-фэнь).

Другая двойная трансформация присутствует в «Повести о Лисе», где героиня взмахивала «жесткою птичьей лапкой» [Шварц, 1996]. Шварц создает образ многосоставного оборотничества: Лиса имеет

не только лисьи черты, но и черты других животных. Здесь можно снова привести и глагол «мурлычат», и строки о набухании души Лисы подобному набуханию рогов «молодого оленя» [Шварц, Сочинения Арно Царта].

В образе шварцевской Лисы также могут присутствовать черты других элементов реальности – через сравнения. Например, в шестой главе «Повести о Лисе» оказывается, что «волосы у ней – паутина» [Шварц, Сочинения Арно Царта], а сама она сравнивается с розой. Ляо-шу-фэнь сбегает от Арно Царта «палым красным листом» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Например, в новелле «Фея лотоса» в качестве одного из источников шварцевского образа лисы-оборотня Пу Сунлина хули-цзин превращается сначала в камень, а затем в креповую накидку, от которой слышен запах духов [Пу Сунлин, 1988].

Оборотничеством пронизана и окружающая реальность. Во время прогулки Лисы и Циня «луна висит когтем» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Когда Арно Царт и Лиса гуляют, они проходят «мимо церкви <...>, кирки или костела» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Эти строки можно прочесть и как указание на последовательность строений и как на неопределенность строения, меняющего свой вид и религиозную принадлежность.

Оборотнический образ Лисы проецируется также на студента Арно Царта, alter ego поэта. У Цар-

та «острый нос, да шарф, / Красный, как лисий хвост» [Шварц, 1996]. Одежда Царта, по наблюдениям Лисы, часть не только его облика, но как будто и тела: «Всякая твоя рубаха / По ночам дрожит от страха – / Вдруг не наденешь. / Шарф так и льнет к шее. / Ботинки хотели б прирасти к пяткам»; «Куртка / Сама нарастила на себе заплату» [Шварц, 1996]. В этой связи особенно важен глагол «прирасти»: одежда как шерсть, растущая на теле и меняющая человеческий облик. А ее олицетворение косвенно актуализирует магический мотив перверсии. При этом сам Царт сравнивает себя с растением, и его развернутая метафора и замечание о том, что он из дворян, также вводит мотив социального оборотничества. У Циня халат украшен драконьими глазами и тиграми, «а те носами водят, китайский чужа домик» [Шварц, 1996]. Одежда оживает, оборачиваясь живыми существами. Соседка по коммунальной квартире Циня после его приказа «уползла» [Шварц, 1996] (вариант – подобно змее).

Имя Арно Царта, согласно предположениям Е. О. Айзенштейн, отсылает к Арно Хольцу, и к Арво Пярту, и к Моцарту. В «Стихах Лисы» автор так осмысляет образ лисы-оборотня: она «в шкуре человечества глухой» [Шварц, 1996] является волоском жизни и творчества, той, кто вносит в мир любовь. Арно Царт и Лиса совпадают в своей необычности и пусть по-разному

проявляющейся, но созидательной силе. Метафора здесь укрупняет и углубляет взгляд на лису-оборотня: Лиса выступает в качестве творца, она не особь, но особенная, как поэт по-особенному существует в мире обычных людей. Таким образом, автобиографический мотив, соответственно, вовлекает в широкий оборотнический образ также и автора цикла стихотворений о Лисе. Стихотворения Арно Царта, согласно определению Лисы, тоже обладают оборотнической природой: одно из них похоже на карлика в синем балахоне, другое – на бабочку «с прекрасной и рыжекудрой головкой» [Шварц, 1996], третье – на сросшихся пятернашек.

Поэт Кри-ву-лин (В. Б. Кривулин) в цикле иронически выведен как подражатель Арно Царта, и таким образом оказывается еще одним «оборотнем» этих стихотворений. Интересно, что Виктор Кривулин («– Уж не китаец ли?») [Шварц, 1996] в стихотворении «Град аптечный» так же, как и Е. Шварц, видел Ленинград городом, в котором человек «нереальной Китая», нарисован «иглокожей китайщиной» [Кривулин].

Ляо-шу-фэнь соблазняет Арно Царта и Циня. Она – кокетка, как бы невольно обращающая внимание мужчин на привлекательные стороны своего облика. В кинотеатре она сделала так, что самым интересным зрелищем оказалась она сама: «Как скучно, – она сказала, – / Бывает поинтересней». – /

Она из чулка достала / Серебряное зеркальце / И, тихо смеясь, показала» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Чулки здесь актуализируют мотив сексуальности Лисы. Равно как и «крохотная туфелька» [Шварц, Сочинения Арно Царта], которую она скидывает после обучения Арно Царта китайской мудрости. У Пу Сунлина в новелле «Чародейка Ляньсян» лиса дарит студенту башмачок в виде крючка, с помощью которого он может ее призывать и на который она его посадила [Пу Сунлин, 1988, с. 35]. Прилетев в гости к Циню, Лиса под дверью водит «игриво» [Шварц, Сочинения Арно Царта] хвостом. Подарок для Циня она достает из-под юбки.

В стихотворении «Второе путешествие Лисы на Северо-Запад», говоря об Арно Царте, Лиса упоминает созвездие Лебедь: «– Ты б его хоть навестила? / Это близко. – Да зачем же? / И зачем ему Лисица / С родинками на запястье / В виде Лебеда созвездья?» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. (Созвездие Лебедь, или Северный Крест, находится недалеко от созвездия Лисичка.) С созвездием Лебедь связан древнегреческий миф о Зевсе и Леде. Леда – дочь царя Этолии, известная красавица. Ее увидел Зевс и начал обдумывать способ, как ему овладеть Ледой так, чтобы об этом не узнала его супруга Гера. Он превратился в белоснежного лебедя и спустился с высот Олимпа в Спарту, к Леде. Другими словами, это созвездие связано с мотивом со-

блазна. Позже, в «Стихах Лисы», снова появится отсылка к античной мифологии с эротическим подтекстом. Лиса перефразирует оду «Бог» Г. Р. Державина: «Я хочу червя любить, / И чтоб он ко мне стремился, / Чтоб Творец меня любил, / В ум златым дождем пролился» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. В данном случае речь идет не только о двух состояниях человека – начальном и предельном, но и о восприятии Лисой людей: «...вы – люди – холодные черви / И не знаете любви вечной...» [Шварц, Сочинения Арно Царта].

Лиса-оборотень в китайской культуре забирает у человека силы, это ее способ насыщения: «в процессе сексуальных сношений она получает от мужчины его жизненную энергию, что необходимо ей для совершенствования волшебных возможностей» [Алимов, 2006, с. 245]. Лиса у Елены Шварц очаровывает человека, обманывает его: «Нам положено, лисицам, человека погубить, / А самим нам – все до фени. / За нос я его водила / И взяла немного силы / Для бессмертия лепешек» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Любовь Лисы оборачивается вредом для тартусского студента: «Жизненная сила истончилась, / Высох от нее, зачах» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Елена Шварц развивает мотив о поглощении лисой-оборотнем жизненной силы человека. В цикле стихотворений о Лисе это поглощение оказывается трудным процессом, ведь «когда

Лиса полюбит человека – / То как загнанная дышит и страдает, / Запечется рот, в подглазьях тени, / И душа набухает, душа набухает, / Как рога молодого оленя» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. В любви Лиса мучительно обретает другую душу, отдавая свои знания и получая новый опыт.

В «Повести о Лисе» есть такие строки: «Все же ты нашла меня, Лиса. / В захолустьи – / Лисы любят захолустья» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Лисы-оборотни в китайской культуре часто обитают в заброшенных домах или в могилах, в пещерах, в лесах, то есть в темных, inferнальных местах. Например, в новеллах Пу Сунлина «Красавица Цинфэн» и «Лиса выдает дочь замуж» лисы-оборотни заняли опустевшие особняки [Пу Сунлин, 1988]. Студент и поэт Арно Царт называет захолустьем Прибалтику, Эстонию. Он живет в Таллинне (по-старому – в Ревеле) и смотрит на Финский залив. Эстония в его восприятии – окраина Советского Союза. В Вышгороде (часть Таллинна) он и Лиса гуляют в «безлюдных сумерках» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. И одновременно Арно Царт, сам ранее предложив характеристику «захолустье», спорит с Ляо-шу-фэнь, говоря, что он «вырос не мещанском захолустье, / А на стене трехзубого обрыва / Европы в небо, в нети, в чернозем» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Здесь Елена Шварц переосмысливает понятие «захолустье»,

из пространственного измерения перенося его в духовное – мещанство. По выражению Арно Царта, лисы хотят вывести человека, «похожего на карликовый сад» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Интересен при этом вектор «обрыва» – то ли в сторону Балтийского моря, то ли в сторону РСФСР. Лиса сбегает от возлюбленного по улице Вене, петляя переулками, в финале «Повести о Лисе» вновь актуализируя мотив небольшого, сжатого пространства.

В «Письме от Лисы через десять лет» Лиса поневоле, но все же оказывается в провинциальном зоопарке. И, вероятно, в клетке. Она чувствует себя как будто в могиле: «Моя вся облысела шубка, / Глаза тускнеют, тупятся когти» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Ляо-шу-Фэнь, теряя свободу, страдает от старости и предчувствует приход смерти. Образ зоопарка, или клетки, символизирует утрату Лисой энергии, которая происходит под влиянием внешнего человеческого мира. Также зоопарк – место для животных в буквальном смысле.

В «Стихах Лисы» Ляо-шу-фэнь говорит: «Мы полетим с тобой / Меж звезд / В метафизический курятник, Мы полетим с тобой / В далекий огород...» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Когда Лиса влюбилась, она мечтает улететь на небо, «меж звезд», в бесконечное пространство, в иронический «метафизический курятник» («Где множество наук / Сидят, скучая на насесте. / Ждут нас, мой друг») и в

«далекий огород – / Где всякая любовь свободно, / Прополота, растет» [Шварц, 1996]. Пространство стихотворений о Лисе у Елены Шварц выходит здесь за пределы земных координат. И одновременно образы этого внеземного пространства зримо ограничены: курятник, огород. Вновь лиса-оборотень стремится к сжатому пространству. То же – в случае с коммунальной квартирой, в которой ее встречает Цинь.

В начале «Второго путешествия Лисы на Северо-Запад» Цинь пишет Ляо-шу-фэнь, что он живет в Санкт-Петербурге на Дзержинского, 17. В письме он говорит о Ленинграде, мифологизируя его: «(Городок такой гиперборейский)» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Но обыденная и бытовая сторона города, пространство коммунальной квартиры по-настоящему преобразуется лишь при появлении Лисы: «Где старец-матерщинник? Где бабенка? / Прекрасный юноша в халате, / Украшенном драконьими глазами / И тиграми» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. В Ленинграде с ее появлением «китайщиной запахло» [Шварц, Сочинения Арно Царта]: на берегу Невы десятилетия стоят живые ши-цза, воспетые Георгием Ивановым, а тигры чуют китайский домик Петра I. Елена Шварц ведет диалог с поэтической традицией, как бы одомашнивая ши-цза, которым просто холодно и одиноко в Петербурге, в противовес ивановскому взгляду о религиозно-

культурном противостоянии китайских львов русской реальности.

Пространство, в котором существует лиса-оборотень у Елены Шварц, это также пространство зазеркальное. Дважды Лиса магическим образом создает лодку, на которой плывет с Арно Цартом и Цинем по иномирию: «Вырезала из бумаги лодку. / Далеко уплыли / По рисовым полям зеркальным»; «Лиса из туфли достала / Бумажный кораблик, / Плюнула – получилась лодка / Деревянная, сели они, поплыли / По стеклянным залам белой ночи» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Во втором случае поэту уже не потребовался образ китайских рисовых полей: в Ленинграде, в отличие от Прибалтики, достаточно своей «китайщины».

Ляо-шу-фэнь в финале последней главы – «лысеющая лиска», ее «одежда вся оплыла» [Шварц, Сочинения Арно Царта], когда Цинь задерживает ее после кражи эликсира бессмертия и грозит отрезать ей хвост. «Мерцание» образа Лисы в цикле стихотворений о ней у Елены Шварц практически полностью исчезает в конце. Герои окончательно разоблачаются перед читателем: Лиса оказывается лисой-оборотнем, а Цинь – старым китайцем, магом, алхимиком. Поэт выстраивает сюжет цикла стихотворений от неопределенности и шутки к однозначной серьезности и трагичности финала: Цинь мертв, и Лиса, сама того не желая, оказалась причиной его гибели. Лиса-кокетка

превращается в Лису на службе у Единорога, опасаящегося того, что эликсир бессмертия перестанет быть тайной.

Ляо-шу-фэнь – не просто лиса-оборотень, она лисица-праведница, которая долго живет и стремится «приблизиться к миру горнему <...>, уйдя от суетных страстей мира людей» [Алимов, 2008, с. 50]. Она служит Цилюню – одному из четырех священных животных китайской мифологии. А. Б. Шмитт предполагает, что Единорог из поэмы «О том, кто рядом» есть Цилюнь и что задача человека, согласно этой поэме, – «трансформировать свое физическое тело в алмаз, пропускаясь сквозь себя свет духа» [Шмитт, 2019, с. 102]. Она – фрейлина великой феи. И. А. Алимов предлагает трипостасную классификацию лис: белая лисица, фея-лиса и лиса-оборотень. Если опираться на нее, Ляо-шу-фэнь – на пути к тому, чтобы стать девятихвостой лисицей [Алимов, 2008]. Арно Царту она говорит, что однажды вырастает «кровинкою в Поднебесной», как он «ветерком растает в поднебесьи» [Шварц, Сочинения Арно Царта]. Она пишет стихи о прорыве в трансцендентное.

Образ лисы-оборотня появляется и в ряде других стихотворений Е. Шварц. В разделе «Кинфия» сборника «Mundus imaginalis» в стихотворении «Только вчера я хотела...», по замечанию А. Д. Севастьяновой, «лирическая героиня надевает маску Кинфии, а та, в

свою очередь – лисы, в которую мечтает превратиться» [Севастьянова, 2020, с. 403]. Кинфия хочет «достать шафранной краски / Для волос – шафранной, с переливом. / Рыжей стать <...> лисицей» [Шварц, Кинфия]. Шафранный цвет в данном случае, с учетом мотива о переменчивости и человеческих желаний, заявленного в стихотворении, вызывает ассоциацию не только с лисой, но и с буддизмом, где этот цвет символизирует отречение от материальной жизни.

В стихотворении под названием «Стихи о Горе-Злосчастье и бесконечном счастье быть меченной Божьей рукой» Е. Шварц перечисляет образы своей лирической героини, говоря, что теперь она «сделалась головней, / говорящей / и танцующей на хвосте, / как змея» [Шварц, Стихи этого года]. Учитывая образ хвоста в финале, кажется, что лиса-оборотень снова сменила свой облик, оставив явную улику перемены.

А. В. Севастьянова предполагает, что в эпиграфе к поэме «Грубыми средствами не достичь блаженства» Е. Шварц «муза-лиса напоминает Ляо-шу-фэнь» [Севастьянова, 2020, с. 403]. Теперь лиса-оборотень, точнее, лис-оборотень, оказывается не одной из шварцевских масок, а тем, кто принимает мужской облик и в качестве музы приходит к поэту. Отношения между ней и музой (лисом-оборотнем) в сравнении Е. Шварц – супружеские. При этом частица «уж» в строке «Притерлись уж друг к дру-

гу, как супруги» [Шварц, 1993] может быть прочитана как существительное, и таким образом, снова обнаруживается мотив лисьей трансформации.

В стихотворении «Освобождение Лисы» из сборника «Трость скорописца», Елена Шварц создает образ лисы, потерявшей в капкане одну лапу, но все равно бегущей на небо: «Лиса бежит к сияющей вершине, / То падая, то вновь приподнимаясь», «Там на вершине ждет ее свобода, / Небесный Петербург» [Шварц, Трость скорописца]. Это стихотворение может быть прочитано как послесловие к «Сочинениям Арно Царта». Интеллигентский Ленинград середины 1980-х годов и его культурно-духовное небо, стилизованное под шинуазри, обращивается розамирским Небесным Петербургом, а ироническое противоборство Лисы и Циня сменяется натуралистическим описанием истекающего кровью и погибающего оборотня, который уже не контролирует свои формы: «То будто одноногий злой подросток, / То снова зверь больной» [Шварц, Трость скорописца]. Ритм стихотворения обусловлен страшным бегом лисы на трех лапах: дважды повторяются тройные анафоры, заданные союзом «то» и предлогом «по». Летние встречи Ляо-шу-фэнь и Циня в Летнем саду завершаются в «мертвой серебром мерцающей долине» под «ледяным небом» [Шварц, Трость скорописца]. И неслучайно

соседство в этой строке слов «мертвой» и «серебром»: как известно, серебро несет оборотням смерть. Лиса освобождается из капкана и от земного бытия.

Заключение

Один из сквозных образов творчества Е. Шварц – лиса-оборотень – совпадает с китайскими лисами внешним видом, инверсивным характером своей природы, противоречивостью душевного склада, жизненными целями, способом существования, местом обитания, движением сквозь время. Оборотничество героини шварцевских стихотворений проецируется на других персонажей и окружающую реальность, что также приобретает возможность изменения своего облика. При этом Елена Шварц помещает китайскую лису-оборотня в иной географический и культурный контекст и вкладывает в ее образ новые смыслы. Лиса-оборотень у нее, пребывая в пространстве «петербургско-ленинградского текста», становится одним из вариантов образа поэта, образа, в котором проявляются также автобиографические черты. Также лиса-оборотень – это образ ее вдохновения, любви и религиозного выбора. Для Елены Шварц оказывается особенно важен мотив духовного преображения лисы-оборотня. Ее лиса, пройдя через страдания и пережив утраты, умирая, уходит в небесный мир.

Библиографический список

1. Айзенштейн Е. О. Хьюмби-поэт, или Цветные ангелы Елены Шварц // Нева. №5. 2015. С. 183-209.
2. Александрова Е. А. Изучение традиционной этнической культуры через семиотический анализ сказочных персонажей (образ лисы в русской и китайской традициях) // Аналитика культурологии. 2011. № 1(19). С. 230-234.
3. Алексеев В. М. Предисловие переводчика // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. Москва : Худож. лит., 1988. 559 с.
4. Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. Санкт-Петербург : Наука, 2008. 284 с.
5. Алимов И. А. Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в западном Шу» Ли Сянь-Миня // Религиозный мир Китая 2005. Москва : РГГУ, 2006. С. 239-266. (Orientalia: Труды Института восточных культур и античности).
6. Воронцова К. В. Модели пространства в поэзии Елены Шварц. Волгоград, 2013. 24 с.
7. Гань Бао. Записки о поисках духов / пер., предисл., примечания, а также словарь-указатель Л. Н. Меньшикова. Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 576 с.
8. Гроот Ян Якоб Мария де. Демонология древнего Китая. Санкт-Петербург : Евразия, 2000. 346 с.
9. Кривулин В. Б. Воскресные облака // На середине мира: сайт. URL: <http://seredina-mira.narod.ru/krivulin1.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).
10. Логинова Т. А. Традиционное представление о лисице-оборотне в китайской культуре // Язык и культура (Новосибирск). 2016. №21. С. 31-36.
11. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном / в пер. В. М. Алексеева. Москва : Художественная литература, 1988. 558 с.
12. Севастьянова А. Д. Образ лисы в творчестве Елены Шварц // Язык и культура: взгляд молодых : материалы III Международной научной конференции студентов и школьников в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, Москва, 26–28 мая 2020 года. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. С. 402-405.
13. Ци Юнь Заметки из хижины «Великое в малом» / пер. с кит., предисловие, комментарий и приложения О. Л. Фишман. Москва : Наука, 1974. 586 с.
14. Шмитт А. Б. Функция концептов ВОСТОК и ЗАПАД в поэзии Ольги Седаковой и Елены Шварц // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 93-107.
15. Шварц Е. А. Грубыми средствами не достичь блаженства // Лоция ночи. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-6.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).
16. Шварц Е. А. Кинфия // Mundus Imaginalis. Книга ответвлений. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts1-1.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).
17. Шварц Е. А. Сочинения Арно Царта // Mundus Imaginalis. Книга ответвлений. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts1-3.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).
18. Шварц Е. А. Стихи этого года. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2004/8/stihi-etogo-goda.html>. (Дата обращения: 31.07.2022).

19. Шварц Е. А. Трость скорописца // Новая камера хранения: сайт. URL: http://www.newkamera.de/shwarz/escwarz_06.html. (Дата обращения: 31.07.2022).
20. Шубинский В. И. Садовник и сад. О поэзии Елены Шварц // Знамя. 2001. №11. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/11/sadovnik-i-sad.html> (дата обращения: 31.07.2022).
21. Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се или о чем не говорил Конфуций / пер., предисл., коммент., и прил. О. Фишман. Москва : Наука, 1977. 504 с.
22. Яковлев А. М. Лисица-оборотень // Религиозный мир Китая 2005. Москва : РГГУ, 2006. С. 268-271. (Orientalia: Труды Института восточных культур и античности).

Reference list

1. Ajzenshtejn E. O. H'jumbi-pojet, ili Cvetnye angely Eleny Shvarc = Hyumby the Poet, or the Colored Angels of Helena Shwarts // Neva. №5. 2015. S. 183-209.
2. Aleksandrova E. A. Izuchenie tradicionnoj jetnicheskoj kul'tury cherez semioticheskoj analiz skazocnyh personazhej (obraz lisy v ruskoj i kitajskoj tradicijah) = Studying traditional ethnic culture through semiotic analysis of fairy tale characters (the image of the fox in Russian and Chinese traditions) // Analitika kul'turologii. 2011. № 1(19). S. 230-234.
3. Alekseev V. M. Predislovie perevodchika = Translator's foreword // Pu Sunlin. Rasskazy Ljao Chzhaja o neobyčajnom. Moskva : Hudozh. lit., 1988. 559 s.
4. Alimov I. A. Besy, lisy, duhi v tekstah sunskogo Kitaja. = Demons, foxes, and spirits in Sun China texts. Sankt-Peterburg : Nauka, 2008. 284 s.
5. Alimov I. A. Kitajskij kul't lisy i «Udivitel'naja vstrecha v zapadnom Shu» Li Sjan'-Minja = The Chinese cult of the fox and the Amazing Encounter in Western Shu by Li Hsien-Min // Religioznyj mir Kitaja 2005. Moskva : RGGU, 2006. S. 239-266. (Orientalia: Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti).
6. Voroncova K. V. Modeli prostranstva v poezii Eleny Shvarc = Models of space in Elena Shvarts' poetry. Volgograd, 2013. 24 s.
7. Gan' Bao. Zapiski o poiskah duhov = Notes on the search for spirits / per., predisl., primechanija, a takzhe slovar'-ukazatel' L. N. Men'shikova. Sankt-Peterburg : Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1994. 576 с.
8. Groot Jan Jakob Marija de Demonologija drevnego Kitaja = Demonology of Ancient China. Sankt-Peterburg : Evrazija, 2000. 346 s.
9. Krivulin V. B. Voskresnye oblaka = Sunday clouds // Na seredine mira: sajt. URL: <http://seredina-mira.narod.ru/krivulin1.html>. (Дата obrashhenija: 31.07.2022).
10. Loginova T. A. Tradicionnoe predstavlenie o lisice-oborotne v kitajskoj kul'ture = The traditional concept of the were-fox in Chinese culture // Jazyk i kul'tura (Novosibirsk). 2016. №21. S. 31-36.
11. Pu Sunlin. Rasskazy Ljao Chzhaja o neobyčajnom = Tales of the extraordinary by Liao Zhai / v per. V. M. Alekseeva. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1988. 558 s.
12. Sevast'janova A. D. Obraz lisy v tvorcestve Eleny Shvarc = The image of the fox in Elena Shvarts' work // Jazyk i kul'tura: vzgljad molodyh : materialy III Mezhdunarodnogo simpoziuma. Moskva : RGGU, 2016. S. 10-14.

narodnoj nauchnoj konferencii studentov i shkol'nikov v ramkah Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalja slavjanskih jazykov i kul'tur, Moskva, 26–28 maja 2020 goda. Moskva : Gosudarstvennyj institut ruskogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2020. S. 402-405.

13. Czi Jun' Zametki iz hizhiny «Velikoe v malom» = Notes from the hut “Greatness in small things” / per. s kit., predislovie, kommentarij i prilozhenija O. L. Fishman. Moskva : Nauka, 1974. 586 s.

14. Shmitt A. B. Funkcija konceptov VOSTOK i ZAPAD v poezii Ol'gi Sedakovej i Eleny Shvarc = The function of the concepts EAST and WEST in Olga Sedakova and Elena Shvarts' poetry // Kritika i semiotika. 2019. № 1. S. 93-107.

15. Shvarc E. A. Grubymi sredstvami ne dostich' blazhenstva = Brutal means cannot achieve bliss // Locija nochi. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts5-6.html>. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

16. Shvarc E. A. Kinfija = Cynthia // Mundus Imaginalis. Kniga otvetvlenij. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts1-1.html>. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

17. Shvarc E. A. Sochinenija Arno Carta = Arno Tsart's works // Mundus Imaginalis. Kniga otvetvlenij. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/shvarts1-3.html>. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

18. Shvarc E. A. Stihi jetogo goda. = This year's poems. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2004/8/stihi-etogo-goda.html>. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

19. Shvarc E. A. Trost' skoropisca = The cursive writer's cane // Novaja kamera hranenija: sajt. URL: http://www.newkamera.de/shwarz/escwarz_06.html. (Data obrashhenija: 31.07.2022).

20. Shubinskij V. I. Sadovnik i sad. O poezii Eleny Shvarc = The gardener and the garden. On Elena Shvarts' poetry // Znamja. 2001. №11. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2001/11/sadovnik-i-sad.html> (data obrashhenija: 31.07.2022).

21. Juan' Mjej. Novye [zapisi] Ci Se ili o chem ne govoril Konfucij = New [notes] Qi Xie or what Confucius did not talk about / per., predisl., komment., i pril. O. Fishman. Moskva : Nauka, 1977. 504 s.

22. Jakovlev A. M. Lisica-oboroten' = Were-fox // Religioznyj mir Kitaja 2005. Moskva : RGGU, 2006. S. 268-271. (Orientalia: Trudy Instituta vostochnyh kul'tur i antichnosti).

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 01.07.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 81.25
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-95-105
EDN DSXVWS

Переводческая практика и обучение переводу на основе национальной переводческой компетенции

Гао Шаопин

Доктор филологических наук, доцент Шанхайского университета иностранных языков. КНР, Шанхай
1615@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5837-0229>

Аннотация. В статье рассматривается взгляд китайских специалистов в области переводоведения на проблему определения сущности понятия национальной переводческой компетенции. Национальная переводческая компетенция относится к важной части национальной языковой компетенции, и этот термин был предложен китайскими учеными как академическое понятие с китайской спецификой. В данной статье представляется переводческий проект, финансируемый Китайским национальным фондом общественных наук: перевод на русский язык академической монографии «История китайского переводоведения». В ключевых методологических трудах по переводоведению китайских ученых подчеркивается, что государство занимает главную позицию в теории и практике перевода, и национальные интересы являются целью перевода. Это комплексная переводческая компетенция включает в себя планирование перевода, управление переводом и эффективность перевода. Национальная переводческая компетенция в основном отражает всестороннюю и систематическую способность страны для представления и распространения национальных идей и культуры за рубежом. В данной статье анализируются вопросы о переводческом субъекте, переводческой деятельности, продвижения переводческой продукции с точки зрения национальной переводческой компетенции, а также рассматриваются такие проблемы в области прикладного переводоведения как подготовка талантов в области нераспространенных иностранных языков, повышение этического сознания и осознание миссии будущих переводчиков, внедрение стандартизированного и строгого механизма тестирования и оценки, а также подчеркивание культурной позиции переводчиков в

© Гао Шаопин, 2022

контексте проекта «Китайский академический перевод на иностранный язык» Национального фонда общественных наук.

Ключевые слова: национальная переводческая компетенция; китайская специфика; Проект академического перевода с китайского языка; История китайского переводоведения; обучение переводу; Пекинский университет иностранных языков; Центр исследования национальной переводческой компетенции

Данная статья является предварительным результатом Проекта академического перевода с китайского языка на русский язык под руководством Гао Шаопина «История китайского переводоведения» (номер проекта: 20WYYB001), финансируемого Национальным фондом общественных наук Китая

Для цитирования: Гао Шаопин Переводческая практика и обучение переводу на основе национальной переводческой компетенции // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 95-105. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-95-105>. <https://elibrary.ru/dsxvws>.

Original article

Translation practice and translation training based on national translation competence

Gao Shaoping

Doctor of philology, associate professor at Shanghai University of Foreign Languages. PRC, Shanghai

1615@shisu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-5837-0229>

Abstract. The article examines the views of Chinese experts in translation studies on the problem of defining the concept of national translation competence. National translation competence is an important part of national language competence, and the term has been proposed by Chinese scholars as an academic concept with Chinese specificity. This article presents a translation project funded by the Chinese National Social Science Foundation: the translation into Russian of the academic monograph “The History of Chinese translation studies”. The key methodological works on translation studies by Chinese scholars emphasize the central position of the state in translation theory and practice, and national interests are the goal of translation. This integrated translation competence includes translation planning, translation management, and translation efficiency. National translation competence basically reflects the country's comprehensive and systematic ability to present and spread national ideas and culture abroad. This article analyzes the issues of the translation subject, translation activities, promotion of translation products in terms of

national translation competence, and also deals with such problems in applied translation studies as training talented translators in rare foreign languages, raising ethical consciousness and awareness of the future translators' mission, introducing a standardized and rigorous testing and evaluation mechanism, as well as highlighting translators' cultural attitudes in the context of the project "Chinese Academic Translation into a Foreign Language" of the National Social Sciences Foundation.

Key words: national translation competence; Chinese specificity; Chinese academic translation project; History of Chinese translation studies; translation training; Beijing University of Foreign Languages; National Translation Competence Research Center.

This article is a preliminary result of the Chinese-Russian academic translation project supervised by Gao Shaoping "The History of Chinese translation studies" (project number: 20WYYB001), funded by the Chinese National Social Sciences Foundation

For citation: Gao Shaoping Translation practice and translation training based on national translation competence. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):95-105. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-95-105>. <https://elibrary.ru/dsxvws>.

Введение

В поздний период династии Цин и начальный период Китайской Республики китайские ученые осознали значение перевода для возрождения страны, и они усердно стали переводить на китайский язык европейские книги по логике, математике, астрономии и военной технике, которые оказали глубокое и обширное влияние на китайское общество, политику, экономику и культуру. Сегодня, на фоне великого возрождения китайской нации и беспрецедентных перемен, не наблюдавшихся в течение 100 лет, цель и задача перевода состоят в том, чтобы рассказать о китайской истории, помочь миру понять Ки-

тай, содействовать интеграции цивилизаций разных стран.

В 1993 году американские ученые Р. Брехт и А. Уолтон впервые ввели понятие «национальной языковой компетенции», определив ее как «способность нации реагировать на конкретные языковые потребности по любой причине» [文秋芳, 2011, с. 24; Brecht, 1994, с. 191]. «Китайские ученые утверждают, что национальная языковая компетенция является национальной иноязычной компетенцией» [任文、李娟娟, 2021, с. 5]. Однако некоторые ученые отмечают, что «китайский язык и культура все еще находятся в слабом положении, а переводы с китайского на англий-

ский все еще на периферии». [张佩瑶, 2012, с. 52].

В мае 2021 года Пекинский университет иностранных языков (BFSU) создал Центр исследования национальной переводческой компетенции (NTCRC), а 22 мая 2021 года Центр провел свой первый симпозиум на тему «Национальная переводческая компетенция: теоретические конструкции и практические исследования». Создание настоящего центра подразумевает национализацию, расширение и стандартизацию переводческой компетенции страны. Переводческая компетенция (ПК) показывает совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих переводчику осуществить акт межъязыковой и межкультурной коммуникации. А национальная переводческая компетенция не ограничивается предоставлением профессионального и качественного перевода, а является всеобъемлющей национальной силой, которую страна демонстрирует в решении национальных и международных проблем на благо нации и улучшения общества. Основная идея национальной переводческой компетенции заключается в том, что страна как субъект акта масштабно и продуктивно руководит переводческой деятельностью в различных социально-значимых ситуациях, особенно на международной арене. В концепции национальной переводческой компетенции субъект переводческого акта состоит из специа-

лизированных переводческих учреждений, экспертов, вузов и индивидуальных переводчиков.

В данной статье описывается основная коннотация национальной переводческой компетенции, представляется переводческий проект, финансируемый Китайским национальным фондом общественных наук: перевод на русский язык академической монографии «История китайского переводоведения». В статье анализируются различные проблемы в китайской аудитории по обучению переводу с точки зрения национального переводческого потенциала, и предлагаются решения для улучшения ситуации.

1. Национальная переводческая компетенция и ее элементы

Национальная переводческая компетенция определяет государство как субъект акта перевода, что является беспрецедентной инновацией не только с точки зрения перевода, но и в области социологии, национального управления, журналистики и коммуникации. Такое позиционирование оказывает влияние на академические концепции, играет большую роль в новой экономической, культурной и политической ситуации, вызванной глобализацией. Национальная переводческая компетенция, в которой государство выступает в качестве субъекта перевода, фактически стала одним из важных факторов, определяющих национальный управленческий потенциал, нацио-

нальное взаимодействие и национальную культурную идентичность.

При анализе на национальном уровне национальная переводческая компетенция является одним из комплексных показателей национальной силы, демонстрируя необходимый путь для выживания, развития и самосовершенствования страны и нации. Внутри страны национальная переводческая компетенция считается значительным показателем в области образования, науки, культуры и цивилизации. Можно сказать, она означает способность владения иностранными языками, которыми страна владеет при взаимодействии с другими странами и народами.

Перевод является одной из основных причин достижений Китая после реформы и открытости в 1980-х годах, и в связи с этим китайские ученые в XXI веке предложили национальный переводческий потенциал, основанный на «национальной языковой компетенции». Профессор Ли Юмин утверждает, что «языковой перевод – это важная языковая отрасль, которая может приносить дивиденды» [李宇明, 2011, с. 68-72]. Национальная переводческая компетенция связана не только с наукой и экономикой, она также является важным фактором национального управления, культурной идентичности и интернационализации нации в новой ситуации глобализации. В ней демонстрируются возможности политического управления страной и

нацией, а именно: количество иностранных языков в учебной программе, достижения в теории и практике перевода, контроль над дискурсом и возможности культурного принятия или способности в международной (межкультурной) коммуникации. В нынешней языковой модели власти в мире английский язык находится на вершине пирамиды и доминирует в мировой академической издательской индустрии [王祥兵、穆雷, 2013, с. 81].

Книгоиздание в рамках механизмов международного сотрудничества

Широкомасштабная переводческая деятельность в Китае на национальном уровне началась после реформы и открытия страны в основном это серия книг «Панда» в 1980-х годах, «Большая библиотека литературы Китая» в 1990-х годах, «Программа продвижения китайских книг за рубежом» в XXI веке (2004), «Проект продвижения и перевода 100 выдающихся произведений современной китайской литературы за рубежом» (2006) и «Проект по переводу и публикации произведений китайской культуры» (2006), «Проект перевода и публикации произведений китайской культуры» (2009), «Проект перевода китайских академических иностранных переводов Национального фонда общественных наук» (2010) и т. д. [鲍晓英, 2013]. «Национальная переводческая компетенция тесно связана с нацио-

нальной переводческой практикой и, несомненно, относится к национальной языковой компетенции, но она отличается от национальной языковой компетенции тем, что в ней больше внимания уделяется комплексной и систематической компетенции национальных идей и культуры для распространения за рубежом, включая как переводческую компетенцию национальных переводческих учреждений, так и переводческую компетенцию национального переводческого обучения и переводческую компетенцию отдельных ученых и граждан, а также относится к национально-техническому потенциалу для перевода» [杨枫, 2021, с. 16].

Проект китайского академического перевода при Национальном фонде общественных наук Китая предназначен для финансирования перевода и публикации выдающихся результатов китайских исследований в области философии и социальных наук, которые публикуются в зарубежных авторитетных издательствах на иностранных языках и направляются через основные каналы распространения за рубежом, с целью улучшения понимания иностранцами современного Китая и традиционной китайской культуры, содействия академическим обменов и диалогу между Китаем и зарубежными странами, а также повышения международного влияния китайской философии и социальных наук. В 2020 году автор настоящей статьи получил грант от

Национального фонда общественных наук Китая на перевод монографии «История китайского переводоведения», который будет опубликован известным российским издательством «Флинта».

Профессор Чэнь Фукан, автор книги «История китайского переводоведения», собрал, раскрыл и обсудил историю переводоведения в Китае за четыре эпохи: древний период, периоды конца династии Цин и начала Народной республики, а также период после основания Нового Китая» [陈福康, 2011:引言 vi]. Чэнь Фукан отметил, что сама теория перевода представляет собой всеобъемлющую и открытую систему, которая неразрывно связана со многими дисциплинами и искусствами, от лингвистики до литературы, философии, психологии, эстетики, этнографии, социологии, математики, логики и новой семиотики, информатики и т. д. Однако она имеет и свою самостоятельность. Например, она наиболее тесно связана с лингвистикой, между ними есть много пересечений и взаимоналожений. Теория перевода и может опираться на принципы лингвистики для выяснения законов межъязыковой трансформации, но не зависит от нее и обладает своими правилами. Она может применять принципы литературы и стилистики для раскрытия проблем стиля и эстетической мотивации в переводе, но она также отличается от литературы и стилистики. И наоборот, иными словами, дости-

жения теории перевода могут также вносить вклад в изучение лингвистики, литературы и искусства, психологии, философии и т. д. [陈福康, 2011:引言 iv].

Мы с молодыми китайскими учеными столкнулись с большим количеством исторических источников, исторических аллюзий и т. д., написанных на старом китайском литературном языке (вэньянь), что создало трудности для переводчиков при переводе этой книги. Поскольку исторические материалы содержат культурные знания о древнекитайской философской мысли, конфуцианстве, даосизме и буддийской мысли, переводчик обязан донести эти знания до русскоязычного читателя. «На оперативном уровне переводческой практики исследователи культурного перевода больше не ограничиваются эквивалентностью слов на синтаксическом и других лингвистических уровнях, а уделяют больше внимания переводу культурно эксклюзивных предметов, таких как диалекты, исторические аллюзии, еда, архитектура, религия, обычаи и т. д., для достижения коммуникации на культурном уровне» [祝朝伟, 2020, с. 5].

«История китайского переводоведения» является не только академической монографией, но и содержит исторические сведения о развитии Китая от феодального общества до нового Китая. Это научная монография с китайской спецификой. Многие из революци-

онеров, мыслителей, философов и литераторов, представленных в этой книге, посвятили себя переводу и предложили свои собственные уникальные взгляды. Лу Синь и его брат Чжоу Цзожэнь много переводили, они не только осознавали значение перевода иностранной литературы и внедрения ее в Китае для общественного развития, но и не забывали об особенностях и функциях самой литературы как искусства» [陈福康, 2011, с. 144]. Внимание братьев Лу Синь и Чжоу Цзожэнь к переводу литературы слабых народов Восточной Европы, таких как Польша, было обусловлено чувством благородной миссии и великого сострадания к угнетенным народам. Чжоу Цзожэнь сделал это частью своей гуманитарной деятельности. Однако братья Лу Синь и Чжоу Цзожэнь не просто использовали перевод в качестве оружия для улучшения общества или инструмента политического дискурса, за что ратовал Лян Цичао. «На самом деле, они подчеркивали общественно полезную цель перевода, не забывая об особенности и функции самой литературы как искусства» [陈福康, 2011, с. 144].

Подготовка переводчиков на основе Национальной переводческой компетенции

Переводческому потенциалу страны придается большое значение и ценность. Китайские студенты очень трудолюбивы, а большин-

ство студентов, изучающих русский язык, начинают осваивать его только в вузе, что затрудняет обучение переводу на младших курсах. Большинство университетов в Китае предлагают курсы перевода на старших курсах бакалавриата по два часа в неделю, а в отдельных университетах курсы перевода – по четыре часа в неделю. Как правило, студенты изучают перевод с русского на китайский на третьем курсе и перевод с китайского на русский на четвертом курсе. Очевидно, для подготовки переводчиков, этого учебного времени далеко не достаточно. Во-вторых, большинство преподавателей перевода не обладают достаточными профессиональными способностями по обучению перевода. Они слишком много времени уделяют объяснению теории перевода, выполнению упражнений по переводу в учебнике, иногда в конце учебного семестра экзаменационные работы практически совпадают с переводческим упражнением в учебнике. В-четвертых, студенты по специальности перевода не имеют достаточной практики перевода, тематика и жанр переводов для практики относительно однородны, особенно в последние годы, почти весь материал для вступительных экзаменов по переводу выбирается из материалов политического жанра, что мешает учащимся овладеть навыками перевода. Перевод как языковая способность должен проходить в рамках сознательно практического

метода, обучаемому следует сообщить необходимые теоретические знания по переводу, сформировать у него отобранный минимум переводческих навыков и умений.

В китайских аудиториях по изучению иностранного языка до сих пор наблюдается проблема с обучением переводу. Многие педагоги не различают обучение переводу и переводный метод обучения. Переводный метод обучения считается самым эффективным при обучении иностранному языку. Он представляется одним из наиболее традиционных, прямых и эффективных средств обучения в практическом преподавании иностранного языка на различных курсах вуза. Используется переводный метод как средство формирования языковой компетенции у учащихся, в то же время студенты обрабатывают и усваивают полученную информацию путем перевода. В теории преподавания иностранных языков перевод представляет собой речевой продукт, а обучение переводу является одним из предметов преподавания и отличается методологическими и содержательными особенностями. Важным требованием к адекватности перевода является соответствие текста перевода функционально-стилевым и экспрессивно-стилистическим нормам языка перевода. В Китае сравнительно недавно началось обучение профессиональному переводу, являющемуся самостоятельным предметом языкового обучения, цель которого

готовить переводчиков. «Образование на иностранных языках в Китае в первые годы своего существования в основном готовило кадры для внешнеполитической деятельности страны и обеспечивало удовлетворение основных дипломатических потребностей страны. Однако очевидно, что языковых талантов по-прежнему не хватает» [李宇明, 2021, с. 13].

Иными словами, программа обучения переводу в китайских университетах нуждается в улучшении в следующих четырех областях. Во-первых, активно усиливается подготовка переводчиков нераспространенных языков. Шанхайский университет иностранных языков (SISU) предложил модель подготовки талантов «многоязычие +». Это означает, что студенты должны владеть двумя или более иностранными языками и профессионально разбираться в неязыковой специальности. Во-вторых, важно развивать чувство осознания своей миссии у студентов, изучающих иностранные языки. Господин Ван Чжаолян сказал, что выдающиеся китайские переводчики переводили «с высоким чувством миссии, они нашли важные книги для перевода ради нужд страны и нации» [王佐良, 1989, с. 2]. В-третьих, государство должно разработать единую и реализуемую систему оценки и анализа для мониторинга качества преподавания перевода, и создать международную систему тестирования качества переводческой компетенции в со-

трудничестве с зарубежными университетами. «Это стало консенсусом индустрии в Китае и за рубежом – обучать и оценивать эти специфические языковые компетенции по конкретным языкам, их методикам и способам тестирования» [李宇明, 2021, с. 13].

Национальная переводческая компетенция должна быть приведена в соответствие с мировым уровнем перевода: «На уровне соответствия международному рынку можно ускорить разработку отраслевых стандартов строительства и оценки, которые могут быть приведены в соответствие с международной сертификацией, расширить число сертифицированных на международном уровне предприятий языковых услуг, поощрять китайские сертифицированные предприятия к активному участию в глобальных исследованиях индустрии языковых услуг в Китае» [赵田园、徐秀玲, 2021, с. 128]. В то же время следует уделять внимание изучению культуры страны переводного текста, избегать политизации переводческой деятельности, а мероприятия по культурному обмену проводить по принципу равноправного диалога. «Для того, чтобы вызвать у российской общественности хорошее отношение к Китаю, следует с доброжелательным подходом обращаться к русскому народу для органического продвижения народных обменов между Китаем и Россией» [何萍、吴瑛, 2018, с. 43].

Термин «перевод» означает способность перевода, являющуюся отражением всесторонней способности. Эта способность основывается на множестве факторов, охватывающих широкий спектр содержания, включая субъективные и объективные условия человека, материальные и нематериальные, врожденный темперамент и приобретенные профессиональные навыки, моральные качества, физические и умственные качества и т. д. Отбор людей с лингвистическим талантом, постановка перед ними целей и проведение долгосрочного, систематического и профессионального обучения на основе четко разработанной программы – это масштабный проект для подготовки переводчиков. Переводчики на основе национальной переводческой компетенции должны в первую очередь иметь осознание важности

служения стране и обладать высокой профессиональной этикой.

Заключение

Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин отметил, что для улучшения культурной «мягкой силы» страны мы должны стремиться к улучшению национального права голоса. Мы должны укреплять международный коммуникационный потенциал и тщательно выстраивать плодотворную систему диалога, а также повышать креативность, привлекательность и авторитет в международной коммуникации. Важным фактором, препятствующим продвижению Китая в мир, является недостаточность возможностей перевода. Национальная переводческая компетенция представляет множество инновационных идей и способствует реформированию преподавания перевода.

Библиографический список

1. 鲍晓英. 中国文化“走出去”之译介模式探索:中国外文局副局长兼总编辑黄友义访谈录,《中国翻译》, 2013, No.5.
2. 陈复康. 中国译学史, 上海: 上海外语教育出版社, 2011.
3. 何萍、吴瑛. “一带一路”背景下对俄罗斯精准传播研究,《国家传播》, 2018, No.2.
4. 李宇明. 语言也是“硬实力”,《华中师范大学学报》, 2011, No.5.
5. 李宇明. 试论个人语言能力和国家语言能力,《语言文字应用》, 2021, No.3.
6. 杨枫. 国家翻译能力建构的国家意识与国家传播,《中国翻译》, 2021, No.4.
7. 任文、李娟. 国家翻译能力研究: 概念、要素、意义,《中国翻译》, 2021, No.4.
8. 王佐良. 翻译:思考与试笔,北京:外语教学与研究出版社,1989.
9. 王祥兵、穆雷. 学术著作翻译的理想模式: 以赵文静中译本《翻译与冲突:叙事性阐释》为例,《中国翻译》, 2013, No.4.

10. 文秋芳. 国家语言能力的内涵及其评价指标, 云南师范大学学报 (哲学社会科学版), 2016.No.2.
11. 杨枫. 国家翻译能力建构的国家意识与国家传播, 中国翻译, 2021, No.4.
12. 张佩瑶. 传统与现代之间, 长沙: 湖南人民出版社, 2012.
13. 赵田园、徐秀玲. 新时代翻译能力研究的国家视角与跨界融合: 兼评首届“国家翻译能力: 理论建构与实践探索”学术研讨会, 《当代外语研究》2021, No.5.
14. 祝朝伟. 翻译的话语等效与对外传播体系, 《中国外语》, 2020年3月, No.2.
15. Brecht R. Walton A. National Strategic Planning in the Less Commonly Taught Languages // The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences . 1994. P. 190–212.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; одобрена после рецензирования 10.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 04.07.2022; approved after reviewing 10.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 008 (1–6)
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-106-120
EDN FJSHME

**Японский дискурс творчества Ф. М. Достоевского:
драма «Братья Карамазовы»**

Татьяна Иосифовна Ерохина

Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
tatyaner@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению произведений Ф. М. Достоевского в современной японской культуре. Автор отмечает актуализацию творчества Ф. М. Достоевского в Японии, представленную в многочисленных переводах произведений писателя, а также в создании сериалов, мюзиклов, аниме по романам Ф. М. Достоевского. Предметом исследования становится японская версия прочтения романа «Братья Карамазовы» в аспекте современной массовой культуры. Отмечая специфику бытования классики в массовой культуре, которая стремится к стереотипизации и упрощению художественного текста, автор обращается к особенностям интерпретации романа в сериале. Апеллируя к режиссерскому замыслу, автор анализирует хронотоп сериала, в котором меняется время и пространство действия. Осовременивание времени и перенос действия в Японию способствует появлению игровых элементов освоения классики. Акцентируется внимание на трансформации системы персонажей, изменивших не только имена, но также статус и социальные роли. Проанализирована жанровая специфика сериала, система символов и музыкальная составляющая драмы. Киноинтерпретация романа представлена в двух планах: корреляции с текстом Ф. М. Достоевского и соотношении с контекстом массовой культуры. Отмечена специфика японского перевода текста романа, который лежит в основе экранизации и соответствует критериям современной массовой культуры. Японский дискурс творчества Ф. М. Достоевского не предполагает создания аутентичного тексту романа сериала, более того, авторы драмы сознательно отказываются от прочте-

ния в «Братьях Карамазовых» знаковых культурных кодов русской культуры, таких как религиозность. Представленная интерпретация романа Ф. М. Достоевского свидетельствует о процессе «присвоения» текста русской классики японской культурой и выстраивании новых уровней межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: «Братья Карамазовы»; Ф. М. Достоевский; японская культура; русский культурный код; межкультурная коммуникация; интерпретация; дискурс

Для цитирования: Ерохина Т. И. Японский дискурс творчества Ф. М. Достоевского: дорама «Братья Карамазовы» // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 106-120. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-106-120>. <https://elibrary.ru/fjshme>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

**The Japanese discourse of F. M. Dostoevsky's creativity:
The Brothers Karamazov series**

Tatiana I. Erokhina

Doctor of culturology, professor, head of the department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
tatyanaer@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8328-2546>

Abstract. The article is devoted to understanding the works of F. M. Dostoevsky in modern Japanese culture. The author notes the actualization of the work of F. M. Dostoevsky in Japan, presented in numerous translations of the writer's works, as well as in the creation of serials, musicals, anime based on the novels of F. M. Dostoevsky. The subject of the study is the Japanese version of reading the novel "The Brothers Karamazov" in the aspect of modern mass culture. Noting the specifics of the existence of classics in popular culture, which tends to stereotype and simplify the literary text, the author refers to the peculiarities of the interpretation of the novel in the series. Appealing to the director's intention, the author analyzes the chronotope of the series, in which the time and space of action change. Modernization of time and the transfer of action to Japan contributes to the emergence of game elements of mastering the classics. Attention is focused on the transformation of the system of characters that have changed not only names, but also status and social roles. The genre specifics of the series, the system of symbols and the musical component of the drama are analyzed. The film interpretation of the novel is presented in two ways: correla-

tion with the text of F. M. Dostoevsky and correlation with the context of mass culture. The specificity of the Japanese translation of the text of the novel, which underlies the film adaptation and meets the criteria of modern mass culture, is noted. The Japanese discourse of F. M. Dostoevsky's work does not imply the creation of an authentic text of the novel of the series; moreover, the authors of the drama deliberately refuse to read the iconic cultural codes of Russian culture, such as religiosity, in *The Brothers Karamazov*. The presented interpretation of the novel by F. M. Dostoevsky testifies to the process of "appropriation" of the text of Russian classics by Japanese culture and building new levels of intercultural communication.

Key words: *The Brothers Karamazov*; F. M. Dostoevsky; Japanese culture; Russian cultural code; intercultural communication; interpretation; discourse

For citation: Erokhina T. I. The Japanese discourse of F. M. Dostoevsky's creativity: *The Brothers Karamazov* series. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):106-120. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-106-120>. <https://elibrary.ru/fjshme>.

Введение

Творчество Ф. М. Достоевского занимает в мировой культуре особое место: Ф. М. Достоевский по праву считается одним из самых читаемых русских писателей, его романы переведены на многие языки, о влиянии Ф. М. Достоевского на свое творчество говорили многие зарубежные авторы: Т. Манн и С. Цвейг, А. Жид и Ф. Кафка, Т. Драйзер и У. Фолкнер, Э. Хемингуэй и Н. Мейлер [Бессонов, 2005]. Современные критики отмечают, что «национальные перегородки, разделяющие иногда и враждебные взаимно страны, не существуют для победоносного движения Достоевского по Германии, Франции, Австрии, Англии, Италия, Испании, Америке, Японии» [Бережков, 2011].

Особое место Ф. Достоевский занимает в японской культуре. К. Рехо утверждает, что, начиная с конца XIX века, «произведения Ф. М. Достоевского прочно вошли в духовную жизнь японского общества» [Рехо, 1987, с. 150]. Многие исследователи считают, что культовым писателем Ф. М. Достоевского сделал Акира Куросава: «японский режиссер Куросава мог бы назвать себя новым Достоевским, если бы ему позволила сделать это присутствующая японцам скромность, – настолько фигура русского писателя была значима для режиссера. В своих интервью он говорит о глубокой мировоззренческой близости к Ф. М. Достоевскому и герою его романа «Идиот»: «Мои взгляды и психология похожи на взгляды и психологию героя “Идиота”. Может быть, поэтому я так люблю Досто-

евского» [Кончаловский, 2016]. Акира Куросава в 1951 г. экранизировал роман «Идиот», перенеся его действие в Японию, пытаясь донести до японских зрителей «дух» Достоевского [Макшеева, 2021].

В 1975 г. японский критик Кэньити Мацумото написал, что японцы «одержимы» Ф. М. Достоевским. И сегодня можно говорить о том, что романы Ф. М. Достоевского остаются одними из самых популярных в японской культуре: бестселлерами стали «Бесы», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Сюжеты и образы этих романов лежат в основе фильмов и сериалов, мюзиклов, манга и аниме [Масагутова, 2017].

Японские писатели, преподаватели, критики активно пропагандируют творчество Ф. М. Достоевского: так, нобелевский лауреат Кэндзабуро Оэ «в статье в газете “Асахи” рекомендует молодому поколению взять в руки “Бесов”. Харуки Мураками среди трех самых важных книг в своей жизни наряду с “Великим Гэтсби” и “Долгим прощанием” приводит “Братьев Карамазовых”. В 2004 году выходит небольшое издание под названием “Книги, которые преподаватели Токийского университета рекомендуют первокурсникам” с последующим ежегодным обновлением. Не обновляется лишь высшая строка рейтинга – “Братья Карамазовы”, а всего Достоевский упоминается среди первой сотни 5 раз» [Волковский, 2008].

Самым востребованным романом в Японии стал роман «Братья Карамазовы» (отметим, что в зарубежном гуманитарном знании роман «Братья Карамазовы» также является одним из самых востребованных и изучаемых [Alert, 1995; Belknap, 1984; Bogndr, 1994; Faj, 1984; Miller, 1992; A New Word on The Brothers Karamazov, 2004]). Л. И. Сараскина отмечает, что «тираж “Братьев Карамазовых” с новым (уже восьмым!) переводом профессора Икуо Камэяма, превысил миллион экземпляров» [Федякина, 2013], в то время как «в России никогда сочинения Достоевского не издавались миллионами тиражами» [Федякина, 2013]. Более того, Икуо Камэяма написал продолжение романа Ф. М. Достоевского, объяснив свой литературный труд тем, что почувствовал себя Достоевским: «Когда я переводил, тоже почувствовал себя соавтором. Как будто я нахожусь с этим писателем в одной комнате, и он со мной разговаривает. А потом я почувствовал, что словно сам стал Достоевским. Но это понятно! Ведь у меня есть пять вариантов перевода. Я много раз все это переделывал. Я слился с этим образом» [Камэяма, 2008].

Еще одним знаковым явлением в современной японской культуре стала дорама «Братья Карамазовы», вышедшая в 2013 году.

Вслед за Акирой Куросавой режиссеры Дзюньити Цудзуки, Сёсукэ Мураками, Гэнта Сато перенесли сюжет и персонажей в

Японию, максимально приблизив ее к реалиям современной культуры. Обозначив в титрах название («Братья Карамазовы»), авторы поменяли не только время и место действия своего сериала, но и имена персонажей: перед зрителями разворачивается история семьи Куросава (выбор именно этой фамилии объясняется тем, что корень «куро» в Японии переводится как «черный»).

В центре внимания нашего исследования – особенности японской версии прочтения Достоевского в аспекте современной массовой культуры.

Дорама «Братья Карамазовы»: адаптация и/или интерпретация

Дорама «Братья Карамазовы» характеризуется рядом черт, раскрывающих, с одной стороны, специфику адаптации романа к современной японской культуре, с другой стороны, тенденции репрезентации классики в массовой культуре. Не останавливаясь специально на проблемах осмысления классики в контексте современной массовой культуры (в силу значительного количества исследований, посвященных данной теме [Злотникова, 2015; Ерохина, 2016; Коды массовой культуры ... , 2015]), отметим, что «русская классика в ситуации активизации “рыночных” процессов оказалась востребованной в разных своих качествах – аутентичных текстов, объекта интерпретации в иных видах искусства, “экспортно-

го продукта”» [Злотникова, 2008, с. 91].

Обратимся к японскому дискурсу «Братьев Карамазовых», который характеризуется рядом особенностей киноинтерпретации текста Ф. М. Достоевского.

Первой особенностью стало, как было отмечено выше, *изменение хронотопа*.

Обратим внимание на то, что «осовременивание» классики оказывается своего рода обязательным условием работы с классическим текстом в массовой культуре. Безусловно, подобный подход к классическому тексту имеет свои основания: во-первых, осовременивание подчеркивает универсальность, вечность тем и проблем, кодов, представленных в классической литературе (и делает это напрямую, что особенно важно для массовой культуры, неохотно работающей с подтекстами и многоуровневыми текстами). Во-вторых, в нашем случае, осовременивание связано с адаптацией русской классики к японской культуре, поскольку XIX век русской культуры, имеющих свои исторические и социокультурные особенности, воспринимается скорее как экзотика, в то время, как современная культура, для которой свойственны глобализация и мультикультурализм, даже в островную достаточно закрытую японскую культуру вносит определенный интернационализм, характерный для массовой культуры.

Автор идеи сериала, программный директор телеканала «Фудзи-ТВ» Сато Мисато отмечает: «"Братья Карамазовы" написаны в смутные годы назревавшей где-то на горизонте революции в России. Позже произойдут падение монархии и царевубийство. Мне кажется, что в основе романа лежало общее недовольство молодых людей того времени абсурдностью царящего порядка. В современной Японии тоже какое-то общее настроение тупиковости ситуации. Молодым людям все труднее найти работу. Они подвергают сомнению сложившиеся ценности. Когда задумываешься о том, что молодые японцы чувствуют по отношению к старшему поколению, к существующим устоям, – кажется, что они затаили что-то внутри себя, хотя не говорят об этом вслух, как это было и в конце XIX века в России. Они страдают, не зная, что можно предпринять, если подавить в себе стремление к "бунту" ... » [Федякина, 2013]. Именно этим замыслом обусловлено изменение не только времени, но и места действия: события разворачиваются в современной Японии.

Изменения хронотопа приводят к *трансформации системы персонажей* на уровне имен, рода деятельности, системы ценностей и взаимодействия, что стало второй особенностью японского дискурса «Братьев Карамазовых».

Так, глава семьи Бундзо Куросава является владельцем строительной компании «Куросава». Образ

его предельно заострен, гиперболизирован: он показан жадным и откровенным мерзавцем, чьи действия и методы ведения бизнеса, отношение к людям вызывают ненависть у жителей провинциального города Карасумэ. Старший сын от первой жены – Мицуру: безработный, погрязший в долгах, вспыльчивый, пьющий и ведущий разгульный образ жизни, мечтающий купить бар, живет вместе с женщиной (дочерью мэра) Эндо Канако. Средний сын – Исао – адвокат, закончивший престижный университет в Токио (на деньги отца, взятые под проценты), работает в крупной юридической кампании, успешный и состоявшийся, но безнадежно влюбленный в Эндо Канако. Младший сын – Рё – учится в медицинском университете и собирается стать психиатром.

Предложенная система персонажей разворачивается в двух планах. Первый план, который является ведущим – план Ф. М. Достоевского. Даже в именах героев мы обнаруживаем определенную ссылку на текст романа: имя Мицуру перекликается с Митей, Исао – с Иваном, имя Рё созвучно Алеше. Женские имена – Канако (Катя) и Куруми (Груня, Грушенька) также имеют аллюзии на героев Достоевского. А если обратиться к значению имен, то тоже можно обнаружить символику, объединяющую японские имена: Мицури – свет, Исао – честь и достоинство, Рё – доброта и прощение (Женские имена тоже имеют

свою символику: Канако – ребенок, Куруми – безумие).

Второй план – план массовой культуры, в рамках которого происходит адаптация романа Ф. М. Достоевского для современного зрителя: Иван становится адвокатом, потому что, по мнению Сато Мисато, «эта профессия способствует тому, чтобы герой задавался вопросами о том, что такое справедливость или как противостоять абсурдности общества. Обычные японцы не склонны дебатировать или дискутировать о чем-либо в повседневной жизни. А адвокатам приходится заниматься этим, хотя бы они того или нет. Адвокат не судит. Иван говорит: “Все разрешено”. В каком-то смысле адвокат и должен защищать обвиняемого, каким бы злодеем он ни был. Нет ничего необычного в том, что такой человек размышляет о смысле преступления, наказания или других парадоксов. Наоборот, как раз такое раздумье охватывает его целиком и приводит к растерянности...» [Федякина, 2013], Алеша готовится стать врачом, потому что эта профессия ближе к религиозным представлениям о милосердии и добре, в ней выражены христианские добродетели.

Третья особенность японской версии романа «Братья Карамазовы» – *жанровая специфика*. Жанровые особенности романа неоднократно становились предметом внимания философов и филологов, которые отмечали, что роман созда-

вался писателем под воздействием разных жанровых традиций: жития, притчи, детектива и др. [Солянкина, 2013]. А Вяч. Иванов называл ведущим жанром – трагедию, поскольку в романах Достоевского показана, прежде всего, трагедия личности [Иванов, 1914]. Японская экранизация берет за основу детективный сюжет романа, поэтому и в анонсе сериала обозначены два жанра: драма и детектив. Детектив заложен в тексте романа, но в телесериале он становится доминирующим жанром. Действие первой серии начинается с убийства главы семейства и выстраивается в традициях классического детектива: допрос членов семьи, запись допроса на камеру, внимание к поведению каждого члена семьи, раскрытие новых деталей, получение отпечатков пальцев и т. д. Более того, как детективная история представлен сюжет с четвертым сыном. И если в романе Ф. М. Достоевского «лакей» Смердяков дан нам изначально, то в сериале в предпоследней серии путем самостоятельных расследований и умозаключений, Рё и Исао обнаруживают своего брата (сына проститутки, который пришел, чтобы мстить). Сато Мисато отмечает, что Достоевский привлекает внимание захватывающим сюжетом: в начале романа написано: «отец будет убит – но ожидание убийства тянется долго, интригует. Это некрасивая мотивация для чтения, но это привлекает читателя: кто все же

совершит убийство? Пока сюжет держит внимание, проходят персонажи, каждый со своими идеями, что делает чтение еще увлекательней» [Федякина, 2013].

«Достоевский-лайт» в контексте японской культуры

Отметим, что японский вариант интерпретации текста Ф. М. Достоевского изначально не ставил перед собой цель представить зрителям аутентичную версию романа русского писателя. Поэтому в экранизации отсутствуют традиционные русские культурные коды, представленные в «Братьях Карамазовых». Прежде всего, это культурный код, который приобретает особое значение не только в контексте русской культуры, но и в творчестве Ф. М. Достоевского: из драмы почти полностью уходит религиозная проблематика.

Авторы сериала это осознают и объясняют тем, что для японского зрителя православие – тема далекая и непонятная: «в оригинале большое идейное место занимает русское православие. Оно никак не сочетается с культурным фоном современной Японии. Но современному тридцатилетнему японскому читателю книга интересна и без глубокого знания о русском православии. Может быть, это неверная трактовка. Я начала думать о том, какие ценности представляло русское православие в обществе России того времени и искать для каждой из них эквивалент в совре-

менной Японии. Например, легенда о Великом инквизиторе, в которой Христос противится этому демоническому персонажу. Для телезрителей, которые сидят дома с чашкой чая, это непонятно. Но эпизод важен, и я решила пересказать его иначе – без Христа и без черта. Придумала сцену, в которой младший брат Ре возлагает цветы на могилу отца» [Федякина, 2013]. Отметим, что, таким образом, происходит буквально перекодировка русского культурного кода – японским: «я передала мысль, заложенную в оригинале в том виде, который согласуется с системой, бытом и религиозным мироощущением современных японцев. В японском обществе сейчас нет главенствующих религиозных институтов. Но если говорить о религии как духе справедливости, любви к человеку или готовности простить другого человека, то это во многом близко общей японской этической норме. Необязательно изображать младшего брата в виде, скажем, буддийского монаха. Важна не форма, а его готовность верить в человека» [Федякина, 2013].

Как следствие в драме «Братья Карамазовы» отсутствует не только поэма о Великом Инквизиторе, но и один из главных персонажей: старец Зосима. В японской версии он заменяется профессором-наставником Рё, с которым студент-медик ведет беседы и которого оплакивает, поскольку профессор умирает в больнице от сердечного приступа.

Вместе с тем отметим, что ссылки на религиозную символику в сериале все же присутствуют: в начале каждой серии, которая по правилам дорамы начинается с краткого содержания того, что было в предыдущей серии, на экране настойчиво повторяется один и тот же кадр: мертвый глава семейства, лежащий на кровати с окровавленной головой в позе распятого Христа.

В сериале также мало внимания уделяется сопоставлению и противостоянию женских персонажей: и Канако (Катя), и Куруми (Груня) не смогли передать сложность и противоречивость женского русского характера в его крайностях и отчаянии, всепрощении и любви.

Еще одной особенностью японского дискурса дорамы в контексте массовой культуры стало музыкальное сопровождение сериала. Критики справедливо обращают внимание на то, что для создателей дорамы «последний роман Федора Достоевского – не что-то из русской классики, а что-то из классики европейской. Об этом свидетельствует музыка: здесь и Сен-Санс, и Равель, и Pink Floyd, Led Zeppelin и Nirvana. В одной из серий звучит песня The Rolling Stones – Paint it Black – про фамилию Карамазов (все черное)» [Енцов, 2013]. Музыкальное сопровождение не только осовременивается, оно выводит сюжет и символику сериала на уровень нового мультикультурного диалога, в котором соединяются

русская культура и японская, европейская и американская.

Впрочем, отметим, что в дораме появляются отсылки (иронично-остроумные) к русской культуре: так, в предпоследней серии слуга (Смердяков) предлагает Исао выпить русского чая, к которому подается вишневый джем.

Вместе с тем, японский сериал имеет ряд несомненных достоинств. Прежде всего, как это не парадоксально, в дораме представлено довольно бережное отношение к тексту и общей линии романа (характерные черты персонажей узнаваемы и вполне соотносятся с принятыми в отечественном литературоведении представлениями о главных героях).

Необходимо остановиться на символике сериала, акцентирующей внимание на традиционной для отечественного восприятия поэтике Ф. М. Достоевского. Так, авторы дорамы акцентируют внимание на портрете (огромной фотографии) отца семейства, который начинает играть доминирующую роль: с ним разговаривают персонажи после смерти отца, он остается безмолвным свидетелем всего, что происходит в доме при жизни и даже после смерти Бундзо Куросавы. Особым символом, который часто появляется в кадре вместе с Исао, становится зеркало. Обозначая тему двойничества (ведущую тему творчества Ф. М. Достоевского), режиссеры делают зеркало постоянным спутником сомнений Исао и символом по-

иска. Исао вглядывается в зеркало и обнаруживает в нем себя в страшном неприглядном виде, понимая, что отец внутри него. Обращает на себя внимание один и тот же повторяющийся жест Исао: когда он чувствует давление отца, он непроизвольно начинает класть руку себе на плечо, то ли пытаясь избавиться от этого давления, то ли проверяя, нет ли на плече руки отца. Кульминацией этого жеста становится эпизод, когда, глядя на себя в зеркале, Исао видит на своем плече некую черную тягучую массу: она начинает расползаться по его телу, голове, он в ужасе пытается от нее избавиться – и сразу вспоминается Черт Достоевского, который донимал Ивана Карамазова. Есть в фильме и почти готическая символика: постоянно появляющиеся в кадре каркающие вороны, черно-белые воспоминания героев. Видимо, это черты, соответствующие также замыслу авторов сериала, заявивших, что они решили «сделать из “Братьев Карамазовых” увлекательную историю в жанре саспенс» [Федякина, 2013]. Появляются в дораме и более характерные и понятные японской культуре темы, например, ведущей темой становится тема мести.

Финал сериала остается открытым: старшего брата признают невиновным, что тоже стало вариантом адаптации сюжета к современной ситуации. Авторы отмечали, что «с учетом современной системы правосудия Японии, его сложно признать виновным. У Достоевско-

го в конце романа братья затевают побег Дмитрия. В нашей драме младшие братья всячески пытаются перевернуть обвинение, чтобы доказать невиновность старшего» [Федякина, 2013].

Перед нами, безусловно, вариант прочтения классики в аспекте массовой культуры. Как отметил один из критиков, мы сталкиваемся с вариантом «Достоевский-лайт», что кстати обусловлено и новым переводом текста романа «Братья Карамазовы», который, как считают критик, тоже является вариантом «лайт» [Волковский, 2008]. С. Волковский считает, что «преданные Федору Михайловичу филологи-русисты считали своим долгом доподлинно воссоздавать в японских переводах тяжесть и замысловатость грамматических и лексических построений оригинала. Добавьте сюда малопонятные для зарубежного читателя реалии России XIX века, полифонию сюжета и неразбериху с именами персонажей: не каждый японец отрождения знает, что Дмитрий, Митя, Митька и Митенька – это вообще-то одно и то же, а уж вникнуть в интенциональные нюансы говорящего ему не проще, чем прочувствовать Басё, не владея японским» [Волковский, 2008]. Новый вариант перевода, который и лег в основу дорамы, отличается легкостью и простотой, которая достигается путем адаптации стиля Ф. М. Достоевского под современный уровень читательского восприятия: «укорочены фразы;

сведены к минимуму сложноподчиненные и, по возможности, упрощены противительные конструкции. Обычная для прежних переводов густота иероглифов разбавлена более легкой для восприятия слоговой азбукой. Сделана более мелкая разбивка на абзацы, облегчающая для дотошного читателя возврат к уже пройденному тексту для восстановления логических связей и освежения в памяти сюжетной линии» [Волковский, 2008]. Показательно, что новый перевод снабжен своего рода «шпаргалкой» для читателя: закладкой с именами и описанием главных действующих лиц, а также «Пояснением для читателя», «из которого можно узнать, кто такие раскольники и юродивые, чем рубль отличается от копейки и что же все-таки имел в виду великий инквизитор» [Волковский, 2008]. По мнению критика, «действующие лица романа разговаривают на японском XXI века» [Волковский, 2008].

Обратим внимание, что новый перевод понравился не всем японским критикам и читателям: «Японское общество Достоевского» выступило против перевода Камэямы, упрекая его в недопустимом упрощении стиля, но именно этот адаптированный перевод вызвал наибольший читательский интерес к роману «Братья Карамазовы» в современной Японии. Камэяма объясняет успех своего перевода следующим образом: «В «Братьях Карамазовых» показана ничтожность лич-

ности в руках играющей с ним судьбы. Здесь видны аналогии с нашей эпохой глобализации. Человек оказывается зажатым между терроризмом и другими страшными трагедиями, с одной стороны, и зловеще-сумрачной информацией в интернете – с другой, чувствуя при этом свою никчемность» [Волковский, 2008]. Кроме того, адаптированный перевод ориентирован на современного массового читателя: «В прошлом этот роман был известен как вершина человеческого разума, однако с недавнего времени некоторые стали видеть в нем детективную историю об отцеубийстве» [Волковский, 2008].

Заключение

Таким образом, отметим, что японский сериал «Братья Карамазовы» обладает определенными художественными достоинствами, которые заключаются в парадоксальном прочтении текста русской классики.

Авторы дорамы, с одной стороны, обращаются к механизмам массовой культуры, в контексте которой происходит адаптация и осовременивание классического текста, а также перевод этого текста из пространства русской культуры в пространство культуры японской. Безусловно, данный подход к «Братьям Карамазовым» Ф. М. Достоевского актуализирует стереотипные представления о романе, упрощает и схематизирует сюжет и систему персонажей, лишает текст многозначности и многосмысленности.

Как отмечает Т. С. Злотникова, подобная работа с классикой приводит к тому, что «из разряда фундамента и контекста жизни она переходит в разряд “следов”. <...> И, на подсознательном уровне, эти следы закрепляются прочно, обживаются органично и входят стабильной составляющей в небогатый запас повседневно необходимых и привычных маскультовских ценностей» [Злотникова, 2008].

С другой стороны, анализируемый вариант киноинтерпретации «Братьев Карамазовых» предлагает современному отечественному зрителю обнаружить культурные коды японской культуры, которые лежат в основе новой парадигмы межкультурной коммуникации и трактовки классики в массовой культуре. По

мнению Б. Акунина, Ф. М. Достоевский в Японии «воспринимается как квинтэссенция “русскости”» [Камэяма, 2008], а Россия, в свою очередь, ассоциируется именно с Ф. М. Достоевским. Моделирование японского дискурса прочтения Ф. М. Достоевского демонстрирует трансформацию бинарной оппозиции «свой/чужой», в рамках которой творчество Ф. М. Достоевского традиционно воспринималось как «свое» для русской культуры и «чужое» для японской: «классика автоматически становится частью актуального медийного гипертекста, внутренняя логика которого может оказаться более значимой для экранизации, нежели ее сопоставление с традиционными трактовками» [Сальникова, 2016].

Библиографический список

1. Бережков Ф. Достоевский на Западе (1916–1928) // Нева. 2011. №5 // Журнальный зал URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/5/dostoevskij-na-zapade-1916-8211-1928.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
2. Бессонов Б. М. Творчество Ф. М. Достоевского в оценках русских и зарубежных писателей, деятелей культуры и философов // Вестник Омского университета. 2005. № 2. С. 5-14.
3. Волковский С. Достоевский банзай! // Огонек. 2008. № 29. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2301099>. (Дата обращения: 01.08.2022).
4. Енцов Ю. Японские родственники «Братьев Карамазовых» // Pravda.ru. 05.02.2013 URL: <https://cinema.pravda.ru/1143887-karamazof/>. (Дата обращения: 01.08.2022).
5. Ерохина Т. И. Сферы и уровни массовой культуры: российский дискурс / Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 255-264.
6. Злотникова Т. С. Примирение с жизнью: «следы» классики в массовой культуре // Ярославский педагогический вестник. 2008. №1 (54). С. 86-91
7. Злотникова Т. С. Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ: учебное пособие / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина, Н. Н. Летина, Д. Ю. Густякова, Л. П. Киященко. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 227 с.

8. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/ivanov-dostoevskij-i-roman-tragediya.htm>. (Дата обращения: 01.08.2022).
9. Камэяма И. Как будто призрак Достоевского находится вместе со мной. URL: <https://newslab.ru/article/274242>. (Дата обращения: 01.08.2022).
10. Коды массовой культуры: российский дискурс / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 240 с.
11. Кончаловский А. Фрагменты из интервью Акиры Куросавы (2016). URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5532311/post411579920/>. (Дата обращения: 01.08.2022).
12. Макшеева Н. В. «Идиот» Ф. М. Достоевского в интермедиальной и кросс-культурной перекодировке А. Куросавы: мотивы, образы, символы, философское содержание / Н. В. Макшеева, Е. Э. Комарова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2021. Т. 15, №4. С. 56-67.
13. Масагүтова А. В. Достоевский в современной массовой японской культуре (на примере жанра аниме). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/dostoevskij-v-sovremennoj-massovoj-yaaponskoj-kulture-na-primere-zhanra-anime.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
14. Рехо К. Русская классика и японская литература. Москва : Художественная литература, 1987. 354 с.
15. Сальникова Е. В. Феномен «осовременивания» классики: к истории современных тенденций. URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2016-1-17/yazyki/4939.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
16. Солянкина О. Н. Соединение жанровых традиций в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Москва : РГГУ, 2013. 169 с.
17. Федякина А. Японцы многое любят в России // Российская газета: интернет-портал. 2013. URL: <https://rg.ru/2013/02/28/kommentarii-site.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
18. Федякина А., Хироюки Х. Сериал «Братья Карамазовы» стал главным хитом японского ТВ / А. Федякина, Х. Хироюки. URL: <https://rg.ru/2013/04/10/misatosato-site.html>. (Дата обращения: 01.08.2022).
19. A New Word on The Brothers Karamazov / Ed. by R. L. Jackson; With an introd. essay by R. F. Miller and a concluding one by W. M. Todd III. Evanston (HI.): Northwestern Univ. press, 2004. 261 p.
20. Alert S. The Reader's Responsibility in The Brothers Karamazov // Freedom and Responsibility in Russian Literature / Ed. by E. Ch. Allen, G. S. Morson. Evanston: Northwestern Univ. press, 1995. 306 p.
21. Belknap R. Memory in The Brothers Karamazov // Dostoevsky: New Perspectives / Ed. R. L. Jackson. Englewood Cliffs (N. J.). Prentice-Hall, 1984. 114 p.
22. Bogndr F. A Karamazovok hitelensege es Dosztojevskij szellemi teljesitmenye: Antropológiai vdlatok. Szeged: József Attila Tudomnyegyetem, 1994. 448 p.
23. Faj A. I Karamazov tra Poe e Vico: genere poliziesco e concezione ciclica della storia nell'ultimo Dostoevskij. Napoli, 1984. 253 p.
24. Miller R. F. The Brothers Karamazov: Worlds of the Novel. N. Y. : Twayne Publ., 1992. 156 p.

Reference list

1. Berezhkov F. Dostoevskij na Zapade (1916–1928) = Dostoevsky in the West (1916-1928) // Neva. 2011. №5// Zhurnal'nyj zal URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2011/5/dostoevskij-na-zapade-1916-8211-1928.html>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
2. Bessonov B. M. Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo v ocenках russkikh i zarubezhnyh pisatelej, dejatelej kul'tury i filosofov = F. M. Dostoevsky's work as evaluated by Russian and foreign writers, cultural figures and philosophers // Vestnik Omskogo universiteta. 2005. № 2. S. 5-14.
3. Volkovskij S. Dostoevskij banzaj! = Dostoevsky banzai! // Ogonek. 2008. № 29. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2301099>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
4. Encov Ju. Japonskie rodstvenniki «Brat'ev Karamazovyh» =Japanese relatives of The Brothers Karamazov // Pravda.ru. 05.02.2013. URL: <https://cinema.pravda.ru/1143887-karamazof/>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
5. Erohina T. I. Sfery i urovni massovoj kul'tury: rossijskij diskurs = Spheres and levels of mass culture: Russian discourse / T. I. Erohina, N. N. Letina, T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2016. № 5. S. 255-264.
6. Zlotnikova T. S. Primirenje s zhizn'ju: «sledy» klassiki v massovoj kul'ture = Reconciling with life: “traces” of the classical in mass culture // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2008. №1 (54). S. 86-91.
7. Zlotnikova T. S. Rossijskij diskurs massovoj kul'tury: jestetičeskie praktiki i hudožestvennyj obraz = Russian discourse of mass culture: aesthetic practices and fictional image : učeбноe posobie / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina, N. N. Letina, D. Ju. Gustjakova, L.P. Kijashhenko. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. 227 s.
8. Ivanov Vjach. Dostoevskij i roman-tragedija = Dostoevsky and the tragic novel. URL: <http://dostoevskij-lit.ru/dostoevskij/kritika/ivanov-dostoevskij-i-roman-tragediya.htm>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
9. Kamnejama I. Kak budto prizrak Dostoevskogo nahoditsja vmeste so mnoj = As if the ghost of Dostoevsky is with me. URL: <https://newslab.ru/article/274242>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
10. Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs = Mass culture codes: Russian discourse / pod nauch. red. T. S. Zlotnikovoj, T. I. Erohinoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. 240 s.
11. Konchalovskij A. Fragmenty iz interv'ju Akiry Kurosavy = Excerpts from an interview with Akira Kurosawa (2016). URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5532311/post411579920>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).
12. Maksheeva N. V. «Idiot» F.M. Dostoevskogo v intermedial'noj i kross-kul'turnoj perekodirovke A. Kurosavy: motivy, obrazy, simvoly, filosofskoe sodержanie = F. M. Dostoyevsky's “The Idiot” in A. Kurosawa's intermedial and cross-cultural recoding: motifs, images, symbols, philosophical content / N. V. Maksheeva, E. Je. Komarova // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija. 2021. T. 15, №4. S. 56-66.
13. Masagutova A. V. Dostoevskij v sovremennoj massovoj japonskoj kul'ture (na primere zhanra anime) = Dostoevsky in contemporary Japanese mass culture (based on the anime genre). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/dostoevskij-v-japonskij-diskurs-tvorčestva-f-m-dostoevskogo-dorama-bratya-karamazovy>

sovremennoj-massovoj-yaponskoj-kulture-na-primere-zhanra-anime.html). (Data obrashhenija: 01.08.2022).

14. Reho K. Russkaja klassika i japonskaja literatura = Russian classics and Japanese literature. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1987. 354 s.

15. Sal'nikova E. V. Fenomen «osovremenivanija» klassiki: k istorii sovremennyh tendencij. = The phenomenon of “modernizing” classics: on the history of modern trends. URL: <http://artculturestudies.sias.ru/2016-1-17/yazyki/4939.html>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).

16. Soljankina O. N. Soedinenie zhanrovych tradicij v romane F. M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy» = The combination of genre traditions in F. M. Dostoevsky's novel The Brothers Karamazov. Moskva : RGGU, 2013. 169 s.

17. Fedjakina A. Japoncy mnogoe ljubjat v Rossii = The Japanese love a lot of things in Russia // Rossijskaja gazeta: internet-portal. 2013. URL: <https://rg.ru/2013/02/28/kommentarii-site.html>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).

18. Fedjakina A. Serial «Brat'ja Karamazovy» stal glavnym hitom japonskogo TV = “The Brothers Karamazov” series is a top hit on Japanese TV / A. Fedjakina, H. Hirojuki. URL: <https://rg.ru/2013/04/10/misatosato-site.html>. (Data obrashhenija: 01.08.2022).

19. A New Word on The Brothers Karamazov / Ed. by R. L. Jackson; With an introd. essay by R. F. Miller and a concluding one by W. M. Todd HI. Evanston (HI.): Northwestern Univ. press, 2004. 261 r.

20. Alert S. The Reader's Responsibility in The Brothers Karamazov // Freedom and Responsibility in Russian Literature / Ed. by E. Ch. Allen, G. S. Morson. Evanston: Northwestern Univ. press, 1995. 306 r.

21. Belknap R. Memory in The Brothers Karamazov // Dostoevsky: New Perspectives / Ed. R. L. Jackson. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice-Hall, 1984. 114 r.

22. Bogndr F. A Karamazovok hitelensege es Dosztojevszkij szellemi teljesitmenye: Antropológiai vdzlatok. Szeged: József Attila Tudomnyegyetem, 1994. 448 r.

23. Faj A. I Karamazov tra Roe e Vico: genere poliziesco e concezione ciclica della storia nell'ultimo Dostoevskij. Napoli, 1984. 253 r.

24. Miller R. F. The Brothers Karamazov: Worlds of the Novel. N. Y.: Twayne Publ., 1992. 156 r.

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 12.07.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 82.16
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-121-138
EDN FJRTTG

Культурная символика образа волка в русской поэзии XIX – XX века

Елена Михайловна Болдырева^{1✉}, Елена Валерьевна Асафьева²

¹Доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, г. Чунцин.

²Преподаватель русского языка и литературы ГПОУ ЯО «Ярославский колледж управления и профессиональных технологий», г. Ярославль

¹e71mih@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tivist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Аннотация. Статья посвящена анализу символического потенциала образа волка в русской поэзии и рассмотрению своеобразия художественной репрезентации данного образа в творчестве русских поэтов XIX – XX веков. Характеризуя культурную символику образа волка, авторы выделяют различные модели его интерпретации в контексте различных поэтических дискурсов, в рамках которых универсальный образ волка проявляет различные сущностные характеристики в зависимости как от авторской художественной телеологии, так и от специфики культурно-исторической ситуации той или иной эпохи: образ волка как зеркало эпохи социальных и политических катаклизмов, когда образы волка и века-волкодава оказываются художественно точными обозначениями страшной эпохи в жизни страны и трагической судьбы человека, затянутого в губительный водоворот социально-политических потрясений (О. Мандельштам); образ волка в структуре военного дискурса, демонстрирующий традиционную для плакатной риторики того времени зооморфизацию архетипа врага или зооморфизацию, демонстрирующую идею нацизма как абсолютного зла (М. Джалиль, С. Наровчатов), героико-романтическая ипостась волка-борца, выступающего олицетворением свободы, одиночества и неукротимых страстей, который готов отдать жизнь за свободу, честь и особую «звериную» мораль (В. Высоцкий, В. Солоухин); религиозно-мифологический модус «поэтических волков» в творчестве А. Толстого и, наконец, волк как тропеическая фигура в поэтическом тексте, воплощающая в себе амбивалентные метафорические смыслы (Н. Гумилев, В. Шаламов). В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа, в зависимости от лирической ситуации, от со-

© Болдырева Е. М., Асафьева Е. В., 2022

путствующих ключевому символу зооморфных образов и историко-мифологических реалий, а образ волка рассматривается как амбивалентная сущность, сочетающая в себе противоположные качества и символические значения.

Ключевые слова: культурный символ; вечный образ; мифология; культурный концепт; образ волка; аллегория; амбивалентная сущность; русская лирика; лирический герой

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа волка в русской поэзии XIX – XX века // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 121-138. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-121-138>. <https://elibrary.ru/fjrttg>.

Original article

Cultural symbolism of the wolf image in Russian poetry of XIX-XX centuries

Elena M. Boldyreva^{1✉}, Elena V. Asafieva²

¹Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university. PRC, Chongqing.

²Teacher of Russian and literature at Yaroslavl College of management and professional technologies, Yaroslavl

¹e71mih@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Abstract The article analyzes the symbolic potential of the wolf image in Russian poetry and examines the original artistic representation of this image in the works of XIX-XX century Russian poets. Describing the cultural symbolism of the wolf image, the authors highlight different models of its interpretation in terms of various poetic discourses, where the universal image of the wolf manifests various essential characteristics depending on both the author's literary teleology and the specifics of the cultural and historical situation of a particular epoch: the image of the wolf as a mirror of social and political cataclysms, when the images of the wolf and the wolfhound century prove to be artistically accurate symbols of a terrible era in the life of the country and the tragic fate of man, drawn into the destructive whirlpool of social and political upheaval (O. Mandelstam); the image of the wolf in military discourse, demonstrating the zoomorphic enemy archetype, traditional for the poster rhetoric of the time, or zoomorphic representations of the Nazism idea as the

ultimate evil (M. Dzhilil, S. Narovchatov), heroic-romantic image of the wolf-fighter, as a personification of freedom, loneliness and unrestrained passions, who is ready to give his life for freedom, honor and a specific “animal” morality (Vysotsky, V. Solokhin); religious and mythological mode of “poetic wolves” in the works of A. Tolstoy and, finally, the wolf as a tropic figure in a poetic text, embodying ambivalent metaphorical meanings (N. Gumilev, V. Shalamov). In the course of analysis, the authors pay attention to the change in symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation, on zoomorphic images accompanying the key symbol, and on historical and mythological realities, and the wolf image is seen as an ambivalent entity, combining opposite qualities and symbolic meanings.

Key words: cultural symbol; eternal image; mythology; cultural concept; wolf image; allegory; ambivalent essence; Russian lyrics; lyrical hero

This article was written as part of the work at the Center for studying Russian-speaking countries, Southwest University of the People's Republic of China, the PRC Ministry of Education

For citation: Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the wolf image in Russian poetry of XIX-XX centuries. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):121-138. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-121-138>. <https://elibrary.ru/fjrttg>.

Введение

«Человеческие симпатии и антипатии к животным < ... > зависят от культурных факторов, таких как социальный образ жизни, географические условия проживания, психологические особенности личности, моральные установки, ценностные ориентиры, эстетические предпочтения, религиозные убеждения и т. д.» [Шан Бофэй, 2021, с. 116]. В связи с этим в культурной картине мира зооморфным образом отводится особое место. Тигры, змеи, птицы не раз становились предметом изучения в культурологии, лингвистике, литературоведении [Болдырева О. Н., 2020; Бол-

дырева Е. М., 2020; Казакова, 2011 и т. д.]. Наделяя животных различными, порой даже не свойственными им качествами, человечество стремилось унифицировать сложные ментальные процессы, философские и морально-этические категории, такие как добро/зло, жестокость/нравственность и т. д. Особенно ярко это выражалось в дохристианскую эпоху в мифах, легендах, фольклоре, когда торжество науки и разума еще уступало место суевериям и обычаям, укоренившимся в древнем сознании. В настоящей статье мы сосредоточим внимание на образе волка в русской поэзии XX века.

Наряду с другими образами животных, образ волка уже рассматривался учеными в качестве культурного концепта [Самарина, 2011; Агранович, 2003; Шамарова, 2012; Богомяков, 2019; Михайлин, 2001]. Большинство исследователей указывают на дуальную природу волка и связывают ее с культурно-историческим контекстом. Так, в эпоху язычества волк олицетворял преимущественно положительные качества – свободу, силу, мужество, – а с приходом христианства актуализировались его отрицательные коннотации – жестокость, беспринципность, алчность и т. д. Все эти сущностные характеристики составляют семантическое ядро концептосферы «волк» и выходят на первый план в зависимости от конкретной авторской установки. В нашей статье мы рассмотрим своеобразие художественной репрезентации образа волка в творчестве русских поэтов XIX и XX века, охарактеризуем культурную символику данного образа, выделив различные модели интерпретации в контексте различных поэтических дискурсов. Изучив тексты русских поэтов XIX – XX веков, мы выделили пять культурно-идеологических модусов, в рамках которых универсальный образ волка проявляет различные сущностные характеристики в зависимости как от авторской художественной телеологии, так и от специфики культурно-исторической ситуации той или иной эпохи.

«Век-волкодав»: образ волка как зеркало эпохи

Социально-исторические потрясения, будь то война, смена политического строя, восстания, обыкновенно сопряжены с колоссальными человеческими жертвами, народной скорбью и упадком морально-этических норм. И к жертвам следует отнести не только тех, кто погибал, но и тех, кто выжил, поскольку их ментальное здоровье было разрушено до такой степени, когда его уже нельзя восстановить. Находясь перед лицом мучительной гибели и ощущая экзистенциальную безысходность, человек постепенно утрачивает свою первоначальную природу и становится зверем. Данная идея раскрывается в стихотворении О. Мандельштама «За гремучую доблесть...» [Мандельштам, 2018], когда образы волка и века-волкодава становятся в высшей степени художественно точными обозначениями страшной эпохи в жизни страны и трагической судьбы человека, затянутого в губительный водоворот социальных потрясений.

В первом стихе за счет форсированных аллитераций Мандельштам создает некий «звериный» контекст на звуковом уровне. Лирический герой, находясь среди волков, обречен изначально: он теряет и честь, и славу, и радость настоящего. Звериный рев – это отражение эпохи, жуткого настоящего, в котором нет места ни человеку, ни морально-этическим законам. Когда

рушатся основы гуманизма, действует только один закон: убей или будешь убит. На первый взгляд, Мандельштам выстраивает систему бинарных оппозиций – волк/волкодав, грядущее/ настоящее. Но если вдуматься, здесь есть только одна оппозиция – человек/зверь. Смыслообразующий рефрен «не волк я по крови своей» [Мандельштам, 2018] свидетельствует о том, что герой не зверь по своей природе, но живя среди волков, он все же приобрел зооморфные черты, например, оброс шерстью: «Запихай меня лучше, **как шапку**, в рукав/Жаркой шубы сибирских степей» [Мандельштам, 2018, с. 119] (*в Сибири зимнюю одежду шили из шкуры волков – уточнение Е. Б., Е. А.*).

Век-волкодав, исторические перипетии, кровавые боины сделали лирического героя случайной жертвой эпохи. Не изменив его природу, зверь преобразил сознание героя, который стал волком по духу. В данном случае реализуется идея оборотничества, весьма важная для славянской мифологии. Несмотря на то, что события, описанные в стихотворении, относятся к 30-гг., его герои ведут себя как язычники, принося богу подземного царства массовые человеческие жертвы. И только кажется, что есть волки и волкодавы, противопоставленные друг другу. В действительности те и другие – жестокие звери, убийцы с одной стороны, а с другой – жертвы, обреченные на страдание и

гибель. Однако их падение в настоящем необходимо для потомков, ибо в «грядущем» не должно быть ни жестокости, ни боли, поскольку «высокое племя людей», изучив горький опыт минувшего, избежит повторения исторических ошибок. Таким образом, мы видим разрушение привычных оппозиций. Однако интегральная идея текста состоит не в том, чтобы показать, что время способно уничтожить человеческую природу, а в том, чтобы доказать, что, будучи зверем, человек не утрачивает себя до конца. Став волком по духу, лирический герой стремится реализовать в себе те грани этого зверя, которые имеют положительные коннотации. Волк – это не только свирепый хищник, но и благородное животное, стремящееся к свободе, единению с природой. Герой, будучи волком, стремится уйти как можно дальше от гущи исторических событий, чтобы не видеть нравственное падение бывших «сородичей», ставших трусами и предателями, чтобы не знать, как колесо истории, перемалывая человеческие кости, оставляет за собой кровавый след. Настоящие волки убивают ради того, чтобы насытиться и поддерживать в себе жизнь. Они редко выходят к людям и предпочитают жить в глухом лесу. В отличие от собак, их нельзя приручить, в отличие от людей – купить. Таким образом, волк по природе своей и по духу – воплощение силы и благородства. Говоря о том, что «его

только равный убьет» [Мандельштам, 2018, с. 119], лирический герой имеет в виду, что, став волком, приобрел лучшие его качества, и потому убить его способен только такой же сильный и гордый зверь, как он сам.

Таким образом, в настоящем примере культурная символика образа волка проявляется в сплавлении таких характеристик волка как жестокость, жажда крови, свобода, сила, стремление к гармонии с природой, но реализуются они в зависимости от воли мыслящего сознания. Находясь в равных условиях, одни ассимилируются со средой и уподобляются животным, другие, будучи заранее обреченными, все же находят в себе силы на борьбу с собой и с обстоятельствами.

**«Стаи хищных двуногих зверей»:
образ волка
в военном дискурсе**

Из четырех всадников апокалипсиса Война по праву может считаться главным, потому что ведет за собой и Смерть, и Голод, и Чуму (болезни). В искусстве и литературе культ войны сопряжен с героизмом солдат и полководцев, с идеей доблести и самопожертвования, с восстановлением исторической справедливости, освобождением угнетенных народов. Но война – это не только подвиги, слава. В первую очередь это страх, неизвестность, деморализация, сломанные судьбы, утраченная молодость, и это если не брать в расчет физические увечья. Все эти идеи реали-

зуются в стихотворении Сергея Наровчатова «Я домой притащил волчонка» [Строки, добытые в боях ... , 1973, с. 156].

В центре лирического повествования – мальчик, ставший жертвой холокоста, которого герой принес в дом к русским солдатам. Видевший смерть, катакомбы и смрад, семилетний ребенок приобрел черты зверя: «смотрит по-волчьи», «не верит словам привета», «испуганно в угол взглянул» [Строки, добытые в боях ... , 1973, с. 156]. В данном контексте реализуются такие существенные характеристики волка как осторожность, озлобленность, недоверие к окружающим. Виной этому – жестокость немецких солдат: «Он узнал, как бессудной ночью / Правит суд немецкий свинец», «...выжгли взгляд / Черный пепел варшавского гетто, / Катакомб сладковатый смрад» [Строки, добытые в боях ... , 1973, с. 156].

Зооморфизация выражает идею нацизма как абсолютного зла, справиться с которым под силу только большому человеческому сердцу, наполненному состраданием и любовью к ближнему. Герой заботится о мальчике: рассказывает ему сказки, кормит, укрывает «чужое несчастье», которое воспринимает как свое. Поскольку стихотворение написано в реалистическом ключе, оно не имеет счастливого завершения. Все, что удастся сделать герою для мальчика, это погрузить его в сон. Но не в безмятежный сон счастливого человека, а в чуткий,

звериный: «Засыпает усталый волчонок, /Под шинелью свернувшись в клубок» [Строки, добытые в боях..., 1973, с. 156]. Понимая, какие страдания пришлось пережить этому ребенку, осознавая, что жизнь его никогда уже не будет счастливой и беззаботной, герой, за плечами которого не менее тяжелый военный опыт, горько произносит: «Все выдавший на белом свете, /Изболевшей склоняюсь душой /Перед вами, еврейские дети, /Искалеченные войной...» [Строки, добытые в боях..., 1973, с. 156].

В стихотворении Сергея Наровчатова мы сталкиваемся с процессом расчеловечивания, однако бывают обратные случаи, когда животные, наблюдая за бедами людей, обретают антропоморфные черты, тогда как люди, напротив, воплощают в себе жестокое, звериное, волчье начало. Подобную ситуацию мы можем видеть в стихотворении Мусы Джалиля «Волки».

В начале стихотворения образ волка имеет преимущественно негативные коннотации: «рыщут», «чуя запах добычи» [Джалиль, 1966, с. 315], описана их алчность: «Разгораются волчьи глаза: /Сколько мяса, людей и коней!» [Джалиль, 1966, с. 315]. Повинуясь инстинктам, ночные хищники радуются легкой добыче и не задаются нравственными вопросами, какова цена этого пиршества, «сколько тысяч за сутки умрет». Однако все меняется, когда вожак стаи слышит стон раненого на поле сол-

дата. Увидев агонию во взгляде умирающего бойца, старый волк оставляет его, не причиняя вреда. Данный эпизод меняет первобытное представление о волке как о безжалостном убийце и наделяет его человеческими качествами – мудростью, состраданием, благородством. Поскольку волк ближе миру природы, нежели миру человека, он видит, как все вокруг – цветы, деревья, травы – скобит о солдате и побеждает зверя в себе, берет верх над инстинктами.

Однако на этом лирическое повествование не заканчивается. Утром бойца нашли люди, и вместо того, чтобы спасти своего собрата, которому можно было еще помочь, «искорку жизни раздуть» [Джалиль, 1966, с. 316], убивают его с особой жестокостью: «Люди в тело загнали сперва /Раскаленные шомпола, /А потом на березе, в петле, /Эта слабая жизнь умерла...» [Джалиль, 1966, с. 316]. В данном тексте зверь и человек как бы меняются местами. Впрочем, поведение волков в начале текста может быть оправдано их жаждой жизни – поедая человеческие останки, они продолжают свой род. Звери, в отличие от людей, не причиняют страдания осознанно, в то время как для людей убийство – это акт насилия. Совершая его ради развлечения, удовлетворения амбиций или по иным причинам, человек утрачивает свою природу и становится хуже любого волка: «Что там волки! Ужасней и злей / Стаи хищ-

ных двуногих зверей» [Джалиль, 1996, с. 316]. Заметим, что подобная тенденция к зооморфизации образа врага – общее место милитарного дискурса, где фашисты представляли в текстах как «стервятники», «кровожадные звери», «фашистские псы» и т. п., поэтому «волчья» метафорика в данном контексте вполне закономерна.

«Мой последний смертельный прыжок»: героико-романтическая ипостась образа волка в отечественной культуре

«В царстве несвободы, эксплуатации и отсутствия божественной справедливости человек узнает себя в животном, как в зеркале, и через это обретает свою человечность» [Богомяков, 2019, с. 49]. В эпоху глобальных перемен, когда рушатся законы гуманизма, морали, хрупкое человеческое сознание претерпевает кризис. Любые социальные или политические перемены неизбежно влекут за собой изменение ценностной парадигмы. Когда вершится история, человеческая единица утрачивает свою значимость. Крах христианской морали с ее ключевыми заповедями пробуждает в человека звериную природу. Так, в отечественной культуре появляется образ волка-борца, который готов отдать жизнь за свободу, честь и особую «звериную» мораль.

В стихотворении «Мир таинственный, мир мой древний» [Есенин, 1995, с. 157] герой, приверженец деревенской жизни, отождеств-

ляет себя с волком. Естественный процесс урбанизации воспринимается лирическим сознанием как акт жестокой охоты. Новая городская культура, чуждая идиллическому сельскому миру, насильственно вторгается в первозданный мир природы, уничтожая ее гармонию: «Мир таинственный, мир мой древний, /Ты, как ветер, затих и присел» [Есенин, 1995, с. 157]. Технический прогресс, который должен улучшить условия жизни людей, воспринимается как убийство с особой жестокостью: «Вот сдавили за шею деревню /Каменные руки шоссе» [Есенин, 1995, с. 157]. Деревня в данном примере – это мир естественный, храм лесов и природы, а его защитник – волк, санитар леса. У С. А. Есенина образ этого зверя реализует коннотацию Волчьего Бога, с которой мы уже сталкивались ранее. Существовавший в IV – V вв. до нашей эры, он был покровителем и хозяином «древнего» мира, версией которого в стихотворении выступает деревня. Бог – это вожак, а первостепенная задача вожака стаи – защитить семью и дом любой ценой. Обреченный на поражение, лирический герой вступает в схватку с превосходящим по силе противником – городом: «Город, город, ты в схватке жестокой /Окрестил нас как падаль и мразь», «Здравствуй ты, моя черная гибель, /Я навстречу к тебе выхожу» [Есенин, 1995, с. 157]. Битва волка с городом в экзистенциальном мас-

штабе описана как борьба дьявола с Богом: «Жилист мускул у дьявольской выи» [Есенин, 1995, с. 157]. Здесь не так важно победить, как сопротивляться, отстаивая свое право на свободу и самобытность: «...нам не впервые /И расшатываться и пропадать», «Это песня звериных прав!» [Есенин, 1995, с. 157]. Волк, подобно герою древних мифов, зная, что погибнет, бьется до конца, забирая жертву – плату за его триумфальную гибель: «...двуного недруга /Раздирают на части клыки», «...отпробует вражеской крови /Мой последний, смертельный прыжок» [Есенин, 1995, с. 157]. В данном примере культурная символика волка проявляется в двойственности его существа – зооморфного начала (сила, жестокость, скорость реакции, повиновение инстинкту) и антропоморфного (ответственность, мужество, свободолюбие, верность родным корням).

Технический прогресс – естественный процесс, сопутствующий урбанизации, обыкновенно он не сопряжен с насилием или угнетением человеческих масс, в то время как становление политического режима влечет за собой всплеск узаконенного насилия, деморализации и кризис культуры. Лишенный стабильности и какой бы то ни было опоры, человек становится перед нравственным выбором – ассимилироваться с новой действительностью и выжить или бороться за собственные убеждения и возмож-

но погибнуть. Выбирая между жизнью и смертью, большинство предпочтет первое, но те, что попадут во вторую категорию, будут казаться героями. Эта идея реализуется в стихотворении Владимира Солоухина «Волки».

Художественное пространство стихотворения разделено на два полюса – мир собак и мир волков. Несмотря на идеологическую амбивалентность, те и другие есть части единого рода: «Мы те же собаки», «Вы, в сущности, – волки» [Солоухин, 1982, с. 247]. Их принципиальное отличие заключается в отношении к миру.

Волки преданы свободе, природе, моральным принципам, и за это они готовы расстаться с жизнью: «Год от году нас /Убывало «Мы, как на расстреле, /На землю ложились без стога» [Солоухин, 1982, с. 247]. Когда они встали перед выбором – свобода или покорность – то предпочли сохранить свое естество: «Мы те же собаки, /Но мы не хотели смириться» [Солоухин, 1982, с. 247]. Повинуясь закону природы, волки оказались за гранью закона общественного, формального.

Собаки, напротив, преданны человеку, социализированы. В отличие от хищных собратьев, вынужденных голодать в тайге, они пребывают в относительном комфорте: зимуют в избах, едят похлебку. Однако цена столь беззаботной жизни – «цепь и ошейник» [Солоухин, 1982, с. 247]. Собаки стояли перед

тем же выбором, что и волки, но предпочли покориться.

Лирический герой – волк – упрекает псов за то, что те «изменили породе» и переметнулись на сторону врага, проявив трусость и лицемерие: «Вы смелыми были вначале. / Но вас прикормили, / И вы в сторожей измелъчали», «...льстить и служить / Вы за хлебную корочку рады» [Солоухин, 1982, с. 247]. Покинув стаю, волк становится чужаком, и участь его – бесславная смерть от клыков бывших собратьев, и потому стихотворение заканчивается призывом, обращенным к собакам, чтобы они боялись свободолюбивых хищников, когда те выйдут на охоту, чтобы отомстить. А графический рисунок первой строфы, значительно отличающийся от последующих катренов, включает в себе одну из ключевых идей текста – людей, способных сопротивляться, бороться за свободу выбора, за право быть уникальным, гораздо меньше, чем покорных и трусливых рабов, желающих сохранить жизнь в обмен на человечность. Текст написан в период хрущевской оттепели, когда развенчание «культы личности Сталина» было широко распространено в том числе и в искусстве. Поэтому мы полагаем, что собаки – это те же «молчальники» А. Галича, которые не захотели отстаивать правду, чтобы повысить социальный статус и удобно устроиться. А волки – это все те, кто старался бороться с режимом и погиб или остался в изгнании.

Подобные идеи звучат и в стихотворении В. Высоцкого «Охота на волков» [Высоцкий, 1993, с. 306] с той лишь разницей, что ракурс восприятия смещается в сторону жестокости псов и людей, которые не щадят даже щенков, а волки сознательно идут на гибель и, повинувшись традиции, которая гласит, что человек – венец творения, не могут прорвать линию ограждения. Однако волку-бунтарю, исполняющему роль героя среди волков, все же удается пойти против правил и спастись, оставив егерей ни с чем.

Таким образом, волк в контексте героико-романтического модуса отечественной культуры выполняет функцию борца за свободу, одинокого воина, гонимого обществом лицемеров и трусов. На первый план выходят такие существенные характеристики волка как свободолюбие, честность, жестокость, бескомпромиссность, ответственность перед собратьями, мстительность и т. д.

«Их глаза словно свечи»: образ волка в религиозно-мифологическом контексте

В дохристианскую эпоху волк рассматривался как божество – хозяин леса и других животных. Он выступал в роли проводника в мир мертвых. В традициях древнеевропейских народов волк выступал как хозяин подземного мира, бог скота. С приходом христианства негативные существенные характеристики волка вышли на первый план. И этот образ стал трактоваться как

оборотень, жестокий и кровавый демон, несущий гибель всему живому. Подобные коннотации образа волка можно увидеть в стихотворении А. Толстого «Волки».

Художественное пространство текста являет собой сельскую местность с непроходимыми лесами и болотами, окутанными густым туманом. Леса и болота издревле считались домом для злых духов, вышедших к людям под покровом ночи. В центре лирического повествования – стая волков, состоящая вначале из семи членов, затем из девяти: «Семь волков идут смело. /Впереди их идет /Волк осьмой, шерсти белой, /А таинственный ход /Завершает девятый» [Толстой, 1981, с. 429]. В большинстве мировых культур числа 7 и 9 имеют сакральную природу. Считается, что они приносят удачу и счастье. 7 – божественное число, связанное с количеством дней, затраченных богом на сотворение мира. 9 – олицетворение мужского начала Вселенной. Если соединить числа 6 и 9, получится сакральный круг, олицетворяющий Инь и Янь. Еще одна особенность числа 9 – его возможность перевоплощаться в число 6, что реализует его оборотническое начало. Несмотря на положительную семантику, числа 7 и 9 меняют в тексте свою природу на противоположную: девять духов леса выбираются из тьмы, чтобы забрать с собой грешные души селян: «Близ корчмы водят ухом /И внимают всем слухом: /Не ведутся ль там

грешные речи?» [Толстой, 1981, с. 429].

Стая, возглавляемая белошерстным вожаком и замыкаемая самим дьяволом («С окровавленной пятой /Он за ними идет и хромает» [Толстой, 1981, с. 429]), наводит ужас на людей, бессильных против духов тьмы: «Пес на них и не лаает, /А мужик идохнуть, /Видя их, не посмеет» [Толстой, 1981, с. 429]. Одолеть волков-язычников может только православная вера. Не случайно в тексте звери обходят храм стороной, но заходят в поповский двор, потому что это место не является святым, а попы в культуре нередко описываются как грешники и лицемеры.

Однако уничтожить волков помогла не святая вода, не крест или иные атрибуты христианства, а тринадцать картечей с козьей шерстью. Следует обратить внимание, что число 13 имеет преимущественно негативные коннотации в народном сознании, но в контексте стихотворения выступает как священное число, помогающее прогнать дьявола. То же происходит и с козьей шерстью. Козла часто олицетворяли с фавном – лесным богом. В отличие от славянских духов леса, он обладал добродушным нравом. В других культурах козлов приносили в жертву богам, а на Руси из их шерсти делали обереги, чтобы задобрить домового. Возможно, в стихотворении содержится идея, что невинная жертва обладает магической силой и способна уничтожить даже самое могущественное зло.

Особенно эта идея становится актуальной, если учесть, что козы в природе составляют волчий рацион. Как бы то ни было, убитые козье шерстью волки наутро превращаются в убитых старух: «Ты увидишь лежащих /Девять мертвых старух: /Впереди их седая, /Позади их хромая, /Все в крови...» [Толстой, 1981, с. 429]. Становится очевидным, что старухи – это лесные ведьмы или, как их еще называют, кикиморы, особенностью которых является умение перевоплощаться в различных зверей, чаще в волков. А разоблачить их помогает петух – сакральная птица, символизирующая солнце, божественный свет и победу добра над злом. Таким образом, волк в данном контексте реализует идею оборотничества, актуальную в период становления христианской культуры. Даже заключительная фраза текста «с нами сила господня!» [Толстой, 1981, с. 429] говорит о торжестве добра над злом, представителем которого в тексте являются волки. Однако идея оборотничества в тексте проявляется на разных уровнях. Рассмотрим их подробнее:

– число 7 и 9 имеют преимущественно положительные коннотации, а число 13 – отрицательные. Однако в тексте они меняют свои сущностные характеристики на противоположные;

– волки, воспринимаемые сознанием селян как зло, пришли, чтобы сотворить благо – забрать грешников во тьму. Селяне же, носители

христианской морали, напротив, совершают зло – убийство;

– священнослужители (попы), чья задача соблюдать Божьи заповеди и быть примером для остальных людей, пренебрегают своим статусом. Это видно по тому, как спокойно заходят волки в их двор и выслушивают «грешные речи»;

– мужики, считающие себя также носителями христианской идеологии, сами являются грешниками, поскольку молитва, исходящая из их уст, также не останавливает волков.

Исходя из этих противоречий, можно сделать вывод, что добро и зло в тексте меняются местами, и волки из страшных оборотней, несущих гибель и страх, становятся санитарями, искореняющими зло, а заключительная фраза стихотворения («Все в крови... с нами сила господня!») приобретает презрительно-иронический оттенок.

**«Волки-мысли» и «волки-страсти»:
волк как тропическая фигура
в поэтическом тексте**

Во многих культурах древности образ волка являлся воплощением мирового зла. Обладая сокрушительной мощью, оно стремилось уничтожить все живое. Противостоять силам тьмы могло искусство – божественный светлый дар, обладателями которого становились поэты, способные словом укротить любого зверя. В этом случае образ волка становится составной частью тропа, олицетворяя собой, с одной стороны, сокруши-

тельные страсти и изматывающие душу человека темные силы, а с другой – духовную неуспокоенность личности высшей нравственной пробы, когда «волчий вой» практически идентифицируется с голосом совести, не дающей человеку покоя «ни во сне, ни наяву» [Шаламов, 2020, с. 194].

В стихотворении В. Шаламова «Ночная песня» [Шаламов, 2020] лирический герой вступает в битву с волками – мыслями, нарушающими его ночной покой. Хищники ведут себя агрессивно: мешают спать, атакуют каждый раз, когда сознание героя предается сну. Под покровом тьмы они кажутся неуязвимыми – и справиться с ними под силу только очистительному огню. Оказавшись на свету, они отступают до тех пор, пока герой не потеряет бдительность. Оглушительный вой, с которым они врываются в лирическое пространство текста, заставляет героя бодрствовать и расставлять «бумажные капканы» [Шаламов, 2020, с. 194], поскольку окончательно победить волков способно только творчество. Строки, преданные бумаге, уже не будут будоражить сознание героя. Однако заключительный катрен реализует идею, что волки – двигатели искусства. Нападая каждый раз, они заставляют художника непрерывно творить, что наделяет поэтических волков положительными характеристиками – упорством, настойчивостью и способностью

выступать в роли нравственного и творческого камертона.

Несколько иную модальность приобретают волки в стихотворении Н. Гумилева «Волшебная скрипка» [Гумилев, 1990]. В отличие от предыдущего примера, звери здесь – воплощение абсолютного первобытного зла, которое нельзя истребить. Лирический герой его – юный творец, находящийся в начале творческого пути. Постигнув разрушительную силу искусства, опытный поэт вначале старается предостеречь «милого мальчика»: «Не проси об этом счастье, отравляющем миры» [Гумилев, 1990, с. 518]. Он предупреждает, что, однажды встав на тропу творчества, свернуть с нее не получится, и что тропа эта таит в себе множество опасностей, главной из которых являются кровожадные волки. В художественном пространстве Н. Гумилева эти хищники более кровожадные, чем у В. Шаламова: «...бешеные волки в кровожадном исступлении / В горло вцепятся зубами, встанут лапами на грудь» [Гумилев, 1990, с. 518]. Остановить их может только дьявольская скрипка. Музыка – стихийная сила, способная управлять мирозданием. Здесь это символ художественного слова, способного пленить разум. Скрипка тоже часть темного мира, поскольку она постепенно отбирает силы у творца, полностью подчиняет его себе до тех пор, пока он способен играть: «Тот, кто взял ее однажды в повелительные руки,

/У того исчез навеки безмятежный свет очей», «Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам, /Вечно должен биться, виться обезумевший смычок», «Сколько боли лучезарной, сколько полуночной муки /Скрыто в музыке веселой» [Гумилев, 1990, с. 518]. Скрипка здесь – союзник волка, так, что выпивает из человека все соки, а затем отдает его на съедение волкам.

Финал стихотворения содержит в себе ту же идею, что и в предыдущем примере: нужно творить вопреки опасностям и всецело отдаваться творческому процессу, потому что тогда из глубины хаоса возникает нечто прекрасное, что называют искусством. Только в отличие от шамановского, герой Н. Гумилева обречен на неминуемую гибель, будучи неспособным противостоять «кровожадному исступлению» бешеных волчьих страстей.

Таким образом, в творчестве многих поэтов образ волка, становясь компонентом тропеической образности, воплощает в себе амбивалентные метафорические смыслы, с одной стороны, это древнее жестокое зло, несущее страдание и гибель, а с другой – благо, способствующее рождению подлинного искусства.

Заключение

Мы проанализировали лишь незначительный пласт плотно заселенной образами волков русской поэзии. Изучив стихотворения русских поэтов середины XIX – сере-

дины XX в, воссоздающих разные типы «поэтических волков», мы пришли к выводу, что культурная символика данного образа обладает рядом инвариантных характеристик, которые варьируются в зависимости от авторской установки и специфики определенной социокультурной ситуации.

Так, в период социальных потрясений и политической нестабильности на первый план выходит свободолюбие зверя, его непокорность, нежелание подчиняться воле масс, природная сила и ответственность за себе подобных. В подобном контексте усиливается оппозиционные отношения образов «волк» – «собака», на контрасте показывающие физическое и нравственное превосходство хищников, приобретающих антропоморфные черты. Здесь особенно сильно природное начало волка, его стремление к гармонии с миром, нежелание участвовать в человеческих распрях, если есть выбор.

В эпоху военных потрясений волк выступает как кровожадный хищник, озлобленный, осторожный, недоверчивый, способный, однако, на сострадание, в отличие от некоторых людей. Волк повинуется силам природы, которую он охраняет и частью которой является, и если природа скорбит по человеку, то хищник поступает так же, подчиняя свое физическое начало духовному.

В религиозно-мифологическом контексте или в качестве тропеиче-

ского образа поэтического текста образ волка демонстрирует свою амбивалентную природу. С одной стороны, он воплощает в себе абсолютное зло, оборотничество, несущее гибель и разрушение, а с другой – способствует торжеству истины и рождению подлинного искусства.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что символический потенциал вечного образа волка в произведениях русских поэтов разных эпох поистине неисчерпаем, и, несмотря на широкий спектр его сим-

волических значений, практически во всех текстах он предстает как амбивалентная сущность, имеющая двойственную природу и наделенная как отрицательными коннотациями – алчностью, яростью, разрушительной силой, жестокостью, стремлением к хаосу, уничтожению и смерти, – так и положительными – мужеством, непокорностью, самоотверженностью, стремлением к свободе, независимости, справедливости, бескомпромиссностью и способностью к состраданию.

Библиографический список

1. Агранович С. З. Пожалел волк кобылу. (О синкретизме семантики славянского концепта лютость и отражении этого синкретизма в мифе, фольклоре и литературе) / С. З. Агранович, Е. Е. Стефанский // Вестник СамГУ. 2003. №1. С. 1-13.
2. Баженова Е. В. Человек и животное в контексте культуры: опыт осмысления (конференции, публикации, выставки) // Человек в мире культуры. 2013. №3. С. 79-85.
3. Бобылева Н. И. Семиотика отношений «волк – собака – человек» и их отражение в текстах культуры / Н. И. Бобылева, О. В. Есеева // Культура и общество. 2014. №2. С. 91-101.
4. Богомяков В. Г. Археология поэзии: от волка-злодея к волку-сотоварищу // Новое литературное обозрение. 2019. №4. С. 45-54.
5. Болдырева Е. М. «О лютый тигр, о тигр великолепный»: образ тигра как символ национальной культуры в китайской и русской поэзии / Е. М. Болдырева, Е. В. Асафьева // Мир русскоговорящих стран. 2020. №3. С. 105-121.
6. Болдырева О. Н. Зодиакальные животные в русских и китайских идиомах / О. Н. Болдырева, Линлу Ао, Сунь Жаньжань // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2020. №2. С. 31-44.
7. Высоцкий В. С. Сочинения. В 2 томах. Том I. Москва: Художественная литература, 1993. 639 с.
8. Горичева Т. М. Животное как архетип современной культуры. URL: <http://rusnardom.ru/tatyana-goricheva-zhivotnyie-kak-arhetip-sovremennoy-kulturyi/>. (Дата обращения: 27.09.2022).
9. Гумилёв Н. С. Золотое сердце России: Сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. В. Полушина. Кишинев: Лит. артистикэ, 1990. 733 с.
10. Джалиль М. Избранное. Москва: Художественная литература, 1966. 256 с.

11. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 Стихотворения. Москва : Наука – Голос, 1995. 671 с.
12. Казакова И. Б. Анималистика в живописи и литературе эпохи романтизма / И. Б. Казакова, О. Я. Полякова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6. С. 232-236.
13. Киндря Н. А. Культ животных в мифологической традиции и истории культуры индоевропейцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Ч. 1. 2012. №9. С. 99-102.
14. Мандельштам О. Э. Немногие для вечности живут. Москва : АСТ, 2018. 640 с.
15. Михайлин В. Ю. Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и советской культурных традициях // Новое литературное обозрение. 2001. №47. С. 278–320.
16. Самарина М. С. Символика волка в культуре: от Капитолийской волчицы до волка Франциска Ассизского // Вестник СПбГУ. 2012. №1. С. 216–224.
17. Солоухин В. А. Стихотворения. Москва : Современник, 1982. 343 с.
18. Строки, добытые в боях. Поэзия военного поколения / сост. Л. И. Лазарев. Москва : Детская литература, 1973. 302 с.
19. Толстой А. К. Сочинения: в 2-х т. Т. 1 Стихотворения. Москва : Художественная литература, 1981. 589 с.
20. Храмова М. Н. Семантика зооморфных образов в современной европейской культуре. Санкт-Петербург, 2015. 206 с.
21. Шаламов В. Т. Стихотворения и поэмы в 2-х т. Т. 1. Санкт-Петербург : Вита Нова, 2020. 591 с.
22. Шамарова С. И. О своеобразии культурного концепта «волк» // Вестник Центра международного образования МГУ. 2012. №3. С. 79-84.
23. Шан Бофэй Образы животных и птиц в русской и китайской лингвокультурах / Шан Бофэй, Сай На, Лю Чжицян // Общество: философия, история, культура. 2021. №11. С. 114-122.

Reference list

1. Agranovich S. Z. Pozhalel volk kobyly. (O sinkretizme semantiki slavjanskogo koncepta ljutost' i otrazhenii jetogo sinkretizma v mife, fol'klore i literature) = The wolf took pity on the mare. (On the semantics syncretism of the Slavic concept 'fierceness' and its reflection in myth, folklore and literature) / S. Z. Agranovich, E. E. Stefanskij // Vestnik SamGU. 2003. №1. S. 1-13.
2. Bazhenova E. V. Chelovek i zhivotnoe v kontekste kul'tury: opyt osmyslenija (konferencii, publikacii, vystavki) = Human and animal in the cultural context: the experience of comprehension (conferences, publications, exhibitions) // Chelovek v mire kul'tury. 2013. №3. S. 79-85.
3. Bobyleva N. I. Semiotika otnoshenij «volk – sobaka – chelovek» i ih otrazhenie v tekstah kul'tury = Semiotics of the “wolf-dog-human” relationship and its reflection in cultural texts / N. I. Bobyleva, O. V. Eseeva // Kul'tura i obshhestvo. 2014. №2. S. 91-101.

4. Bogomjakov V. G. Arheologija poezii: ot volka-zlodeja k volku-sotovarishhu = The archaeology of poetry: from wolf the villain to wolf the companion // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2019. №4. S. 45-54.
5. Boldyreva E. M. «O ljutyj tigr, o tigr velikolepnyj»: obraz tigra kak simbol nacional'noj kul'tury v kitajskoj i russkoj poezii = “Oh fierce tiger, oh magnificent tiger”: the image of the tiger as a symbol of national culture in Chinese and Russian poetry / E. M. Boldyreva, E. V. Asaf'eva // *Mir russkogovorjashhij stran*. 2020. №3. S. 105-121.
6. Boldyreva O. N. Zodiakal'nye zhivotnye v russkih i kitajskih idiomah = Zodiac animals in Russian and Chinese idioms / O. N. Boldyreva, Linlu Ao, Sun' Zhan'zhan' // *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejhema*. 2020. №2. S. 31-44.
7. Vysockij V. S. Sochinenija. V 2 tomah. Tom I = Works. In 2 vols. V.1. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1993. 639 s.
8. Goricheva T. M. Zhivotnoe kak arhetip sovremennoj kul'tury = The animal as an archetype of modern culture. URL: <http://rusnardom.ru/tatyana-goricheva-zhivotnyie-kak-arhetip-sovremennoj-kul'turyi/>. (Data obrashhenija: 27.09.2022).
9. Gumil'ov N.S. Zolotoe serdce Rossii: Sochinenija = The golden heart of Russia: Works / sost., vstup.st. i komment. V. Polushina. Kishinev : Lit. artistikje, 1990. 733 s.
10. Dzhilil' M. Izbrannoe. = Selected works. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1966. 256 s.
11. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij = Complete Works: v 7 t. T. 1 Stihotvorenija. Moskva : «Nauk» – Golos, 1995. 671 s.
12. Kazakova I. B. Animalistika v zhivopisi i literature jepohi romantizma = Animalism in Romanticism painting and literature / I. B. Kazakova, O. Ja. Poljakova // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2011. № 6. S. 232-236.
13. Kindrja N. A. Kul't zhivotnyh v mifologicheskoj tradicii i istorii kul'tury indoevropejcev = The animal cult in mythological tradition and Indo-European history of culture // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: v 2-h ch. Ch. 1*. 2012. №9. S. 99-102.
14. Mandel'shtam O. Je. Nemnogie dlja vechnosti zhivut = There are few who live for eternity. Moskva : AST, 2018. 640 s.
15. Mihajlin V. Ju. Mezhdu volkom i sobakoj: geroicheskij diskurs v rannesrednevekovoj i sovetskoj kul'turnyh tradicijah = Between the wolf and the dog: heroic discourse in the early Medieval and Soviet cultural traditions // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001. №47. S. 278–320.
16. Samarina M. S. Simvolika volka v kul'ture: ot Kapitolijskoj volchicy do volka Franciska Assizskogo = Wolf symbolism in culture: from the Capitoline she-wolf to the wolf of Francis of Assisi // *Vestnik SPbGU*. 2012. №1. S. 216 - 224.
17. Solouhin V. A. Stihotvorenija = Poems. Moskva : Sovremennik, 1982. 343 s.
18. Stroki, dobytye v bojah. Poezija voennogo pokolenija = Lines won in battles. Poetry of the war generation / sost. L. I. Lazarev. Moskva : Detskaja literatura, 1973. 302 s.
19. Tolstoj A. K. Sochinenija = Works: v 2-h t. T. 1 Stihotvorenija. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1981. 589 s.

20. Hramova M. N. Semantika zoomorfnyh obrazov v sovremennoj evropejskoj kul'ture = Semantics of zoomorphic images in modern European culture. Sankt-Peterburg, 2015. 206 s.

21. Shalamov V. T. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems v 2-h t. T. 1. Sankt-Peterburg : Vita Nova, 2020. 591 s.

22. Shamarova S. I. O svoeobrazii kul'turnogo koncepta «volk» = On peculiarities of the cultural concept “wolf” // Vestnik Centra mezhdunarodnogo obrazovanija MGU. 2012. №3. S. 79-84.

23. Shan Bofjej Obrazy zhivotnyh i ptic v russkoj i kitajskoj lingvokul'turah = Images of animals and birds in Russian and Chinese linguocultures / Shan Bofjej, Saj Na, Lju Chzhicjan // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2021. №11. S. 114-122.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022; одобрена после рецензирования 13.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 10.07.2022; approved after reviewing 13.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253; 008(1-6)
DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-139-150
EDN FHNGAZ

**Культурный мифопоэтический код Востока
в творчестве М. Пришвина: русский корень жизни Жень-шень**

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Целью работы является актуальная научная историко-литературная, историко-культурная проблематика: роль мифопоэтического культурного кода Востока в художественном сознании выдающегося представителя русского неореализма М. Пришвина. Задачи работы: уточняя дефиницию *культурный мифопоэтический код Востока*, связать мифологемы Востока и художественное сознание, философию, эстетику, образность прозы Пришвина.

Влияние мифологем Востока на Пришвина рассмотрено в контексте художественно-онтологических и эстетических характеристик русского неореализма, литературы 1920 – 1930-х годов. Обнаружено многообразное воплощение мифологем Востока в виде мотивов, архетипов, образов сочинений Пришвина.

Наиболее значимые результаты работы. Описаны историко-литературные и личностно-биографические мотивы влечения Пришвина к культурному коду Востока; установлены порожденные означенным влечением художественные типы произведений Пришвина; последние представлены в контексте его творческой эволюции. Подходы к художественно-публицистическому наследию, эпистолярному Пришвина обусловили оригинальный взгляд на проблему писательского мастерства и позволили раздвинуть сложившиеся представления о типе художественного мышления Пришвина. В работе даны новые оценки ряду известных произведений. Мастерство Пришвина осмыслено в контексте актуального для русской прозы XX века неомифологизма. Дополнены

© Иванов Н. Н., 2022

научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой трети XX столетия.

Раскрытые тесные и плодотворные связи мироощущения и творчества Пришвина с мифом Востока позволили увидеть совсем другие, нежели было принято считать, мировоззренческие и эстетические ориентиры писателя, понять главное его устремление: ответить на вечные вопросы бытия, мироздания, национального характера.

Ключевые слова: русский неореализм; культурный код Востока и его рецепция в русской литературе; взаимоотношения русских писателей; биография и творчество М. Пришвина; мифопоэтика; мотив; архетип; интерпретация художественного текста

Для цитирования: Иванов Н. Н. Культурный мифопоэтический код Востока в творчестве М. Пришвина: русский корень жизни Жень-шень // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 139-150. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-139-150>. <https://elibrary.ru/fhngaz>.

Original article

Cultural mythopoetic code of the East in M. Prishvin's work: the Russian root of life Ginseng

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor, department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The aim of the work is relevant scientific historical literary and cultural issues: the role of mythopoetic cultural code of the East in the artistic mind of the outstanding Russian Neorealist representative M. Prishvin. Objectives of the work: clarifying the definition of cultural mythopoetic code of the East, to connect Eastern mythologemes with artistic mind, philosophy, aesthetics and Prishvin's imagery.

The influence of Eastern mythologemes on Prishvin is considered in the context of ontological and aesthetic characteristics of Russian neorealism, the literature of the 1920s-1930s. The author has found a wide use of Eastern mythologemes as motifs, archetypes, and images in Prishvin's works.

The most significant results of the work. The historical-literary and personal-biographic motives of Prishvin's attraction to the cultural code of the East are described; Prishvin's literary types generated by this attraction are established and presented in the context of his creative evolution. Such approaches to Prishvin's literary, journalistic and epistolary heritage, determine the original

view of creative writing and allow to move beyond the prevailing ideas about Prishvin's artistic thinking. The work gives new opinions on a number of well-known works. Prishvin's mastery is comprehended in terms of neo-mythologism relevant to the Russian prose of the 20th century. The author expands scientific knowledge of the complex phenomena in Russian literature of the first third of the XX century.

The article shows close and fruitful links of Prishvin's worldview and work with Oriental myth which allows to see quite different ideological and aesthetic guidelines of the writer, to understand his main aspiration: answering the eternal questions of existence, the universe and the national character.

Key words: Russian neorealism; cultural code of the East and its reception in Russian literature; relationship among Russian writers; M. Prishvin's biography and work; mythopoetics; motif; archetype; interpretation of literary text

For citation: Ivanov N. N. Cultural mythopoetic code of the East in M. Prishvin's work: the Russian root of life ginseng. *World of Russian-speaking countries*. 2022; 3(13):139-150. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-3-13-139-150>. <https://elibrary.ru/fhngaz>.

*Посвящается 150 – летию
со Дня Рождения Михаила Пришвина*

Введение

Осенью 1931 года М. Пришвин по заданию газеты «Известия» совершил поездку на Дальний Восток, а вскоре опубликовал повесть с экзотическим для русского читателя названием «Жень-шень», в которой изложил свои впечатления от посещения этой далекой прекрасной земли. Осень в Приморье – время особенное, чудесное: увядание лета ознаменовано яркими красно-желто-зелеными красками; у поэтически организованных натур впечатления от внешнего мира перетекают в тонкие душевные движения; это мирочувствование, эстетика импрессионизма.

И название, и сам художественный материал повести выглядят экзотическими лишь при поверхностном знакомстве. Повесть отличается удивительным сочетанием лиризма и философской глубины и, в каком-то смысле, является этапной. В 1931 году Пришвин был совсем не молод: ему уже исполнилось 58 лет, главные книги, как отмечал он в дневниках, уже были написаны. Но, приближаясь к заветному финалу, Пришвин выдавал сочинения, открывавшие творчество писателя с новой стороны.

Пришвин и мифологемы Востока

Будучи еще учеником Елецкой гимназии, мечтавшем о какой-то загадочной, иллюзорной, сегодня сказали бы виртуальной Азии, будучи учеником Василия Розанова, тогдашнего его учителя географии, Пришвин придумал и включил в искусно монтируемый им авторский миф мифологему – символическую Кашееву цепь, кольца которой сковывали его на протяжении более трех десятилетий. «Жень-шень» – один из этапов в освобождении от власти Кашея.

На заре XX века, вступая в профессиональную литературу, Пришвин посещал заседания Петербургского религиозно-философского общества. Это объединение творческих людей оказало огромное влияние на убеждения, на эстетические принципы Пришвина: формировались характерные для него пантеизм, натуралистический анимизм, натурфилософия [Иванов, 2020a]. 24 июня 1942 года, восстанавливая в дневнике давний, но памятный, состоявшийся в 1912 году разговор с А. Блоком и Д. С. Мережковским о К. Гамсуне и его романе «Пан», Пришвин процитировал Мережковского: «Я не знаю, – сказал М., – какой интерес заниматься природой после Гёте; о пантеизме все сказано, все пережито, все старо» [Пришвин, 1985, с. 667]. Но реакция начинающего, но совсем не молодого писателя оказалась двойственной: «Совершенная правда

была в словах М., но она тогда не могла меня тронуть, потому что я сам должен был пережить пантеизм по-своему» [Пришвин, 1985, с. 667]. Пантеизм «по-своему» он пережил, пройдя путь от Маркса до Гёте и Вагнера, от Гоголя до Толстого и Розанова, объездив всю европейскую Россию и Среднюю Азию: Крым, Подмосковье, Смоленская губерния, Переславль-Залесский, бескрайние степи Киргизии. Наконец, судьба распорядилась, и Пришвин оказался в Приморье, ставшем воплощением его заветной мечты об Азии, куда он порывался убежать еще в детстве. В дневниках Пришвин писал о том мощнейшем душевном открытии, откровении, рождающемся в нас, когда попадаешь в места, о которых думал, читал в молодости, в годы личностного становления.

Ремизов, Горький, Пришвин, А. Толстой, С. Н. Сергеев-Ценский, другие писатели, выверяя свои заветные помыслы, полемизируя с официальной, книжной культурой, искали героев, возвращенных культурой иной, искали их в язычестве, мифе, народном православии, «отреченной» книжности – апокрифах. В этом же ряду и идеологемы повести «Жень-шень», построенные вокруг экзотического для русской культуры таежного китайского корня жизни [Иванов, 2020a].

Возвращаясь к тому выдающемуся Петербургскому религиозно-философскому обществу, зная, насколько дороги были для При-

швина Д. С. Мережковский и В. В. Розанов (при всем противоречивом его отношении к ним), подчеркнем следующее. Начинаясь пантеист, натурфилософ отмечал, что он бывал «желанным гостем у самых изысканных слушателей «искусства для искусства», равно как и среди <...> представителей таких глубоких народных слоев, куда редко проникает глаз образованного человека» [Пришвин. Наши берега]. На этом пути и состоялось развитие фольклорно-мифологического архетипа «народного мудреца», или «мудрого простеца». В свое время его изучали А. Н. Афанасьев, С. В. Максимов, о нем говорили Е. Н. Трубецкой, В. Н. Лосский, его функции, на уровнях сказочных персонажей и сюжетных многоходовок, систематизировал В. Я. Пропп. Чем же объясняется влечение русской творческой интеллигенции начала XX века к столь экзотическим типам? Автобиографический герой первых циклов Пришвина «За волшебным колобком», «В краю непуганых птиц» отправляется на Русский Север из Петербурга. Это – человек европейский, просвещенный. Знаем также, что Пришвин учился в Германии, в Лейпциге, в том же университете, где когда-то учился великий просветитель и рационалист И. В. Фон Гёте [Иванов, 2020б]. И вдруг – экзотические края: Север, Восток, Азия. Какова мотивировка подобных устремлений? Что стояло за пришвинскими

метаниями, раздумьями о человеке? В 1907 – 1908 годах, путешествуя по крайнему Северу России и Норвегии, посетив Соловки, стоя на Анзорской Голгофе, автобиографический герой Пришвина думает о человеке в христианской ценностной парадигме. Оказавшись под обаянием китайца Лувена («Женьшень»), размышляет о личности на фоне откровенно буддийских проекций.

В русском неореализме был популярен востребованный из мифологии, фольклора тип учителя, знахаря, колдуна [Иванов, 2020а]. Многих писателей он манил близостью к потусторонним силам, знанием способов воздействия на духовный мир человека. Он реализуется в мотивах дороги, судьбы, бродяжества, сна, поисков «иног царства», обретения чудесных даров. Художественно раскрывается данный тип в жанровых формах легенды, предания, сказки, исповеди, жития. Пришвин тяготел к сказочным формам: повесть-сказка, сказка-быль, роман-сказка. Такого плана персонажи предстают в рубище бродяги-юродивого, прикрываются скоморошьей ролью безумца. Они появляются в наиболее важных местах повествования: преодолевают земные узы и направляют к Небу, умирят природу, разрывают кольца ненавистных цепей. В сказках, например, «момент безумия» – момент вселения духа <...> приобретения соответствующих способностей»

[Пропп, 1998, т. 2, с. 182]. Такого плана персонажи влекли М. Горького, а за влечением подобным стояла опять же магнетическая тяга Горького к Востоку, о чем он писал в статье «Две души»: «У нас, русских, две души...». В обилии созданных Горьким типов особое место занимают Антипа Вологонов из рассказа «Нилушка», Тихон Вялов из романа «Фома Гордеев», мужики, ловившие несуществующего сома, поднимавшие колокол в повести «Жизнь Клима Самгина», Осип из рассказа «Ледоход». Все обладают тайным знанием или наделены чудесными, скрытыми для окружающих, дарами.

Пришвин же погрузился в экзотику еще более пеструю, необъяснимую. Окунувшись в опыт заволжских хлыстов, Пришвин писал Ремизову (ноябрь, 1909) по поводу сообщения Мельниковым-Печёрским фактов изуверства секты: «Это все враки. Мельников – известный враль» [Пришвин. Письмо А. М. Ремизову]. Там, в лесной глуши, среди непроходимых болот он постигал древние традиции русского иночества, юродства, бегства от мира, наблюдал живых носителей премудрости: старообрядцев, отшельников, сектантов, хлыстов. «Бога нужно прятать как можно глубже» [Пришвин и современность, 1978, с. 226] – одна из многих сентенций, вобравших уроки батюшек из скитов. Рубежом 1910 – 1911 годов датируется другое признание: «На границе

природы и человека нужно искать Бога» [Пришвин и современность, с. 226]. Добавим, что обитавшие в мистической башне из слоновой кости Мережковский, З. Н. Гиппиус тоже интересовались этой сокровенной темой и пробовали подойти к стенам Града Невидимого Китежа.

Пришвин искал «такое знание, чтобы открывалось все – и человек, и природа» [Пришвин, 1982–1986. Т. 1, с. 201, 202]. «Просто поэт в душе» как говорил о себе он [Пришвин, 1982–1986. Т. 1, с. 555], мог раствориться в образе бродяги, странника, в идеале – жреца, народного мудреца. Открыв «корень жизни», он учился, как говорил Пропп, «управлять стихиями», знал «тайну социального устройства» [Пропп, 1998, Т. 2, с. 230]. Эквивалентом философского камня, зерна жизни, эликсира молодости и становится легендарный корень жень-шень.

Любимые персонажи писателя из повествовательного цикла «За волшебным колобком», повести «Кладовая солнца», романа «Осударева дорога» стремятся обрести сакральное знание, проходят через множество испытаний. Водная преграда и «таинственный лес» задерживают путников и отсеивают чужаков. Странники Пришвина испытываются сном, отгадыванием загадок, страхом перед дикими животными и «временной смертью». В лесу над ними совершаются обряды посвящения-инициации, там

они наделяются волшебными предметами, магическим знанием: у Надвоицкого водопада и на Соловецкой Голгофе, в Блудовом болоте и Корабельной чаше, в таежной фанзе у «корня жизни» или в общении с дальневосточным оленем Хуа-лу. Тропа в лесу, путь по воде – это еще и дорога в иной мир, а на уровне подсознательно-психологическом – символическое изживание первородных комплексов несовершенства, тревожных предчувствий и ожиданий, преодоление «социальных и родовых тягот» [Пришвин, 1990, с. 65].

В повести «Жень-шень» функциями сказочного мудреца, посвященного во все тайны зеленого мира, учителя, знахаря, колдуна наделят китаец Лувен. От него главный герой воспринял «хитрую науку»: чуткость к шуму ветра и движению воды, знание языка птиц и зверей, наконец, способность влиять на природный мир. В Лувене удивляет «не то, что он мог разбираться в жизни тайги, а все на свете оживать» [Пришвин, 1977, с. 42]. Основа подобных талантов – «уменье, а не знанье» [Пропп, 1998, т. 1, с. 195]. Для Пришвина идеальным воплощением таких даров мог бы стать сказочный «звериный царь» или языческий Велес – властелин растительного царства. Появляется еще одна реминисценция – Лесной царь Гёте.

Народные мудрецы Пришвина – проводники высших, тайных, труднодостижимых знаний.

Лувен в поисках корня жизни сроднился с природой и поколениями давно ушедших людей. «Отдельные жизни человеческие были мне как волны». Лувен достиг того уровня самоуглубления, когда даже во зле виден «проток» к добру. Удивительна переключка художественной повести «Жень-шень» и дневников Пришвина: «Непреречно же в процессе творчества зло переходит в добро» [Пришвин, 1990, с. 70].

Тип бродяги, странника в идеале стремится к жрецу, народному мудрецу, и этот образ всегда привлекал Пришвина; настолько, что в нем растворялся даже архетип творческой личности. Отвлеченное книжное знание не выдерживало конкуренции с живой жизнью, носителями которой выступали разных качеств глубинные народные типы [Юнг, 2006; Савельева, 2013].

Пришвину не была чужда, как говорил он о себе, роль «просто поэта в душе» [Горький, 1949–1955. Т. 1, с. 555]. «Мудрецом» М. Пришвина назвал М. Горький и, видимо, за устремленность первого к *живому знанию*, физической и духовной сущностям единого мира [Горький, 1949–1955, Т. 29, с. 477].

Разрешение противоречий между народом и интеллигенцией, духом и плотью Пришвин видел в соотнесенности природы и цивилизации, разорванных веками двух пластов культуры: древность, миф, народная культура диктовали гармонические «соответствия» чело-

века и мира; другой был рожден трагическим отчуждением людей XX столетия от животворных основ мироздания. И запечатленные в мифе, фольклоре, традиционной культуре ценности стали в его понимании критерием внутренних потенций личности, аналогом полноценной и полнокровной жизни, перспектив развития русской нации. «Какие чудеса там, в глубине природы, из которой я вышел» [Пришвин и современность, 1978, с. 239]; «Как вернуть свои переживания в природу. Как раскрыть их во всю стихийную ширь?» [Пришвин и современность, 1978, с. 239]; «Я жил, получая кровь от матери-земли, и тут какая-то большая радость и любовь была и правда» [Пришвин и современность, 1978, с. 239].

В повести «Жень-шень» концепты-идеологемы «моя родина» и «неведомая природа» метафизичны. Автор подразумевал узнавание в природе сущности человека. Живя в лесу, в тайге, герой попал, как он говорит, в «какой-то по моему вкусу построенный рай» [Пришвин, 1977, с. 7]. Рай, построенный по моему вкусу, не тот ли, о котором автобиографический герой мечтал в детстве? Достижению Рая препятствовала вездесущая Кашеева цепь, но Кашей бессилен перед мудростью китайца Лувена.

Первая ступень духовного роста, на которую поднял героя Лувен, – открытие внутреннего родства человеческих душ, но до пол-

ного освоения этого феномена ему еще далеко. Писатель разрабатывал образ Лувена, учитывая всяческие стороны древнего архетипа народного мудреца. Этот посвященный во все тайны охотник «повидимому, пришел в тайгу не тем глубоким и тихим человеком, каким он сделался в поисках корня жизни» [Пришвин, 1977, с. 41].

Пришвинский Лувен появился на просторах русской литературы закономерно. Это была определенная традиция и, заметим, стойкая. Пришвин высоко ценил своего выдающегося предшественника В. К. Арсеньева, автора романов «В дебрях Уссурийского края», «Дерсу Узала». Дерсу Узала, Лувен принадлежат к одному художественному типу: естественный человек, дитя природы, почти как у Ж.-Ж. Руссо. Между первыми сочинениями Пришвина и повестью «Жень-шень» связи едва ли не причинно-следственные. Герой циклов «за волшебным колобком» (Из записок на крайнем Севере России и Норвегии), «В краю непуганых птиц» буквально бежит из города, и неслучайно первому из них предпослан эпитафия из знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева: «Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров <...> заеду туда, куда люди не ходят» [Пришвин, 1982–1986. Т. 1, с. 182]. В столь откровенно обозначенных акцентах, симпатиях угадываются мотивы последующих

поисков Пришвина: заеду туда, куда люди не ходят.

«Меня удивляло не то, что он мог разбираться в жизни тайги, а все на свете оживлять» [Пришвин, 1977, с. 42]. Основой подобных талантов Пропп называл «уменье, а не знанье» [Пропп, 1998, Т. 1, с. 195]. Став добровольным учеником китайца, повествователь достиг той степени духовного просветления, когда доступно созерцание корня жизни. В семантическом контексте повести жень-шень мыслится как волшебное растение, мистический корень жизни: «Приковало меня к созерцанию корня молчаливое воздействие на мое сознание этих семи человек, погруженных в созерцание корня жизни. Эти живые <...> были последними из миллионов за тысячи лет, ушедших в землю, и все эти миллионы миллионов <...> верили в корень жизни <...> так точно теперь отдельные жизни человеческие были мне как волны <...> понимать силу корня не по себе самому <...> а в сроках планетного и, может быть, еще и дальнейшего времени» [Пришвин, 1977, с. 27]. Состоялось великое открытие единства времен, связей умерших с живыми, сиюминутного с вечным, «планетным» временем, природного с человеческим, понимание плодотворности веры в корень жизни тех, кто умер, всеобщего делания для торжества жизни.

Своеобразна и концепция художественного времени в этой пове-

сти. Время, проведенное у лесного учителя, – неопределенное, оно и мгновенное, и бесконечное. «Прошло десять лет с тех пор, как я с помощью прирученной Хуа-лу поймал много рогачей и начал строить большое пантовое хозяйство <...> Но бывает напряжение корневой силы жизни так велико, что вы любимого человека, раз навсегда утраченного, находите в другом, и начинаете нового любить, как утраченного» [Пришвин, 1977, с. 76]. Смысл хода времени состоит в трансформации творческих усилий прошлого в настоящее. Наконец, осуществляется прикосновение к «самому источнику творческих сил» [Пришвин, 1977, с. 35].

В молодости рожденная идея пересоздания сущего, столь близкая искусству Серебряного века, питая писателя до старости, обрела высшую философско-эстетическую значимость. Дневники Пришвина последних лет исполнены раздумьями о преодолении социальных катаклизмов через сотворчество человеческого и стихийно-природного. Катаклизмам противопоставлены самоуглубление, созидание, с высоты которых даже во зле виден «проток» к добру: «непременно же в процессе творчества зло переходит в добро» [Пришвин, 1990, с. 70].

Заключение

Пришвин и в евангельские ассоциации включил природу как часть Божьего замысла. Его при-

родные образы соединили переживания терзаемого противоречиями духа и плоти, убийства и любви взрослого путешественника и подсознательные образы ребенка о гармоничном мире, детские представления о рае, ином царстве, сказку, внутреннее творчество, мечту и поиск «небывалого», «и старых, и малых».

Жизненные проекты состоялись, если суммированы желанные цели, поставленные перед собой многими героями и М. Пришвиным. Символичен смысл движения

к цели – это восхождение к солнечной правде, принятию «нового великого света», обретение загадочного корня жизни. Неизведанная природа постигнута, и беда обратилась во благо. Такое обогащение духовного бытия персонажей снимало состояние «первоначальной беды». «Какая глубина целины, какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходят и уходят, не поняв свой Жень-шень» [Пришвин, 1977, с. 68].

Библиографический список

1. Горький М. Собрание сочинений : [в 30 томах]. Москва : ГИХЛ, 1949 – 1955.
2. Иванов Н. Н. Философия, эстетика и поэтика творчества Михаила Пришвина : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
3. Иванов Н. Н. Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина Лесной царь, Фауст, Мефистофель / Н. Н. Иванов, Л. И. Зимица // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2. С. 43–48.
4. Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют. Семейный дискурс русской и мировой литературы: монография / научн. ред. Е. М. Болдырева. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 271 с.
5. Пришвин и современность. Москва : Современник, 1978. 333 с.
6. Пришвин М. М. Зеркало человека. Москва : Правда, 1985. 670 с.
7. Пришвин М. М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1909 – 1952 годов // Наше наследие. 1990. № 1, 2. С. 63-82.
8. Пришвин М. М. Наши берега / из книги «Искусство как образ поведения» ЦГАЛИ. ф. 2569. оп. 1. ед. хр.535. л. 3.
9. Пришвин М. М. Письмо А. М. Ремизову. 21 ноября 1909 г. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Фонд Ремизова. № 634. оп. 1. ед. хр.175.
10. Пришвин М. Собрание сочинений : [в 8 томах]. Москва : Художественная литература, 1982 – 1986.
11. Пришвин М. М. Родники Берендея. Москва : Советская Россия, 1977. 393 с.
12. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Москва : Лабиринт. Т. 1, 2. 1998.
13. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей: Монография. Алматы : Жазушы, 2013. 520 с.
14. Юнг К. Г. Человек и его символы. Санкт-Петербург : АСТ, 2006. 316 с.

15. Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durchgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.

Reference list

1. Gor'kij M. Sobranie sochinenij = Collected works : [v 30 tomah]. Moskva : GIHL, 1949 – 1955.

2. Ivanov N. N. Filosofija, jestetika i pojetika tvorčestva Mihaila Prishvi-na = Philosophy, aesthetics, and poetics of Mikhail Prishvin's work : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.

3. Ivanov N. N. Carstvo «nebesno-zemnoe, duhovno-plotskoe»: recepcija motivov Gjote v tvorčeskoj jevoljucii M. Prishvina Lesnoj car', Faust, Mefistofel' = The kingdom of "Heaven and earth, spiritual and physical": Goethe's motifs in the creative evolution of M. Prishvin (The Forest King, Faust, and Mephistopheles) / N. N. Ivanov, L. I. Zimina // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2020. № 2. S. 43–48.

4. Nezhdannij, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnyj i ujut. Semejnyj diskurs ruskoj i mirovoj literatury = Unexpected, like a flower over the abyss, family hearth and comfort. Family discourse in Russian and world literature : kollektivnaja monografija / nauchn. red. E. M. Boldyreva. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 271 s.

5. Prishvin i sovremennost' = Prishvin and modernity. Moskva : Sovremennik, 1978. 333 s.

6. Prishvin M. M. Zerkalo čeloveka = The mirror of man. Moskva : Pravda, 1985. 670 s.

7. Prishvin M. M. Lesa k «Osudarevoj doroge». Iz dnevnikov 1909 – 1952 go-dov = The Woods to the "Tsar's Road". From 1909-1952 diaries // Nashe nasledie. 1990. № 1, 2. S. 63-82.

8. Prishvin M. M. Nashi berega = Our shores / iz knigi «Iskusstvo kak obraz povedenija» CGALI. f. 2569. op. 1. ed. hr.535. l. 3.

9. Prishvin M. M. Pis'mo A. M. Remizovu. 21 nojabrja 1909 g. OR GPB im. M. E. Saltykova-Shhedrina. Fond Remizova. № 634. op. 1. ed. hr.175 = Prishvin M. M. A letter to A. M. Remizov. November 21, 1909. M. E. Saltykov-Shchedrin state public library. Remizov Fund. No. 634. op. 1. st. un. 175.

10. Prishvin M. Sobranie sochinenij = Collected works : [v 8 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982 – 1986.

11. Prishvin M. M. Rodniki Berendeja = Berendey springs. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1977. 393 s.

12. Propp V. Ja. Morfologija volshebnoj skazki. Istoricheskie korni volsheb-noj skazki = The fairy tale morphology. Historical roots of the fairy tale. Moskva: Labirint. T. 1, 2. 1998.

13. Savel'eva V. V. Hudozhestvennaja gipnologija i onejropojetika ruskih pisatelej = Artistic hypnology and oneiro-poetics of russian writers : monografija. Almaty : Zhazushy, 2013. 520 s.

14. Jung K. G. Chelovek i ego simvolu. Sankt-Peterburg : AST, 2006. 316 s.

15. Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.

Статья поступила в редакцию 09.07.2022; одобрена после рецензирования 04.08.2022; принята к публикации 05.09.2022.

The article was submitted on 09.07.2022; approved after reviewing 04.08.2022; accepted for publication on 05.09.2022

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «МИР
РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», 23.00.04 – «Политическая регионалистика. Этнополитика», 10.01.01 – «Русская литература», 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья», 10.02.01 – «Русский язык»; 24.00.01 – «Теория и история культуры»).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [Карасик, 2002, с. 231] (страницы указываются при цитировании!); [Интерпретационные характеристики ... , 1999, с. 56]; [Шаховский, 2008; Шейгал, 2007]). Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила со-

ставления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % – приветствуется. Во всех источниках должны быть указаны год выпуска, город и издательство, кол-во страниц.

6. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

7. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению редакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо представить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«WORLD OF RUSSIAN-SPEAKING COUNTRIES»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The branch of science and the code of the specialty for which the article was written (23.00.02 – “Political problems of international relations, global and regional development”, 23.00.04 – “Political regionalism. Ethnopolitics”, 10.01.01 – “Russian literature”, 10.01.03 – “Literature of the peoples of foreign countries”, 10.02.01 – “Russian language”; 24.00.01 – “Theory and history of culture”).

4.3. Information about the author: Full name of the author (including in transliterated form), contact mobile phone, e-mail; academic degree and title, place of work (full official name of the organization) and position, address of the organization with an index.

4.4. Title of the article in Russian and English.

4.5. annotation

– must be written in Russian and English;

– should contain a description of the main goals and objectives of the study; in general terms, without going into details, describe the course of the research;

– contain a description of the most significant research results, indicating their importance;

– the annotation should not contain references to literature and special abbreviations; the information contained in the title should not be repeated;

– significant words and phrases from the main text of the article should be used in the text of the abstract;

– the text must comply with all norms and rules of the relevant language and not contain stylistic, grammatical, spelling and punctuation errors;

– the length of each abstract should be between 210 and 250 words.

4.6. Keywords – no less than 7 and no more than 12 (in Russian and English).

4.7. ORCID ID of the author.

4.8. The text of the article.

4.9. Bibliographic list (indicated in alphabetical order).

5. Bibliographic references to sources used must be indicated in the text in square brackets (for example, [Karasik, 2002, p. 231] (pages are indicated when citing!); [Interpretive char-

acteristics ..., 1999, p. 56]; [Shakhovskiy, 2008; Sheigal, 2007]). The bibliographic list must be drawn up in accordance with GOST R 7.0.100 2018 "Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of drawing up" with continuous numbering, 14 point size, 1,5 spacing and placed after the text of the article. Each source indicated in the bibliography must have a link in the text. The editors will give priority to articles that meet the following conditions: the number of references must contain at least 25 titles, at least 20 sources over the last 3 years. Links to your work – 10 %. Links to sources in a foreign language – at least 50 % – are welcome. All sources must indicate the year of issue, city and publisher, number of pages.

6. Notes and footnotes in the article are not allowed!

7. Tables, diagrams, diagrams, histograms should be drawn in a contrasting gray scale. GIF format is used for pictures. The editorial board does not improve the quality of the drawings and does not correct any mistakes made in the drawing. Each figure, table, diagram must have a serial number, title and explanation of all symbols. All columns in tables must be titled. If errors are found in the figure, diagram, table, the editors reserve the right to delete the figure and the text related to it. Under the tables and figures, it is necessary to indicate the source from which the figure or table is taken (for example: author, book, magazine, etc.).

8. Units of measurement are given in accordance with the International System of Units (SI).

9. If the article is written on the basis of an experiment, then it must be formatted as follows:

- introduction;
- literature review;
- research methods;
- results and discussion;
- conclusion;
- thanks;

A manuscript intended for publication will be accepted for consideration by the editorial board only if it receives a completed and signed license agreement in two copies by mail (the form is posted on the website).

The volume of the article should be at least 10 pages and not exceed 20 pages of A4 text, typed in accordance with the above requirements.

If the submitted materials do not meet at least one of the above listed requirements, as well as if the article file is infected with a computer virus, the editorial staff will not consider the article for publication.

An article in the journal undergoes peer review and receives a recommendation from two members of the editorial board and is submitted with reviews to the editor of the journal for inclusion in the journal issue, the content of which is approved by the editorial board. The editors reserve the right to send manuscripts of articles for independent examination.

If there are serious comments on the article in the review, the article will be rejected and the author will be recommended to modify the article in accordance with the comments of the reviewer.

The author receives the author's copy of the journal by mail according to

the issued sub-subscription. You can subscribe from one issue of the magazine per year.

An article approved and recommended by the reviewer of the journal can be published within a year.

For a postgraduate student to publish an article without a subscription to the journal, it is necessary to provide the editor of the journal:

- a certificate from the postgraduate study department;
- an extract from the decision of the department or other structural unit on the need to publish the article, certified by the organization;
- review of the scientific advisor to the article, certified by his organization.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2022 – № 3 (13)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 19,5 п. л., 9,35 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 165. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 01.11.2022

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44